№ 2
2017

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

THE SCHOLARLY AND METHODOLOGICAL JOURNAL

"THE WORLD OF RUSSIAN WORD"
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media Communications at September 11th, 2000 (certificate ПИ № ФС77-30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство «Общество преподавателей русского языка и литературы»

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, а/я 33
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук, проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ, Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр. РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф., и. о. ректора, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор ЗАО «Златоуст»*
Э. Эндрюс — *д-р наук, проф. Дюкского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*

Журнал включен в:

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
– Европейский индекс цитирования по гуманитарным и общественным наукам ERIH PLUS;
– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership "Association of Teachers of Russian Language and Literature" ("ROPRYAL")

Editorial board's address: P. O. Box 33, St. Petersburg, RU-199034, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

L. A. Verbitskaja
St. Petersburg State University, Russian Academy of Education
V. V. Vorobjov
Peoples' Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
V. M. Shaklein
Peoples' Friendship University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
E. Andrews
Duke University
K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru);
– European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
– Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 2

2017

Главный редактор:
К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова —
канд. пед. наук, доц. СПбГУ
Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф., зав. каф., Горный ун-т
Вып. редактор:
М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц., доц. СПбГУ

Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. Д. Степанов

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Тираж 400 экз.

Подписано в печать 20.07.2017
Отпечатано в типографии «СМДЖИ Принт», 197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 61, лит. А, пом. 11Н

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Мир русского слова»: http://mirs.ropryal.ru/rules/

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ] [OFFICIAL MATERIALS]

4 «Язык языку весть подаёт»: итоги семинара РОПРЯЛ в Башкирии
"Language is Sending Some Message to Language…": the Results of the ROPRYAL Seminar in Bashkiria

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ] [LINGUISTIC REMARKS]

7 С. Г. Ильенко
О петербургском доме на Мойке 12 как культурологическом и филологическом средоточии русской истории XIX века
S. G. Ilyenko
On 12 Moyka Emb. in St. Petersburg as a Cultural and Philological Concentration of the Russian 19th Century History

12 Е. С. Бульбенко
Конкретизаторы семантического признака «коварный» в парадигме семной семасиологии
E. S. Bulbenko
Concretization of the "Insidious" Semantic Marker in the Paradigm of Semic Semasiology

[КУЛЬТУРА РЕЧИ] [SPEECH CULTURE]

18 А. Б. Голубина
Социолингвистическая оценка светской беседы
A. B. Golubina
Sociolinguistic Assessment of Small Talk

23 Л. П. Тарнаева
Идиоматичность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении
L. P. Tarnaeva
Idiomatic Character of Professional Discourse Vocabulary in Cross-Lingual Perspective

28 А. Е. Колбасенкова
Функционирование нефтегазовых терминов в текстах научного стиля (на примере термина «центратор»)
A. E. Kolbasenkova
Oil and Gas Terms Functioning in the Scientific Texts: the Case of "Centralizer" Term

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ] [LINGUOCULTURAL STUDIES]

33 Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская
Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект
T. B. Radbil, L. V. Ratsiburskaya
Derivative Innovations on the Basis of Adoption Elements in Modern Russian: Linguoculturological Aspect

40 М. А. Шарапова
Преодоление внешнего насилия и архетипика женских образов в сюжетах современного отечественного кино
M. A. Sharapova
The Overcoming of External Violence and Archetypes of Female Images in Plots of Modern Russian Cinema

47 Ма Сянфэй
Слово «град» в современном русском языке (лексикографический и дискурсивный аспект)
Ma Xiangfei
The Word "Hail" in Modern Russian Language: Lexicographic and Discourse Analysis

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА] [INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

52 Д. С. Московская
«Я нашел в жизни то, что искал». Судьба и наследие Н. П. Анциферова
D. S. Moskovskaya
«I have found in life what I was looking for»: Destiny and Heritage of Nikolay Antsiferov

58 В. А. Немкова
Переводческие стратегии интерпретации настоящего узуального и исторического (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и её английских переводов)

V. A. Nemkova
Translation Strategies of Habitual and Historical Present Interpretation: as exemplified in English translations of "Roadside Picnic" by Arkady and Boris Strugatsky

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

67 И. Б. Авдеева
Стратегии обучения иностранных учащихся инженерного профиля чтению аутентичных текстов научного стиля

I. B. Avdeyeva
Learning Strategies Applied to Teaching Foreign Engineering Students to Read Authentic Scientific Texts

79 А. В. Костин, Е. С. Антипина, О. В. Сапожникова
Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста в иностранной аудитории

A. V. Kostin, E. S. Antipina, O. V. Sapognikova
Linguocultural Interpretation of Literary Text by Foreign Audience

87 Т. Б. Авлова, Т. В. Бурова, М. Г. Добровольская, С. А. Карташева, Л. В. Московкин, И. В. Реброва
Лингвометодический потенциал поликодового публицистического текста (на материале текстов «Анатомия Петербурга»)

T. B. Avlova, T. V. Burova, M. G. Dobrovolskaya, S. A. Kartasheva, L. V. Moskovkin, I. V. Rebrova
The Linguistic and Methodological Potential of the Polycode Publicistic Text: as exemplified in "The Anatomy of St. Petersburg" texts

92 Л. Г. Беликова, Н. Е. Боева, Ван Хуэй, Л. Б. Василенкова, И. Н. Ерофеева, Л. Я. Мачковская
Тексты плакатов природоохранной тематики: лингвометодический потенциал в аспекте русского языка как иностранного

L. G. Belikova, N. E. Boeva, Wang Hui, L. B. Vasilenkova, I. N. Erofeeva, L. Ya. Machkovskaia
Poster Texts on Environmental Subjects: Linguistic and Methodological Potential for Teaching Russian as a Foreign Language

99 О. Н. Левушкина
Работа со словарями как когнитивная стратегия современного образования

O. N. Levushkina
Work with Dictionaries as a Cognitive Strategy of Modern Education

[ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ]

[PRESENTING NEW BOOKS. REVIEWS]

106 К. А. Рогова —
Сковородников А. П. Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

K. A. Rogova —
Skovorodnikov A. P. Ekologiia russkogo iazyka [Ecology of the Russian Language]. Krasnoiarsk, 2016. 388 p.

108 В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова —
Лингвистика эмоций. Обзор журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» (2015. № 1)

V. I. Shakhovsky, N. G. Solodovnikova —
Linguistics of Emotions. Overview of the "Russian Journal of Linguistics" (2015. N 1)

[НАШИ УЧИТЕЛЯ]

[OUR TEACHERS]

112 Мир Фоменко (К 80-летию И. В. Фоменко)

Fomenko's World: I. V. Fomenko's 80th Anniversary

[ХРОНИКА]

[CHRONICLE]

17 Научное наследие профессора Б. Н. Головина. К 100-летию со дня рождения

Scholarly Heritage of Professor B. N. Golovin: Centenary Anniversary

46 51-й семинар русского языка в городе Тиммендорфер Штранде

51st Russian Language Seminar in Timmendorfer Strand

86 Двадцать лет как точка отсчета: хроника юбилейной конференции Российской Риторической ассоциации

Twenty Years as a Reference Point: the Chronicle of Russian Rhetoric Association Jubilee Conference

[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

115 Год экологии
А. С. Данилов, В. А. Матвеева, М. А. Пашкевич
Оценка техногенных массивов как источников экологической опасности

The Year of Ecology
A. S. Danilov, V. A. Matveeva, M. A. Pashkevich
The Assessment of Technogenic Massifs as the Sources of Ecological Danger

«ЯЗЫК ЯЗЫКУ ВЕСТЬ ПОДАЁТ»: ИТОГИ СЕМИНАРА РОПРЯЛ В БАШКИРИИ

"LANGUAGE IS SENDING SOME MESSAGE TO LANGUAGE…": THE RESULTS OF THE ROPRYAL SEMINAR IN BASHKIRIA

28–29 апреля в Учалинском районе Республики Башкортостан состоялся семинар «Система оценки качества преподавания русского языка в школе: проблемы и перспективы». В мероприятии, организованном Российским обществом преподавателей русского языка и литературы при поддержке научного фонда Антонио Менегетти и фонда «Русский мир», приняли участие свыше 60 учителей русского языка общеобразовательных школ Башкирии.

Семинар является логическим продолжением исследования, выполненного Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) в ноябре-декабре 2016 года в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык». В ходе исследования эксперты РОПРЯЛ провели экспертизу качества преподавания русского языка в школах с региональным и этнокультурным компонентом в Республике Адыгея, Республике Саха (Якутия), Республике Татарстан и Чеченской Республике.

Результатом исследования стала картотека из 80 источников — нормативных актов, научных монографий, статей, методических пособий, актуальных при выполнении оценки качества в данной области. Кроме того, Обществом были проведены опросы более 700 учителей и директоров школ и сформирована Система оценки качества, содержащая научно обоснованные ответы на вопросы: какими методами пользоваться при оценивании качества преподавания русского языка, как соотносятся между собой меры внутренней и внешней оценки, какими критериями руководствоваться при оценке результатов методической работы.

«Цель проводимого в Башкирии семинара — познакомить учителей русского языка школ Башкирии с созданной РОПРЯЛ Системой оценки качества, а также обсудить те проблемы, которые традиционно относятся к числу наиболее злободневных, — отмечает исполнительный директор РОПРЯЛ Н. В. Брунова. — Вместе с коллегами мы ответим на вопросы, как включать информацию о культуре региона, истории и обычаях народов, его населяющих, в процесс изучения русского языка, каковы структура и наполнение учебника для билингвальной школы, как управлять мотивацией молодых учащихся к дальнейшему изучению русского языкового наследия».

Актуальность проводимого мероприятия объясняется той особой интегрирующей функцией, которую выполняет русский язык в современной школе: в учебных заведениях с полиэтническим составом учащихся он является не только учебным предметом, но и метапредметной основой, от степени осознания которой зависит эффективность изучения других предметов, качество социальной интеракции школьников. Для учащихся, которые осваивают русский язык как неродной, приоритетной является установка на активный билингвизм. Это позволяет им полноценно использовать в образовательном процессе наряду с родным языком и русский язык как государственный язык Российской Федерации.

Учитывая неоднородную социолингвистическую ситуацию в различных регионах России, представляется необходимым адаптировать имеющиеся инструменты оценки качества (НИКО, РСОКО, ВПР и другие) к специфике регионального «языкового ландшафта».

Более 60 педагогов средних школ Башкирии приехали в центр гуманистической культуры «Диостан» Учалинского района Башкирии, чтобы познакомиться с современными подходами к оценке качества преподавания русского языка в условиях билингвизма и представить на суд профессионального сообщества собственные образовательные проекты. В работе мероприятия приняли участие учителя русского языка Учалинского, Белорецкого, Бурзянского, Давлекановского районов республики Башкортостан.

Научную программу мероприятия поддерживали члены делегации РОПРЯЛ — представители Московского педагогического государственного университета, Российского университета дружбы народов, Башкирского государственного университета, Федерального института педагогических измерений. От имени Российской академии образования в семинаре принимал участие вице-президент РАО, директор Института коррекционной педагогики Н. Н. Малофеев.

На семинаре обсуждалась необходимость дальнейшей разработки объективной системы оценки качества преподавания русского языка в школе, возможные подходы к государственной итоговой аттестации в условиях перехода на ФГОС, содержательный потенциал государственной итоговой аттестации по русскому языку с точки зрения оценки уровня сформированности компетенций выпускника и развития методики обучения, вопросы повышения качества филологического образования в школе и вузе.

Отдельно затрагивались вопросы, связанные со спецификой работы учителя в поликультурной среде, коррекцией индивидуальных образовательных траекторий по русскому языку, другие актуальные проблемы преподавания русского языка в современных условиях.

Проблемы управления мотивацией и реализации метапредметных связей при обучении русскому языку осветила в своём выступлении профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета А. Д. Дейкина. Выступая с докладом «Русский язык как предмет и метапредметная основа в билингвальной российской школе», учёный призвала разграничивать случайный, стихийный билингвизм, не имеющий научной ценности, и билингвизм грамотный. Школе следует приучать думать о том, за что нужно любить русский язык, что особенно в нём необходимо ценить, каковы его функции. Фоновые знания должны предлагаться не «довеском», а на сопоставительном, сравнительном, доказательном уровне.

Уроки русского языка должны углублять когнитивный компонент преподавания, который реализуется в возможности обобщить, увидеть сходное и различное. Важно развивать навыки самообразования, но и другие учителя-предметники должны расширять контекст связей своих дисциплин с русским языком. А. Д. Дейкина констатировала, что на сегодняшний день учащиеся не умеют работать с научным текстом, русский текст в их сознании не структурируется, что не позволяет активизировать имеющиеся у них знания в области математики, истории, других предметов.

Тему реализации метапредметных связей продолжила в своём выступлении руководитель ФПКР КИМ для проведения государственной итоговой аттестации по русскому языку, ведущий научный сотрудник Федерального института педагогических измерений И. П. Цыбулько. «Обучение русскому языку не является сугубо личной проблемой русиста, — подчеркнула эксперт. — Практика показывает, что в слове «теоретический» 25% детей не находят орфограммы. Такая проблема свидетельствует о том, что они на уроках по другим предметам не проходили слово «теория», и у них не сформировались соответствующие понятийные связи, ассоциации. Задания по математике составляются таким образом, что дети не понимают их условий, будучи не в состоянии декодировать письменное сообщение, заложенное в учебную инструкцию». Снятию

этой проблемы способствует введение в школе Единого речевого режима — системы требований, регламентирующих речевую деятельность участников всего образовательного процесса.

Социолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан вкратце осветили в своём выступлении представители Башкирского госудударственного университета — Н. Ш. Галлямова, начальник центра тестирования граждан зарубежных стран учебно-научного центра «Русский язык как иностранный» БашГУ и А. М. Ямалетдинова, вице-президент РОПРЯЛ, декан филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания БашГУ.

Башкирия была одним из первых национальных регионов СССР, который еще в 1950-е гг. приступил к созданию национально ориентированных учебников по русскому языку серии «Слово» — сначала для башкирских, а затем и для других тюркоязычных учащихся. Эта серия воплощала в себе социокультурный и лингвокультурологические принципы организации материала и показывала хорошие результаты. Большой вклад в составление учебников внесла заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего образования Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор Л. Г. Саяхова.

Линейка учебников «Слово» для 5–9-х классов входила в Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию в общеобразовательных учреждениях, однако затем была исключена из него. Многие участники семинара высказывались о необходимости переиздания этих востребованных учебников, т. к. тиражи, выпущенные в 2011 году, уже не соответствуют требованиям Рособрнадзора.

Профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета К. З. Закирьянов также констатировал наличие проблем, связанных с нехваткой национально ориентированных учебников в школах региона. «Наметилась тенденция к отказу от национальных учебников, что, на мой взгляд, недопустимо, — отметил профессор. — Как начинать обучение, если стартовые позиции у учащихся с различными родными языками совершенно разные?»

В числе вопросов, встретивших на семинаре оживленное обсуждение, также назывались необходимость внедрения системного подхода к изучению языкового материала. По мнению А. М. Ямалетдиновой, орфографию в школе изучают бессистемно, процессу преподавания недостаёт научной базы. Новым авторам учебников следует включать в свои книги не правила для заучивания, а принципы русской орфографии, с тем чтобы учащийся мог представить алгоритмы написания слов. С башкирским учёным согласилась и А. Д. Дейкина, подчеркнувшая значимость презентации принципов орфографии на уроках русского языка в билингвальной школе. Профессор МПГУ также отметила значимость аксиологического подхода к презентации языкового материала. «Учащийся должен отчетливо понимать, для чего ему необходимо это знание», — отметила А. Д. Дейкина.

Яркой эмоциональной нотой в программе встречи стали презентации исследовательских работ, выполненных учащимися школ Башкирии. Педагоги, представившие на семинаре свои образовательные проекты, получили памятные подарки от РОПРЯЛ.

По итогам мероприятия готовится письмо с предложениями по оценке качества преподавания русского языка, которое будет направлено в Российскую академию образования, Минобрнауки и Рособрназдор.

С. Г. Ильенко

О ПЕТЕРБУРГСКОМ ДОМЕ НА МОЙКЕ 12 КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ СРЕДОТОЧИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА

SAKMARA G. ILYENKO
ON 12 MOYKA EMB. IN ST. PETERSBURG AS A CULTURAL AND PHILOLOGICAL CONCENTRATION OF THE RUSSIAN 19TH CENTURY HISTORY

Филологии вовсе не свойственна сухость, филология — это наша жизнь…
А. А. Шахматов

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.
Надолго ли?..
А. С. Пушкин

Сакмара Георгиевна Ильенко
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48
Санкт-Петербург, 191186, Россия
▸ sakmara.ilenko@mail.ru

Sakmara G. Ilyenko
The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 naberezhnaya reki Moyki,
St. Petersburg, 191186, Russia

В статье развивается тезис о том, что дом № 12 по набережной Мойки в Петербурге, в котором Пушкин провел последние месяцы жизни и скончался, стал средоточием разнообразной деятельности поэта и драматических коллизий его личной судьбы. В силу этого он справедливо оценивается как историческое свидетельство величайших взлетов и прозрений отечественной культуры и мысли. Этот дом — место, где была завершена «Капитанская дочка» и созданы последние стихи, а вместе с ними была доведена до конца и работа, подлинный смысл которой стал ясен много позднее — реформирование русского литературного языка. В этом же доме Пушкин состоялся и как редактор и издатель «Современника» — журнала принципиально нового типа.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; Мойка 12; «Капитанская дочка»; «Современник»; текстообразование; жанрообразование.

The author argues that Pushkin's last apartment in Saint Petersburg at 12 Moyka Emb., where he had spent last months of his life and died, is the center of his diverse activities and of dramatic collisions in his private life. Therefore, this locus is in good repute as a historical evidence of the greatest insights of Russian thought and culture. Here Pushkin has finished his novel "The Captain's Daughter" and his last poems. As was apparent later on, these writings signified completing the reform of Russian literary language. In Moyka house Pushkin has also succeeded as editor and publisher of "The Contemporary" magazine, a literary and social journal of an essentially new type.

Keywords: A. S. Pushkin; 12 Moyka Emb.; "The Captain's Daughter"; "The Contemporary" magazine; text formation; genre formation.

В Путеводителе Музея-квартиры А. С. Пушкина, созданном Г. М. Седовой (1999 г.), в качестве основного названия использована цитата самого Пушкина: «...мой адрес: на Мойке близ Конюшенного мосту в доме княгини Волконской». Этот принятый в XIX веке адрес стал историей и, более того, мифом. История и миф связывались, конечно, с Пушкиным, эстетическое и этическое формирование которого было предопределено многими обстоятельствами, главными среди которых была Отечественная война 1812 года и восстание декабристов на Сенатской площади 1825 года. Однако эти эпохальные события XIX века не могли не отразиться на обитателях дома, получившего впоследствии известный адрес: Мойка 12, ассоциируемый не только с известным российским родом Волконских, но и с многими другими

(на Мойке рядом жил друг Пушкина Иван Пущин, у Конюшенного моста — князь В. Ф. Одоевский, у которого Пушкины встречали новый, 1836 год).

Но вернемся к Пушкину. Его историческая роль как российского культурологического символа весьма часто передается формулой Аполлона Григорьева: «Пушкин наше все». Воспринимается она, однако, чаще всего как эстетическая. Философско-просветительская же сторона остается весьма приглушенной: словно забывается, что пушкинский «магический кристалл» позволил поэту-философу-историку не только обогатить российскую словесность такими величайшими шедеврами, как «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Медный Всадник», поэтическими собраниями невиданных по художественной ценности лирических стихотворений, сугубо интимных и вольнолюбивых, и, наконец, «Капитанская дочка».

Но главная роль «магического кристалла» (воспользуемся метафорой Пушкина) — это деятельность Пушкина в осуществлении общенациональной задачи — создания русского (прежде всего художественного) литературного языка, задачи грандиозной, хотя в устах самого поэта скромно представляемой как сетование по поводу отсутствия у нас «метафизического языка».

Пушкин глубже, чем кто-нибудь другой, осознал, что богатство языка определяется не просто количественными показателями (множеством слов и грамматических форм), а, главным образом, разнообразием стилеразличительных возможностей, связанных с необходимостью представлять разное (разные сферы), так же как в повседневном быту по-разному выбирается для спорта спортивный костюм, а для новогоднего бала нарядное платье. Речь идет, как догадывается читатель, о функциональном диктате, пропагандируемом поэтом.

Но есть еще одно обстоятельство, которое сделало Мойку 12 уникальным местом русской культуры. Здесь в ящиках письменного стола кабинета Пушкина обнаружилось собрание рукописей, которым овладели жандармы, но которое с литературной озабоченностью предварительно просматривал В. А. Жуковский. Этот архив оказался неким чудом: б*о*льшая часть пушкинского творчества не была опубликована. До последующих поколений россиян могли не дойти «Медный Всадник», «Пропущенная глава» «Капитанской дочки», такие выдающиеся стихотворения, как «Во глубине сибирских руд», «Вновь я посетил...», «Осень», «Я не люблю мятежных наслаждений» и многие другие. Именно в отрывках, естественно, нигде не напечатанных, остались бы бессмертные строки, которые стали популярным эпиграфом ко многим сочинениям: *О сколько нам открытий чудных / Готовят просвещенья дух / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг, / И случай, бог изобретатель...* Для потомства многое бы пропало, если бы не сохранилось то, что ходило в списках поклонников (в частности, декабристов) и в памяти близких людей, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и др.

Е. А. Боратынский*, познакомившись с оставшимися ненапечатанными произведениями Пушкина, так охарактеризовал их в письме к жене: «Был у Жуковского, провел у него три часа, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формой. Все последние его пьесы отличаются — чем бы ты думала? — силою и глубиною. Он только что созревал. Что мы сделали, Россияне, и кого погребли! — слова Феофана на погребении Петра Великого. У меня несколько раз навертывались слезы художнического энтузиазма и горького сожаления».

Эта же мысль обнаруживается и в письме Александра Карамзина своему брату: «Говорили, что Пушкин умер давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. <...> В последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта, сила выражений и обилие великих, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою; читая их, поневоле дрожь пробегает, и на каждом стихе задумываешься и чуешь гения. В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!!! Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истощилось!»

(Карамзин А. Н. — Карамзину А. Н., 13 марта 1837 г.) (Пушкин в письмах Карамзиных..., с. 192).

Как известно, Пушкин любил краткость. Требование краткости продиктовало в данном случае изложение трех моментов:

– непревзойденность поэтическо-прозаического наследия гениальной личности;
– издание принципиально нового журнала «Современник»;
– мужественно-величественная кончина великого духом человека.

Смысл своего творчества Пушкин определил сам:

«Я памятник воздвиг себе **нерукотворный**», <...> «Вознесся **выше** он главою непокорной **Александрийского столпа**». Настоящего поэта, имея в виду и себя, Пушкин оценивает выше императорского столпа и даже повторяет библейские слова Христа о нерукотворности великого духовного наследия. Подлинный поэт должен быть великой индивидуальной личностью, а она многогранна. И если пишущие современники часто проявляли себя в одном аспекте, одни из которых замыкались на требовании вольнолюбивых стихов, другие — на сугубо прагматических, третьи — на идее невыразимости окружающего мира, то Пушкин предстает как поэт полифункциональный:

Меж ними все рождало споры
И к размышлению влекло,
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло (гл. 2, стр. XVI).

В следующих строках этой же главы обращается внимание на необходимость осознания человеческих страстей:

Но чаще подвергались страсти
Уму пустынников моих (гл. 2, стр. XVII).

Что же касается существа их анализа, то теоретической опорой в данном случае может выступить концепция Шарля Балли, честь перевода которой принадлежит ленинградским ученым — К. Долинину и Е. Эткинду (50-е — 60-е годы XX века).

У знающих же творчество Пушкина в доме на Мойке 12 возникают ассоциации, связанные со знаменитым родом Волконских, в том числе с декабристом С. Г. Волконским. Дом принадлежал его родной сестре, С. Г. Волконской. Жена С. Г. Волконского, Мария Николаевна Раевская-Волконская, уезжая в далекую Сибирь, была вынуждена оставить своего первенца в Петербурге на попечение родных мужа. В 1828 году ребенок умер. Узнав о смерти сына лишь в 1829 году и получив эпитафию Пушкина, горестная мать писала своему знаменитому отцу, герою Отечественной войны 1812 года Н. Н. Раевскому: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!..» Напомним эту гениальную эпитафию:

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Сильная и емкая поэтическая фигура шедевра Пушкина «у трона вечного творца» — это и о самом Пушкине, точно так же как и, казалось бы, неожиданное «в радостном покое».

Последние минуты Пушкина описаны многими. Непосредственно у постели умирающего находились доктора Спасский и Андриевский и близкие друзья В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, М. Ю. Виельгорский, Вл. Даль. Последний по просьбе Пушкина взял его под мышки, приподнял повыше. Позже в воспоминаниях об этих днях Даль напишет: «Он вдруг будто проснулся, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось и он сказал: „Кончена жизнь“. Не расслышав, Даль переспросил: „Что кончено?“ и получил ответ: „Жизнь кончена“» К этому Даль в своих воспоминаниях прибавил: «Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его».

О необычном выражении лица скончавшегося Пушкина писал его отцу В. А. Жуковский: «Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. <...> Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась». Чуть позже в стихотворении он напишет:

Но какою-то мыслью
глубокой, высокой мыслью
было объято оно

(*Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 393).

Присутствующие при последних днях Пушкина были поражены тремя обстоятельствами: **мужеством и духовностью** перед последним часом и невиданным терпением к боли; удивляющей всех **заботой о близких**, жене, друзьях — со всеми ему хотелось попрощаться, за одних заступиться (за лицейского товарища К. Данзаса), других по-христиански простить; **огромным количеством сочувствующих** и переживающих уход из жизни великой личности, смерть которой превратилась в ее бессмертие.

Пушкин сумел осуществить напутствие, удачно сформулированное Боратынским: «Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений. Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Пётр Великий возвёл Россию между державами».

Но роль Пушкина не исчерпывается его реформаторской и писательской деятельностью, как это, к сожалению, воспринимается сегодняшними его читателями, о чем свидетельствует ассоциативный словарь. Здесь протекала и издательская деятельность. Имеется в виду знаменитый пушкинский журнал, получивший название «Современник», журнал, о котором поэт мечтал всю свою жизнь, понимая необходимость наличия в России такого журнала, который бы освещал разную тематику — эстетическую в широком смысле слова, политическую, историческую, юридическую, научную, а также разные геополитические сферы — не только российские факты и события, но и европейские и даже американские.

Показательно в этом отношении признание К. Рылеева князю П. А. Вяземскому в январском письме 1825 года: «Недостаток благородного, честного журнала с каждым годом становится ощутительнее, но страшно сделаться журналистом: так это звание теперь опакощено».

Однако из-за неготовности читателей воспринять новое пушкинский «Современник» успеха не имел. Тираж сокращался, а журнал не раскупался. Между тем в нем была опубликована «Капитанская дочка» (в четвертом номере). Пушкин создал новую прозу. Характеризуя эту гениальную повесть, следует иметь в виду:

- параллелизм с собственно историческим сочинением «Историей Пугачева» (или «Пугачевского бунта», как приказал его именовать Николай I);
- соотнесенность Емельяна Пугачева — исторического лица и Пугачева — художественного образа;
- противоречивость сведений имеющихся источников;
- поиски «словесного ключа» для собственно исторического сочинения и художественного творения, требующие осмысления как самой эпохи Петра I, так и самой личности царя-императора, в качестве наследницы которого подавала себя Екатерина II, борющаяся в 1773–1774 годах с самозванцем Пугачевым, будучи сама в некотором роде «самозванкой»;
- перекличку — соприкасаемость с родословной поэта («Арап Петра Великого», в котором речь идет об Ибрагиме Ганнибале, прадеде поэта);
- одновременность работы над «Капитанской дочкой» с работой над повестью «Дубровский», главный персонаж которой — Дубровский (Островский) представлен как дворянин-отщепенец, драматически ищущий справедливость и способы стать «благородным разбойником».

Все это объясняет эффект «Капитанской дочки», ее многомерность и с необходимой наглядностью раскрывает ее непревзойденность. Окончание «Капитанской дочки» помечено 19 октября 1836 года, весьма важной датой в жизни и творчестве Пушкина — открытие Лицея: «Отечество нам Царское село». Обращенность к этой дате для Пушкина не просто хронологический факт, а событийный символ, закончен, таким образом, на Мойке 12, в пору для него весьма парадоксальную: высочайшего духовного творческого и мировоззренческого подъема и драматического переживания семейной и идейной трагедий, граничивших с полной безысходностью.

ПРИМЕЧАНИЕ

* В пушкинский период фамилия Боратынский писалась двояко: с первым гласным «а» и «о». Но во второй полови-

не XIX века и тем более в XX веке господствующим стало написание с «А». Тем не менее исторически оправдывается написание «о»: Происходил Евгений Абрамович из рода Божедара, полководца и казначея Польского королевства, который в XIV веке построил в Галиции замок «Боратын», что означает «Божья оборона». Уже сын Божедара — Дмитрий стал именоваться Боратынским.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. М., 1961.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М., 1979.

Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посв. Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж, 2002. С. 103–114.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на матер. русской прозы XIX–XX вв. М., 2006.

Иезуитова Р. В. «Прости, мой бедный Сергей Львович». К письму В. А. Жуковского о смерти А. С. Пушкина // Наше наследие. 1992. № 44.

Карпов А. А. Пушкин-художник в «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и матер. Л., 1978. Т. 8. С. 51–61.

Лебедев Е. Н. Тризна. Книга о Е. А. Боротынском. М., 1985.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений А. С. Пушкина. СПб., 1999.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1996.

Седова Г. М. «Мой адрес: на Мойке близ Конюшенного моста в доме кн. Волконской». Музей-квартира А. С. Пушкина. Путеводитель. СПб., 1999.

Старк В. П. Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и матер. СПб., 2004. Т. 16/17. С. 188–197.

Степанов Ю. С. Язык художественной литературы. М., 1997.

Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.

Эткинд Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Т. 1. Проза. М., 2009.

Эткинд Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Т. 2. Поэзия. М., 2009.

REFERENCES

Arutiunova N. D. (1988) *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]*. Moscow. (in Russian)

Balli Sh. (1955) *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka [General linguistics and questions of the French language]*. Moscow (in Russian)

Balli Sh. (1961) *Frantsuzskaia stilistika [French stylistics]*. Moscow. (in Russian)

Bakhtin M. M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow. (in Russian)

Boldyrev N. N. (2002) Struktura i printsipy formirovaniia otsenochnykh kategorii [The structure and principles of evaluation categories]. In: *S liubov'iu k iazyku: sbornik nauchnykh trudov. Posviashchiaetsia E. S. Kubriakovoi [With the love of language: collection of scientific works. Dedicated To E. S. Kubryakova]*. Moscow; Voronezh, pp. 103–114. (in Russian)

Dymarskii M. Ia. (2006) *Problemy tekstoobrazovaniia i khudozhestvennyi tekst: na materiale russkoi prozy XIX–XX vv. [Problems of text formation and the literary text: on the material of Russian prose of the 19th–20th centuries]* Moscow. (in Russian)

Iezuitova R. V. (1992) «Prosti, moi bednyi Sergei L'vovich». K pis'mu V. A. Zhukovskogo o smerti A. S. Pushkina ["I'm sorry, my poor Sergei Lvovich". To the letter of V. A. Zhukovsky on A. S. Pushkin's death]. *Nashe nasledie [Our heritage]*, no. 44. (in Russian)

Karpov A. A. (1978) Pushkin-khudozhnik v «Istorii Pugacheva» [Pushkin as the artist in the "History of Pugachev"]. In: *Pushkin: Issledovaniia i materialy [Pushkin: Studies and Materials]*. Leningrad, vol. 8, pp. 51–61. (in Russian)

Lebedev E. N. (1985) *Trizna. Kniga o E. A. Borotynskom [The funeral feast. The book about E. A. Borotynskiy]*. Moscow. (in Russian)

Mokienko V. M., Sidorenko K. P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazhenii A. S. Pushkina [Dictionary of popular expressions of A. S. Pushkin]*. St. Petersburg. (in Russian)

Pushkin v pis'makh Karamzinykh 1836–1837 godov [Pushkin in the Karamzins' letters of 1836-1837 years] (1960). Moscow, Leningrad. (in Russian)

Karaulov Iu. N., Sorokin Iu. A., Tarasov E. F. et al. (1996) *Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian associative dictionary]*, book 3: Priamoi slovar': ot stimula k reaktsii. Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo iazyka [Direct dictionary: from stimulus to reaction. Associative thesaurus of the modern Russian language], part 2. Moscow (in Russian)

Sedova G. M. (1999) *«Moi adres: na Moike bliz Koniushennogo mosta v dome kn. Volkonskoi». Muzei-kvartira A. S. Pushkina. Putevoditel' ["My address: on Moika river near Konyushenny bridge in the house of princess Volkonsky". Museum-apartment of A. S. Pushkin. Guide]*. St. Petersburg. (in Russian)

Stark V. P. (2004) Pushkiny v «Istorii Petra» i «Istorii Pugacheva» [Pushkins in "The History of Peter" and "The History of Pugachev"]. In: *Pushkin: Issledovaniia i materialy [Pushkin: Studies and Materials]*. St. Petersburg, vol. 16/17, pp. 188–197. (in Russian)

Stepanov Iu. S. (1997) *Iazyk khudozhestvennoi literatury [The language of fiction]*. Moscow. (in Russian)

Etkind E. G. (1999) *Bozhestvennyi glagol. Pushkin, prochitannyi v Rossii i vo Frantsii [The divine verb. Pushkin, read in Russia and in France]*. Moscow. (in Russian)

Etkind E. G. (2009) *Seminarii po frantsuzskoi stilistike [Seminarium on French stylistics]*, vol. 1. Proza [Prose]. Moscow. (in Russian)

Etkind E. G. (2009) *Seminarii po frantsuzskoi stilistike [Seminarium on French stylistics]*, vol. 2. Poeziia [Poetry]. Moscow. (in Russian)

Е. С. Бульбенко

КОНКРЕТИЗАТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА «КОВАРНЫЙ» В ПАРАДИГМЕ СЕМНОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

ELENA S. BULBENKO
CONCRETIZATION OF THE "INSIDIOUS" SEMANTIC MARKER IN THE PARADIGM OF SEMIC SEMASIOLOGY

Рассматривается лексикографическая репрезентация коварства в парадигме семной семасиологии. Вычленяются слово-признак, слово-конкретизатор в двух ипостасях: макро и микро. Проводится четырехступенчатый анализ смыслового содержания слова-признака «коварный» с помощью компонентного анализа и дефиниционно-таксономического анализа. Устанавливается неполнота предписывающей информации анализируемых словарей. Выявляется абсолютная неэкологичность лексемы «коварный».

Ключевые слова: сема; семная семасиология: признак, конкретизатор (макро/микро); компонентный анализ; дефиниционно-таксономический анализ; эмоция; экологичность (экологичный/неэкологичный); лексикография.

The article deals with lexicographic representation of "insidiousness" in the paradigm of semic semasiology, and singles out the notions of word-sign and word-concretization in macro- and micro- forms. The author offers four-step analysis of the semantic contents of the word-sign "insidious" with the help of component, definitional and taxonomic analyses, finds out the incompleteness of the prescribed dictionary information, and proves the total environment-unfriendliness of the lexeme "insidious".

Keywords: seme; semic semasiology; semantic marker; macro- and micro- concretization; component analysis; definitional and taxonomic analysis; emotion; environment-unfriendliness; lexicography.

Елена Сергеевна Бульбенко
Кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. им. В. И. Ленина, д. 27, Волгоград, 400066, Россия
► twins04@mail.ru

Elena S. Bulbenko
Volgograd State Pedagogical University
27 V. I. Lenina prosp., Volgograd, 400066, Russia

С появлением в теоретической и практической лингвистике антропоцентрической парадигмы одним из ее наиболее поздних ответвлений стала лингвистика эмоций. Она опровергла утверждение неоднократно цитировавшихся во множестве работ зарубежных (Л. Блумфилд, О. Есперсен и др.) и отечественных (В. А. Звегинцев, Е. М. Галкина-Федорук, О. С. Ахманова и др.) лингвистов о том, что в языке нет эмоций, и поэтому эмоции не могут и не должны быть ни объектом, ни предметом лингвистических исследований. Поэтому до конца 60-х гг. прошлого века в лингвистике не было ни одной работы, специально посвященной категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка (см. об этом, напр.: [5; 6 и др.]).

В последние годы на пересечении лингвистики эмоций, экологии и валеологии сформировалась новая научная парадигма эмотивной лингвоэкологии, получившая специфический объект, набор предметов, методов, методик и приемов. Сформировался также и ее собственный понятийно-терминологический аппарат [8].

Объектом этой парадигмы является модус экологичности общения во всех его видах и типах в зависимости от эмоциональных валентностей конкретной языковой личности, и в зависимости от определенной коммуникативной эмоциональной ситуации, снимающей природную амбивалентность эмоций человека.

Как отмечается исследователями [Там же], все эмоции дискурсивны: они порождают коммуникативную эмоциональную ситуацию, которая в свою очередь провоцирует новые эмоции или трансформирует исходную. Эмотивная лингвоэкология, по словам В. И. Шаховского, установила, что одна и та же эмоция (признак) в разных ситуациях может реализовывать свои бесчисленные варианты, которые в терминах семной семасиологии получили название «конкретизаторы».

Проблема признаков эмоции и его конкретизаторов чрезвычайно важна как для внутрикультурного, так и для межкультурного общения, особенно для переводов беллетристики и для составления двуязычных словарей, так как каждая эмоция национально специфична в языковом оформлении (см.: [9]).

На основе методологии, методов, методики и приемов семной семасиологии в статье анализируется набор конкретизаторов в семантике слова-признака «коварный», который очень тесно сопряжен семантически со словом-признаком «хитрый», соотносимым с кластерами эмоций зависти, ненависти, возмущения, негодования, злости, ярости, бешенства (подробнее см.: [2: 98–109]).

В данной работе рассматривается только прилагательное «коварный». В дальнейшем расширение кластерного состава макро- и микроконкретизаторов возможно за счет привлечения к анализу других частей речи: наречия «коварно», существительного «коварство». Что касается глагольной части слова-признака «коварный», то соответствующий глагол в русском языке отсутствует, но имеется глагол «хитрить», который является одним из синонимических конкретизаторов слова-признака «коварный».

Семная семасиология «основывается на понятии семы как компонента значения и описывает значение при помощи понятия семы — как определенную упорядоченную совокупность сем разных типов» [3: 3]. Основное различие между данными направлениями заключается в методе описания значения [7].

Заметим, что все признаки и семы опредмечиваются в словах, т. е. ословливаются. Эти слова представлены в словарных дефинициях как синонимы базового слова, а дефиниционно-таксономический анализ различных коммуникативных эмоциональных ситуаций выявляет множество дополнительных к словарным дефинициям семных конкретизаторов (эксплицитные и имплицитные), не фиксируемых ни одним словарем — ни толковым, ни переводным*.

У каждого слова-признака есть конкретизаторы, нюансирующие его смыслы. Эти конкретизаторы вычленяются на разных ступенях компонентного и дефинитивно-таксономического анализа. На уровне компонентного анализа вычленяется базовый конкретизатор (макроконкретизатор). На уровне дефинитивно-таксономического анализа, имеющего множество стадий, происходит углубление в смысловое содержание базового конкретизатора. На каждой стадии вычленяются соответствующие микроконкретизаторы (микроконкретизаторы-1, 2, 3 и т. д.).

Ниже демонстрируется поэтапная методика семной семасиологии, использованная при компонентном анализе слова-признака «коварный». На первом этапе анализа в словарных дефинициях шести словарей нами был выделен следующий список синонимов, обозначающих признак «коварный».

Слово-признак «коварный»

Сл. Даля: *Кто кует ковы, вязи, пута, лукавый, злорадный, хитрый, скрытный злобный, замышляющий, двуличный,*

проискливый на зло.

Сл. Ожегова, Шведовой: *Отличающийся коварством, склонный к нему.*

Сл. Лопатиных: *Хитрый, скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел, а также выражающий это качество.*

Сл. син. 1970: *Вероломный, предательский, каверзный, злокозненный, иезуитский, макиавеленский.*

Сл. син. 1975: *Лукавый, злокозненный, иезуитский, макиавеленский, предательский, каверзный.*

МАС: *Скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел, вероломный, выражающий коварство, вероломство, таящий в себе неожиданную неприятность, беду, опасность.*

В приведенных словарных толкованиях слова-признака «коварный» было выделено 29 его семантических конкретизаторов, девять из которых были представлены в двух словарях из шести:

хитрый; лукавый; вероломный; предательский; злокозненный; иезуитский; макиавеленский; каверзный; скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел.

11 конкретизаторов в шести словарях оказались различными:

кто кует ковы, вязи, пута; злорадный; скрытный; злобный; замышляющий; двуличный; проискливый на зло; отличающийся коварством; склонный к нему; выражающий коварство, вероломство; таящий в себе неожиданную неприятность, беду, опасность.

Все конкретизаторы неодинаково представлены в словарях, что может привести к формированию у коммуникантов разного уровня знаний об анализируемом слове-признаке и гипотетически — к коммуникативным помехам.

На этапе компонентного анализа слова-признака «коварный» мы выявили его макроконкретизатор '*хитрый*'. Проанализируем данный семантический конкретизатор методом дефинитивно-таксономического анализа (1-я стадия) и установим микроконкретизаторы-1:

Макроконкретизатор '*хитрый*'

Сл. Даля: *Искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый; злостный, лукавый, коварный.*

Сл. Ожегова, Шведовой: *Изобретательный, искусный в чем-либо; замысловатый, мудреный, изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями; лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение.*

Сл. Лопатиных: *Замысловатый, мудреный, скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-нибудь;*

Сл. син. 1970: *Лукавый, плутоватый, плутовской.*

Сл. син. 1975: *Лукавый, хитроватый, плутоватый, плутовской, продувной.*

МАС: *Скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л., лукавый, свойственный такому человеку, выражающий хитрость, изобретательный, искусный в чем-л., искусно, затейливо сделанный, выполненный, требующий особого умения, мастерства, не простой, мудреный, замысловатый, требующий особой проницательности, смекалки, сообразительности, сложного устройства, с какой-л. выдумкой, секретом, трудный, сложный.*

Макроконкретизатор '*хитрый*' слова-признака «коварный» имеет совпадения в микроконкретизаторах '*лукавый*' в пяти словарях из шести, в четырех словарях из шести указаны семные микроконкретизаторы '*мудреный*' и '*замысловатый*', микроконкретизаторы '*изобретательный*' и '*искусный, скрывающий свои истинные намерения*', '*идущий непрямыми, обманными путями*' указаны в трех словарях из шести, в двух словарях из шести встречаются микроконкретизаторы '*плутоватый*' и '*плутовской*'. Это значит, что у макроконкретизатора '*хитрый*' на первой стадии анализа выявлено 8 общих микроконкретизаторов-1:

лукавый; мудреный; замысловатый; изобретательный; искусный; скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями; плутоватый; плутовской.

Различных выявлено 15:

затейливый; злостный; коварный; изворотливый; обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение; хитроватый; продувной; свойственный такому человеку (лукавый); выражающий хитрость; искусно, затейливо сделанный, выполненный; требующий особого умения, мастерства; не простой, требующий особой проницательности, смекалки, сообразительности, сложного устройства; с какой-л. выдумкой, секретом; трудный; сложный.

Всего установлено 23 микроконкретизатора.

Сопоставим эти два набора результатов компонентного и 1-й стадии дефинитивно-таксономического анализа, конкретизирующих слово-признак «коварный» и выявивших их общий семантический макроконкретизатор '*хитрый*'. Слово-признак «коварный»:

*хитрый; **лукавый**; вероломный; предательский; злокозненный; иезуитский; макиавеленский;*

семантичекий макроконкретризатор '*хитрый*':

***лукавый**; мудреный; замысловатый; изобретательный; искусный; скрывающий свои истинные намерения; идущий непрямыми, обманными путями; плутоватый; плутовской.*

Сравнение показало, что у слова-конкретизатора «коварный» и его макроконкретизатора

‘*хитрый*’ есть общий признак — микроконкретизатор (‘*лукавый*’), так как он повторяется в приведенных списках. Данный микроконкретизатор обозначает и слово-признак, и его макроконкретизатор в негативном (неэкологичном) смысле, который свидетельствует о неискренности характеризуемого этим словом человека.

Неэкологичность этого микроконкретизатора подтверждается также результатами второй стадии дефинитивно-таксономического анализа.

Микроконкретизатор-1 ‘*лукавый*’

Сл. Даля: *Хитрый умышляющий, коварный, скрытный, злой, обманчивый опасный, криводушный, притворчивый, двуличный злонамеренный.*

Сл. Ожегова, Шведовой: *Коварный, хитрый, игривый, исполненный добродушной хитрости.*

Сл. Лопатиных: *Хитрый, неискренний, игривый, добродушно-хитрый.*

Сл. син. 1970: –

Сл. син. 1975: *См. коварный и хитрый.*

МАС: *Склонный к козням, интригам, хитрый, коварный, исполненный веселого задора, игривости.*

Во всех анализируемых словарях, за исключением одного, выявлен доминантный микроконкретизатор — ‘*хитрый*’, из шести в четырех выявлен микроконкретизатор ‘*коварный*’. На второй стадии анализа установлено, что один словарь из шести не дает никакого толкования слова *лукавый*, а один словарь из шести отправляет исследователя к слову-признаку «коварный» и «хитрый», т. е. *лукавый* представлен в приведенных словарях как имплицитно, так и эксплицитно. Это означает, что анализируемый микрокомпонент, опредмеченный в словесной форме *лукавый*, спрятан среди конкретизаторов слова-признака «коварный». Но микроконкретизатор ‘*лукавый*’ наличествует в их семиотике, и не каждый коммуникант может подразумевать его амбивалентный смысл.

Отрицательный аспект микроконкретизатора-1 ‘*лукавый*’ представлен в следующих микроконкретизаторах-2:

хитрый; умышляющий; коварный; скрытный; злой; обманчивый; опасный; криводушный; притворчивый; двуличный; злонамеренный; неискренний; склонный к козням, интригам (всего — 13).

А положительная смысловая валентность микроконкретизатора ‘*лукавый*’ прослеживается в таких смыслах, как:

игривый; добродушно-хитрый; исполненный веселого задора, добродушного задора; игривости (всего — 4).

На основании приведенной статистики можно сделать вывод о том, что микроконкретизатор-1 слова-признака «коварный» является амбивалентной оценочно-эмотивной экологемой.

На третьей стадии дефинитивно-таксономического анализа мы в качестве примера отобрали еще один из первичных конкретизаторов слова-признака «коварный» — ‘*злорадный*’ (более полный результат возможен при анализе всех девяти совпадающих конкретизаторов, выявленных на этапе компонентного анализа).

Смысловое содержание значения-признака ‘*злорадный*’

Сл. Даля: *Злорадливый, злорадчивый, кто радеет злу, кто радуется злу, тешится бедствием, несчастьем другого.*

Сл. Ожегова, Шведовой: *Полный злорадства.*

Сл. Лопатиных: *Злобно-радостный при несчастье, неудаче другого.*

Сл. син. 1970: –

Сл. син. 1975: –

МАС: *Проникнутый злорадством, исполненный злорадства.*

Как видим, в двух словарях из шести не приводятся микроконкретизаторы к значению-признаку ‘*злорадный*’.

С целью получения более детальной смысловой конкретики слова-признака «коварный» объединим результаты всех ступеней анализа (компонентный и три стадии дефинитивно-таксономического).

Первый набор смыслов (на основе слова-признака «коварный»):

кто кует ковы, вязи, пута; лукавый; злорадный; хитрый; скрытный; злобный; замышляющий; двуличный; проискливый на зло; отличающийся коварством; склонный к нему;скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел, а также выражающий это качество;вероломный; предательский; каверзный; злокозненный; иезуитский; макиавеленский; выражающий коварство, вероломство; таящий в себе неожиданную неприятность, беду, опасность (всего — 20).

Второй набор смыслов (на основе макроконкретизатора ‘*хитрый*’) представлен следующими микроконкретизаторами-1:

искусный; мудреный; изобретательный; замысловатый; затейливый; злостный; лукавый; свойственный

такому человеку; коварный; скрывающий свои истинные намерения; изворотливый; идущий обманными путями; обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение; хитроватый; плутоватый; плутовской; продувной; искусно, затейливо сделанный, выполненный, требующий особого умения, мастерства; не простой;требующий особой проницательности, смекалки, сообразительности, сложного устройства, с какой-либо выдумкой, секретом; трудный; сложный (всего — 22).

Третий набор смыслов прослеживается в таких микроконкретизаторах-2 (на основе микроконкретизатора-1 '*лукавый*'), как:

умышляющий; скрытный; злой; обманчивый; опасный; криводушный; притворчивый; двуличный; злонамеренный; игривый; исполненный добродушной хитрости; неискренний; добродушно-хитрый; склонный к козням, интригам; исполненный веселого задора, игривости (всего — 15).

Четвертый набор микроконкретизаторов-3 выявлен на основе смыслового содержания значения-признака '*злорадный*':

злорадливый; злорадчивый; кто радеет злу; тешится бедствием, несчастьем другого; полный злорадства; злобно-радостный при несчастье, неудаче другого; проникнутый злорадством; исполненный злорадства (всего — 8).

В результате анализа было выявлено 65 конкретизаторов слова-признака «коварный», которые не представлены эксплицитно ни в одном из анализируемых словарей в дефинициях слова «коварный». Это указывает на ущербность предписывающей и регистрирующей информации анализируемых словарей (об этом же см.: [4]): словари не предписывают говорящему целый ряд смыслоразличительных смыслов (конкретизаторов), которые функционируют в речи и текстах и которые могут пользователями языка не замечаться (осмысляться) и, естественно, не воспроизводиться ни в устной, ни в письменной коммуникации (особенно в межкультурной), ни в синхронном переводе.

В заключение отметим, что приведенные в проанализированных словарях дефиниции слова-признака «коварный» приблизительны и далеко не полны. Для составления наиболее полной дефиниции, по нашему мнению, необходимо проводить многоэтапный дефинитивно-таксономический анализ с учетом максимума коммуникативных эмоциональных ситуаций, в которых употребляется слово-признак «коварный», до конца, то есть до тех пор, пока микроконкретизаторы на определенной ступени не начнут повторяться. Только на этой ступени будет собрана полная библиотека микроконкретизаторов анализируемого слова-признака, что позволит осознать весь семантический потенциал и глубину его семантического варьирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См., например, дополнительный список таких конкретизаторов у слова-признака «одиночество» (приложение к статье [1: 191]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барашевская А. Ю., Шаховский В. И.* Семиотическое нюансирование семантического признака эмотива одиночество/loneliness в русском и английском песенном жанре // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 190–211.

2. *Бульбенко Е. С.* Объективация концептов «коварство» и «хитрость» в языковом сознании и художественной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. С. 98–109.

3. *Стернин И. А., Саломатина М. С.* Семантический анализ слова в контексте. Воронеж, 2011.

4. *Шаховский В. И.* Эмотивность и лексикография // Филол. науки. 1986. № 6. С. 42–47.

5. *Шаховский В. И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград, 2016.

6. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 1987.

7. *Шаховский В. И., Шейгал Е. И.* Методика лингвистических исследований: учеб.-метод. пособие для соискателей, асп., магистрантов. Волгоград, 2008.

8. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллект. моногр. Волгоград, 2013.

9. *Wierzbicka A.* Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals Studies in Emotion and Social Interaction. Cambridge, 1999.

СЛОВАРИ

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Сл. Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995.

Сл. Лопатиных — *Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Русский толковый словарь. М., 1997.

Сл. Ожегова, Шведовой — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.

Сл. син. 1970 — *Евгеньева А. П.* Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Л., 1970.

Сл. син. 1975 — *Евгеньева А. П.* Словарь синонимов. Справочное пособие. Л., 1975.

REFERENCES

1. Barashevskaia A. Iu., Shakhovskii V. I. (2016) Semioticheskoe niuansirovanie semanticheskogo priznaka emotiva odinochestvo/loneliness v russkom i angliiskom pesennom zhanre [Semiotic nuancierung of semantic characteristic of emotive loneliness/loneliness in Russian and English song genre]. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika [Ecology of language and communicative practice]*, no. 1, pp. 190–211. (in Russian)
2. Bul'benko E. S. (2013) *Ob'ektivatsiia kontseptov «kovarstvo» i «khitrost'» v iazykovom soznanii i khudozhestvennoi kommunikatsii [The objectification of the concepts of "deceit" and "trickery" in the linguistic consciousness and creative communication]* (Candidate's thesis, Philology), Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, 2013. S. 98–109. (in Russian)
3. Sternin I. A., Salomatina M. S. (2011) *Semanticheskii analiz slova v kontekste [Semantic analysis of words in context]*. Voronezh. (in Russian)
4. Shakhovskii V. I. (1986) Emotivnost' i leksikografiia [Emotively and lexicography] *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, no. 6, pp. 42–47. (in Russian)
5. Shakhovskii V. I. (2016) *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom kruge: chelovek, iazyk, emotsii [Ecology dissonance in the communicative circle: people, language, emotions]*. Volgograd. (in Russian)
6. Shakhovskii V. I. (1987) *Kategorizatsiia emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme iazyka [Categorization of emotions in the lexic and semantic system of language]*. Moscow. (in Russian)
7. Shakhovskii V. I., Sheigal E. I. (2008) *Metodika lingvisticheskikh issledovanii [The methodology of linguistic research]*. Volgograd, 2008. (in Russian)
8. *Emotivnaia lingvoekologiia v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Emotive linguoecology in the modern communicative space]* (2013). Volgograd. (in Russian)
9. Wierzbicka A. (1999) *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals Studies in Emotion and Social Interaction*. Cambridge. (in English)

Evgen'eva A. P., ed. (1981–1984) *Slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian language]*, in 4 vols. Moscow. (in Russian)

Dal' V. I. (1995) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]*, in 4 vols. Moscow. (in Russian)

Lopatin V. V., Lopatina L. E. (1997) *Russkii tolkovyi slovar' [Russian explanatory dictionary]*. Moscow. (in Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. (1995) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

Evgen'eva A. P. (1970) *Slovar' sinonimov russkogo iazyka [Dictionary of synonyms of the Russian language]*, in 2 vols. Leningrad. (in Russian)

Evgen'eva A. P. (1975) *Slovar' sinonimov. Spravochnoe posobie [Dictionary of synonyms. Handbook]*. Leningrad. (in Russian)

[хроника]

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б. Н. ГОЛОВИНА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

SCHOLARLY HERITAGE OF PROFESSOR B. N. GOLOVIN: CENTENARY ANNIVERSARY

(Продолжение на с. 39, 46)

28–30 сентября 2016 года на базе филологического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского состоялась Международной научной конференции «Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания» (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина), проводившаяся при содействии Российского гуманитарного научного фонда совместно с Институтом лингвистических исследований Российской академии наук, Институтом русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, Институтом языкознания Российской академии наук.

В конференции приняли участие 120 учёных из разных городов России и зарубежья: Арзамас, Архангельск, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Елец, Йошкар-Ола, Киров, Москва, Нижний Новгород, Орёл, Оренбург, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Симферополь, Смоленск, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Ярославль, Баку (Азербайджан), Берлин (Германия), Бельцы (Молдова), Прага и Брно (Чешская республика), Будапешт (Венгрия), Гродно и Минск (Беларусь), Китай Седльце (Польша), Трнава (Словакия), Щецин (Польша).

Конференцию открыл первый проректор ННГУ В. В. Сайгин. Он отметил, что имя Б. Н. Головина по праву входит в число ведущих ученых страны, которые составили славу Нижегородского университета, вписали яркие страницы в его богатую научную историю.

Декан филологического факультета ННГУ Л. И. Ручина познакомила участников конференции с теми научными традициями, которые были сформированы этой выдающейся личностью на филологическом факультете Горьковского/Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. При всей многоаспектности научных интересов Б. Н. Головин создал единую лингвистическую концепцию, в центре которой — язык как знаковый механизм общения. По сей день актуальны многие положения теории языка Б. Н. Головина, которые получили развитие в пленарных и секционных докладах.

В пленарных докладах нашли отражение те проблемы, которые составляли содержание его научного творчества: спорные вопросы теории языковых заимствований (член-корр. РАН В. А. Виноградов), проблема сохранения языкового разнообразия (член-корр. РАН Е. В. Головко), вопросы социолингвистики как научной дисциплины в системе отечественного филологического образования (проф. Л. П. Крысин). Рассмотрению вопросов о соотношении «языковой системы» и «языкового механизма» (проф. С. Н. Виноградов), системного и функционального (проф. Д. Ю. Ильин), развития языка как следствия его функционирования (проф. Т. А. Сидорова), валентности и сочетаемости в русском языке XXI века (проф. Н. В. Юдина), основным принципам лингвотеологии как новому направлению лингвистических исследований (проф. И. В. Бугаева) была посвящена секция «Теория языка и методика языкознания».

Идея созвучности целостной концепции грамматических категорий Б. Н. Головина современным когнитивно ориентированным и антропоцентрическим стратегиям научного поиска прозвучала в пленарных докладах проф. Е. В. Клобукова, проф. Т. Б. Радбиля, проф. В. И. Карасика. Перспективам развития синтаксического учения Б. Н. Головина были посвящены пленарные доклады проф. М. Ю. Федосюка, С. А. Рылова и Н. Н. Лавровой, славянскому словообразованию — пленарный доклад проф. Е. И. Коряковцевой.

Б. Н. Головин внес большой вклад в развитие отечественного терминоведения. Его новаторская теория терминов языка и терминов речи, научные взгляды на функциональные особенности терминологических номинаций в разных специальных областях сформировали особую горьковскую терминологическую школу. Идеи и методы ученого получили раз-

А. Б. Голубина

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СВЕТСКОЙ БЕСЕДЫ

ANASTASIYA B. GOLUBINA
SOCIOLINGUISTIC ASSESSMENT OF SMALL TALK

В статье рассматривается светская беседа с точки зрения ее жанровой востребованности в современном социуме. Представлены результаты социолингвистического опроса россиян, демонстрирующие понимание жанровой сущности и функциональной значимости светской беседы в условиях современной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: светская беседа; фатическое общение; жанровые характеристики; социолингвистика; анкетирование.

The article describes small talk and its genre needs in the modern communicative space. The results of the sociolinguistic survey of Russians show their understanding of this genre's essence and the functional value of small talk in modern communicative situation.

Keywords: small talk; phatic communication; genre characteristics; sociolinguistics; survey.

Анастасия Борисовна Голубина
Преподаватель
Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского
ул. Ждановская, д. 13, Санкт-Петербург, 197198, Россия
Аспирант
Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия
▸ randerfire31@gmail.com

Anastasiya B. Golubina
A. F. Mozhaysky's Military-Space Academy
13, ul. Zhdanovskaya, St. Petersburg, 197198, Russia
Novosibirsk State Technical University
20, pr. K. Marksa, Novosibirsk, 630073, Russia

Научный руководитель:
канд. филол. наук,
доц. Л. А. Голышкина

Сегодня в связи с утратой ряда ритуально-этикетных коммуникативных ценностей, а также вследствие изменившейся социальной структуры общества встает вопрос о жанровой актуальности и востребованности светской беседы (далее СБ. — *А. Г.*) в условиях современной коммуникативной ситуации, ориентированной на прагматичное неформализованное взаимодействие и мобильный рациональный обмен информацией.

Жанровая специфика СБ определяется в первую очередь ее отнесенностью к сфере светского общения, под которым понимается разновидность фатического взаимодействия, соответствующая требованиям, нормам, принятым в культурном, образованном обществе [5: 12]. СБ объединяет с фатикой такой параметр, как наличие общей коммуникативной цели – гедонистического общения, приятного совместного времяпрепровождения, стремления развлечь, доставить удовольствие партнеру и себе [4: 340].

Нельзя рассматривать жанровую природу СБ и в отрыве от такого явления, как речевой этикет. Здесь речь идет об учете социально регламентированных предписаний относительно репертуара тем СБ, «табу-тем» и «табу-действий», о демонстрации отношения к собеседнику как к носителю определенной социальной роли и социального статуса. Отметим и свойства, присущие собственно СБ: соревновательное и концертное начала, полилогический характер, обусловливающие частичную публичность СБ и частичную официальность; содержательная и/или формально-содержательная изощренность; эстетизация коммуникативных качеств речи; поощрение словотворчества, языковой игры; ис-

пользование в качестве композиционных блоков воспроизводимых, осознанно выбираемых, эстетически оформленных жанров [Там же: 340–341].

В первой половине XIX века в коммуникативном пространстве неофициального и полуофициального общения превалировали речевые жанры, представлявшие собой поле формирования социокультурных феноменов — моделей этикетного поведения, правил ведения утонченного интеллектуального диалога/полилога. К таким жанрам относилась СБ в той её разновидности, которую можно обозначить как салонная беседа [3: 30].

С течением времени СБ претерпела трансформации, обусловленные, прежде всего, изменением отношения социума к функциональным возможностям этого жанра. Так, классические СБ в художественных текстах Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, несмотря на неоднозначное отношение авторов к участникам изображаемых СБ, представляются как конвенциональные компоненты культуры своего времени. А в художественных и публицистических произведениях второй половины XX–XXI вв. мы обнаруживаем различные авторские, часто иронические, оценки СБ, определяющие ее художественный функционал и диктующие соответствующие способы воплощения.

Для выяснения вопроса об актуальности и востребованности жанра СБ было проведено экспериментально-аналитическое исследование, цель которого заключалась в выявлении отношения носителей языка к СБ как к коммуникативно-речевому феномену, а также в определении знания/незнания ими жанровых признаков и функциональных возможностей СБ. В рамках пилотного этапа исследования было опрошено 300 человек в возрасте от 12 до 68 лет.

В ходе обработки результатов анкетирования возникла необходимость систематизации ответов по возрастным группам. Используя психовозрастные основания классификации Э. Х. Эриксона [7: 51–59], скорректированные с учетом социально-демографической специфики современного российского общества, мы определили следующие группы респондентов:

- от 12 до 17 лет (школьники);
- от 18 до 23 лет (студенты);
- от 24 до 39 лет (взрослые раннего периода);
- от 40 до 60 лет (взрослые среднего периода);
- старше 60 лет (взрослые позднего периода).

Обработка результатов анкетирования осуществлялась в программе «SPSS Statistics».

Структура анкеты состояла из 8 вопросов / заданий.

1. Какие ассоциации вызывает у Вас словосочетание «светская беседа»?

Данный вопрос направлен на первичную диагностику представлений о СБ путем выявления ассоциаций-реакций. Наиболее частотными ассоциациями стали *«этикетный разговор»*, *«официальная беседа»*, *«аристократы»*, *«дамы и джентльмены»*, *«высшее общество»*, *«вежливость»*, *«беседа на отвлеченные темы, ни о чем»*. Констатируем, что в сознании большинства опрашиваемых коммуникативный образ СБ напрямую связан с традиционными представлениями об этом жанре в его классическом воплощении. Но среди респондентов группы «взрослые среднего периода» оказались частотными и такие реакции, как *«статус»*, *«интеллект»*. Можно заключить, что у взрослого населения (40–60 лет) существует представление о СБ не только как о формате приятного ни к чему не обязывающего времяпрепровождения, но и как об определенном способе социальной самопрезентации, демонстрации своей эрудиции.

2. *Отметьте вариант, соответствующий Вашему представлению о светской беседе, или укажите свой:*

- *СБ — пережиток прошлого;*
- *СБ — необходимый компонент успешного общения;*
- *СБ — основа бизнес-коммуникации;*
- *СБ — приятное времяпрепровождение;*
- *СБ — способ завязать знакомство;*
- *СБ — важная составляющая официальных приемов;*
- *СБ — важная составляющая неформальных тусовок;*
- *СБ — это дань традициям общения.*

40% опрошенных школьников и 34% студентов указали, что СБ – важная составляющая официальных приемов. В остальных группах испытуемых лидирующим выступил вариант, в котором СБ опрелялась как необходимый компонент успешного общения.

На основании полученных данных становится очевидным, что в коммуникативном сознании респондентов существует различное понимание СБ. У школьников и студентов доминирует представление о СБ как об этикетном жанре, актуальном исключительно в ситуациях официально-деловой коммуникации. Остальные группы респондентов понимают СБ шире — как инструмент, определяющий коммуникативный успех человека в социуме. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что представление о СБ на начальных этапах взросления (группы «школьники» и «студенты») складывается на основе знаний, почерпнутых из фильмов, книг, специальных тематических уроков и внеклассных мероприятий, посвященных этикету, и т. п., то есть полученных опосредованно. Отметим, что нынешние школьники и студенты «не застали старую коммуникативную эпоху, ориентированную на авторитарный стиль, на проверенные цензурой ценности, также они не помнят периода т.н. демократизации языковых процессов постперестроечного периода. Это та аудитория, которая воспринимает современную речевую ситуацию как единственно возможную» [2: 91] и формирует свой коммуникативный опыт на основе массовых стереотипных общекультурных представлений. В более старших возрастных группах оценка СБ осуществляется сквозь призму жизненного опыта, связанного с использованием данного жанра в собственной коммуникативной практике.

В качестве выявленной тенденции отметим, что в совокупном представлении испытуемых функциональный потенциал СБ достаточно расплывчат, но при этом (скорее всего, за счёт влияния художественной литературы и кинематографа) людей привлекает элитарность этого речевого жанра, владение которым связано с «особым времяпрепровождением». Такое понимание сущности исследуемого жанра демонстрирует отличие функциональной роли СБ в России от ее же роли в Соединенных Штатах или Великобритании, где она остаётся стандартной формой повседневного внеситуативного общения с широким кругом лиц [6].

3. В какой компании и при каких обстоятельствах, по Вашему мнению, уместна светская беседа? Укажите 1–2 варианта.

- *Вечеринка у друзей.*
- *На открытии культурного мероприятия (например, выставки) среди интеллигенции.*
- *В начале деловых переговоров.*
- *В перерывах между конференциями, презентациями.*
- *С незнакомыми людьми при вынужденном совместном времяпрепровождении.*
- *В одном из элитарных мест с незнакомыми людьми.*

Данный вопрос нацелен на выявление представлений, связанных с коммуникативным функционалом исследуемого жанра. Так, 61% школьников и 47% студентов отметили уместность СБ «*на открытии культурного мероприятия среди интеллигенции*». 67% группы респондентов «взрослые позднего периода» выбрали тот же вариант ответа. Мы предполагаем, что это связано с устойчивыми представлениями о том, что умение вести СБ является признаком интеллектуальной избранности. «Взрослые раннего периода» и «взрослые среднего периода» склонились к варианту «*в перерывах между конференциями*».

4. Принимали ли Вы когда-либо участие в светской беседе?

Здесь 45% респондентов группы «школьники» и 34% группы «студенты» дали отрицательный ответ, что свидетельствует, во-первых, о недостаточном коммуникативном опыте и о несформированной жанровой компетентности, а во-вторых, о сложившемся в сознании испытуемых представлении о СБ как беседе исключительно салонного типа, понимаемой либо в качестве пережитка прошлого, либо атрибута элитарной социальной среды.

76% группы «взрослые раннего периода» дали положительный ответ. А испытуемые группы «взрослые среднего периода» чаще выбирали ответ, выражающий сомнение в том, принимали ли они вообще участие в СБ.

В группе «взрослые позднего периода» мнения разделились следующим образом: 45% респондентов дали утвердительный ответ, 45% — отрицательный, 10% выразили сомнение в своем участии в СБ.

Затруднения, возникающие в ответах на данный вопрос, свидетельствуют об отсутствии у опрашиваемых системного понимания того, что представляет собой СБ: какова ее ком-

позиционная структура, ее жанровые признаки, сферы и возможности функционирования в современном коммуникативном пространстве.

5. Какими признаками, на Ваш взгляд, обладает светская беседа? Отметьте 1–2 наиболее характерных, по Вашему мнению, параметра.

- *Наличие негласного списка запрещенных тем.*
- *Отсутствие личных тем.*
- *Языковая игра.*
- *Образность и выразительность речи.*
- *Интеллектуальность.*
- *Неинформативность.*
- *Демонстрация уважения к собеседнику.*
- *Эмоциональность, проявление чувств.*
- *Активное использование жестов.*

Данный вопрос был нацелен на выявление знаний респондентов о жанровых признаках СБ. 45% опрошенных школьников, 23% студентов, 29% группы «взрослые среднего периода» и 35% группы «взрослые позднего периода» из предложенных вариантов отметили «*демонстрацию уважения к собеседнику*» как характерологическое свойство СБ.

В группе «взрослые раннего периода» 19% испытуемых указали на «*интеллектуальность*» как жанровый признак, что коррелирует с национально обусловленными представлениями русского человека о СБ, для которого это общение неповседневное и изысканное. В массовом отечественном коммуникативном сознании навыками ведения СБ должен обладать, прежде всего, человек культурный, известный, успешный, представитель элиты, «изысканных» профессий. В то время как small talk для американцев — общение повседневное, и им должен владеть каждый носитель английского языка [Там же: 5].

Другая часть группы «взрослые раннего периода» (а именно 22% респондентов) выделила такой признак, как «*отсутствие личных тем*», обозначив тем самым ограниченность тематического репертуара СБ, недопустимость тем, характерных для дружеской или бытовой беседы.

6. Содержание светской беседы — это... (выберите 1 вариант).

- *Разговор о погоде.*
- *Разговор о политической ситуации.*
- *Обсуждение общих интересов.*
- *Разговор об окружающей обстановке (интерьер и атрибуты, атмосфера мероприятия и т. п.).*
- *Обсуждение личных проблем.*
- *Разговор о здоровье.*
- *Обсуждение произведений искусства.*
- *Разговор о религии.*
- *Обсуждение профессиональных проблем.*
- *Спор о философских вопросах.*
- *Разговор о финансовом благополучии.*

Посредством данного вопроса мы диагностировали у респондентов наличие/отсутствие знаний о тематическом репертуаре СБ. По мнению большинства (около 40% всех респондентов), одной из ведущих тем СБ выступил «*разговор об окружающей обстановке (интерьер и атрибуты, атмосфера мероприятия и т. п.)*».

Вторым частотным вариантом (19% реакций испытуемых всех групп) оказался «*разговор о погоде*». Третье место (17% реакций привлеченных респондентов) занял ответ «*обсуждение общих интересов*».

В данном случае мы констатируем проявление стереотипных знаний о тематическом репертуаре СБ — тот случай, когда фатическое общение понимается исключительно как обсуждение погоды. Сделанные наблюдения перекликаются с отмечаемой Т. Г. Винокур тенденцией, согласно которой «в беседе, не предполагающей различия прагматических последствий истинности или ложности высказывания, адресант должен говорить то, чего ожидает от него адресат, и говорить так, как хотелось бы адресату» [1: 136].

С одной стороны, следует отметить отрицательную оценку, содержащуюся в характеристике СБ как разговоре ни о чём. С другой, вариант «*обсуждение общих интересов*», напротив, характеризует СБ положительно — как диалог, цель которого состоит в кооперации коммуникативных усилий. Кроме того, выбор этого варианта ответа выявляет тенденцию к смешению респондентами жанров дружеской беседы и светской.

Такие варианты, как «*обсуждение профессиональных проблем*», «*разговор о религии*» и «*разговор о финансовом благополучии*», не были отмечены респондентами ни одной из групп.

7. Необходимо ли в современном мире владеть навыком ведения светской беседы и почему?

90% опрошенных школьников дали утвердительный ответ, обозначив актуальность данно-

го жанра. 88% студентов, 88% группы «взрослые раннего периода» и 67% группы «взрослые позднего периода» так же отметили необходимость владения жанром СБ, считая этот навык показателем образованности и социальной успешности. 89% респондентов группы «взрослые среднего периода» тем или иным образом указали на то, что умение вести СБ представляет возможность выгодной самопрезентации, демонстрации интеллектуального потенциала и высокого уровня коммуникативной компетентности.

Подчеркнем, что наибольшее количество утвердительных ответов дали школьники (90%) и «взрослые среднего периода» (89%). Выявленная тенденция свидетельствует о жанровой востребованности СБ и нивелирует ее стереотипное понимание как пережитка прошлого.

Тем не менее 6% студентов, 7% «взрослых раннего периода» и 33% «взрослых позднего периода» так или иначе отметили, что владение жанром СБ — отнюдь не массовый коммуникативный навык. Здесь респонденты руководствовались представлениями о СБ как о жанре, функционирующем в нераспространенных коммуникативных ситуациях, участники которых — особая социальная группа, ведущая светский образ жизни. В группе испытуемых «взрослые среднего периода» прослеживалась мысль о том, что навык ведения СБ необходим больше тем людям, которые существуют в таких профессиональных сферах, где требуется использование данного жанра.

Результаты анкетирования позволяют говорить о том, что в коммуникативном сознании респондентов существует два базовых типа представлений о СБ. Первый тип предполагает трактовку СБ как элитарного жанра, уходящего корнями в так называемую салонную, или аристократическую, культуру. Второй тип связан с пониманием СБ как необходимого коммуникативного инструмента, востребованного в современном обществе: навыки владения СБ детерминируют социально-коммуникативную состоятельность и деловую успешность личности. Первый тип представлений о СБ сформирован по преимуществу реакциями школьников и студентов. Второй тип представлений есть свидетельство оценки возрастных групп испытуемых.

При неоднородности оценок и выявляемых характеристик неизменным остается выраженный интерес всех групп респондентов к СБ, а также потребность в ее освоении, что свидетельствует о признании коммуникативной актуальности данного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. 2-е изд. М., 2005.
2. *Голышкина Л. А., Машкович О. А.* Отечественный и американизированный риторический идеалы: исследовательские конструкты или реальность? // Межкультурная коммуникация: лингвистич. аспекты: сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 22–23 апр. 2015 г., Новосибирск, 2015. С. 89–95.
3. *Горлова Г. Н.* Жанр светская беседа как форма организации общения в контексте национальной культуры (диахронный аспект). К вопросу о языковом воплощении жанра светская беседа // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 30–36.
4. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М., 2010.
5. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
6. *Фенина В. В.* Речевые жанры Small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
7. *Эриксон Э. Х.* Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1996.

REFERENCES

1. Vinokur T. G. (2005) *Govoriashchii i slushaiushchii. Varianty rechevogo povedeniia [The Speaker and The Listener. Variants of speech behavior]*. 2nd edition. Moscow. (in Russian)
2. Golyshkina L. A., Mashkovich O. A. (2015) Otechestvennyi i amerikanizirovannyi ritoricheskii idealy: issledovatel'skie konstrukty ili real'nost'? [Domestic and Americanized rhetorical ideals: research constructs or reality?]. Proceedings of the International conference *"Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: lingvisticheskie aspekty — VI" [Intercultural communication: linguistic aspects — VI] (Russia, Novosibirsk, 22–23.04.2015)* (ed. G. M. Mandricova). Novosibirsk, pp. 89–95. (in Russian)
3. Gorlova G. N. (2010) Zhanr svetskaia beseda kak forma organizatsii obshcheniia v kontekste natsional'noi kul'tury (diakhronnyi aspekt). K voprosu o iazykovom voploshchenii zhanra svetskaia beseda [Genre Small talk as a form of communication in the context of national culture (diachronic aspect). On the question of the language incarnation of the genre of Small talk]. *Gumanitarnye issledovanija [Humanities Research]*, no. 1 (33), pp. 30–36. (in Russian)
4. Dement'ev V. V. (2010) *Teoriia rechevykh zhanrov [The theory of speech genres]*. Moscow. (in Russian)
5. Sternin I. A. (2001) *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie [Introduction to the speech influence]*. Voronezh. (in Russian)
6. Fenina V. V. (2006) *Rechevye zhanry Small talk i svetskaia beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh [Speech genres Small talk in the Anglo-American and Russian cultures]* (Candidate's thesis, Philology), Saratov State Law Academy. Saratov. (in Russian)
7. Erikson E. Kh. (1996) *Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]*. 2nd edition. St. Petersburg. (in Russian)

Л. П. Тарнаева

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО СЛОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

LARISA P. TARNAEVA
IDIOMATIC CHARACTER OF PROFESSIONAL DISCOURSE VOCABULARY IN CROSS-LINGUAL PERSPECTIVE

В статье рассматривается идиоматичность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении. Выявлены основные типы идиоматичных речевых единиц профессионального дискурса и осуществлён анализ особенностей передачи их значения средствами другого языка.

Ключевые слова: идиоматичность; мотивированность; семантика; транспозиция; переосмысление.

The article focuses on the study of the idiomatic character of professional discourse vocabulary. The author identifies main types of idiomatic speech units of professional discourse and analyses the ways of their translation into some other language.

Keywords: idiomatic character; motivation; semantics; transposition; reinterpretation.

Лариса Петровна Тарнаева
Доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
► l-tarnaeva@mail.ru

Larisa P. Tarnaeva
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

В современных условиях широкого международного обмена профессионально значимой информацией актуальным является всестороннее изучение профессионального дискурса, который характеризуется спецификой ценностных ориентиров, социокультурных установок, этикетных норм, межличностных отношений, поведенческих стереотипов, артефактов — всего того, что составляет основу деловой культуры и находит отражение в языковом поведении сторон профессионального взаимодействия. Одним из аспектов профессионального дискурса, не получивших на настоящий момент должного освещения, является идиоматичность его лексического слоя.

Идиоматичность языковых единиц на уровне словосочетания нашла широкое освещение в рамках отечественной и зарубежной фразеологии и продолжает быть предметом обсуждения в значительном числе публикаций. Наряду с этим нарастает тенденция рассмотрения феномена идиоматичности *в широком смысле как свойства, присущего единицам разных языковых уровней — словам, сочетаниям слов, предложениям.*

В отечественном языкознании понимание идиоматичности в широком смысле имеет давние традиции. Так, А. И. Смирницкий выделил идиоматичность в качестве одного из свойств, присущих слову как единице языка, определив данный феномен как невозможность вывести значение сложного слова из значений его частей [7]. Развивая данную концепцию, М. В. Панов убедительно доказывает, что слово как целое почти всегда значит больше, чем его части: между смыслом частей и смыслом целого получается «зазор, люфт, и это норма для слова» [5: 146–147]. В дальнейшем проблема семантических модификаций

в процессе словообразования нашла освещение в целом ряде работ отечественных исследователей (О. П. Ермакова [1], Е. С. Кубрякова [2], В. В. Лопатин [4], В. М. Савицкий [6] и др.) и по сей день продолжает вызывать значительный исследовательский интерес.

Традиционно возникновение идиоматичности трактуется как результат утраты регулярной мотивированности отношений между значением «составных образований и их формально вычленяемыми единицами» [8: 136]. Мотивированность при этом понимается как объективное свойство отражать своей морфологической структурой структуру содержательную [2]. Степень идиоматичности находится в прямой корреляции с мотивированностью языковой единицы — чем менее прозрачна словообразовательная структура языковой единицы, тем более высока степень её идиоматичности [1].

Снижение степени мотивированности происходит за счёт семантической транспозиции — такого способа развития семантической структуры языковой единицы, при котором *номинальное значение* — то, что выводится из значения его морфемных компонентов в соответствии со стандартными правилами семантической комбинаторики, не совпадает с *реальным значением*, в котором данная единица употребляется в речи. При этом номинальное значение выступает в функции мотиватора реального значения [6]. В таких единицах происходит частичное или полное переосмысление номинального значения языковой единицы.

В настоящей работе подобные разноуровневые языковые образования, функционирующие в профессиональном дискурсе, обозначаются термином *идиоматичные речевые единицы*. В лексическом слое профессионального дискурса представлены идиоматичные речевые единицы как *раздельнооформленные (фразеологический уровень), так и цельнооформленные (производные слова, образованные на основе словосложения и деривации)*. По характеру отношений между реальным и номинальным значениями выделяются идиоматичные речевые единицы *с полным и частичным переосмыслением при варьировании мотивированности в широком диапазоне*.

Примером цельнооформленной идиоматичной речевой единицы, образованной на основе полного переосмысления, может служить английский термин *cockpit / кабина (пилота, авиадиспетчера, водителя гоночного автомобиля), кубрик, рубка*. Реальное и номинальное значения термина не имеют участка пересечения *(**cock** / петух, самец птицы; **pit** / яма, углубление, впадина)* — происходит полное переосмысление исходных компонентов при максимальной потере мотивированности, в результате чего английский термин приобретает высокую степень идиоматичности. При сопоставлении данного термина с его соответствием в русском языке наблюдается явление межъязыковой идиоматичности, которая определятся в исследованиях как структурно-семантическое своеобразие языковой единицы по отношению к её аналогу в другом языке [Там же].

Подобный тип семантической транспозиции присущ значительному числу специальной лексики, образованной посредством как словосложения, так и деривации:

> *man-of-war / военный корабль; Springer (букв. прыгун — классификация НАТО) / ракетный комплекс Хризантема; Doghouse, Cathouse (классификация НАТО) / российские станции дальнего обнаружения ПРО — Дунай-3, Дунай-3У и т. п.*

В качестве примера семантической транспозиции с частичным переосмыслением при сохранении значительной степени мотивированности, может служить термин ***хвостохранилище*** (*гидротехническое сооружение для сброса так называемых хвостов, т. е. отходов, которые возникают, в частности, при обогащении рудных пород, при плавке металла и т. д.*). Особенность данного термина состоит в том, что в качестве первого компонента в нём используется метафорически переосмысленное слово общеупотребительной лексики ***хвост*** (*остаток какого-либо объекта или явления, след какого-либо действия*). Такого типа связь, при которой мотивирующей основой сложного образования является слово в переносном значении, получила название *метафорической мотивации* [4]. Второй компонент термина используется в значении, которое А. В. Кунин применительно к фразеологизмам определяет как

осложнённое значение [3]. Осложнённость в данном случае проявляется в том, что слово ***хранилище*** (*место, где обычно хранится нечто ценное, например, музейное хранилище*), сохраняя высокую степень семантической связи с мотивирующим словом (***хранить*** — *оберегать, защищать, беречь, держать в безопасности*), тем не менее, под влиянием первого компонента (*хвосты — отходы*) приобретает различительный признак, соотносимый с характеристикой того, что является *отработанным, бесполезным, непригодным или же вредным для окружающей среды*.

При анализе параллельных текстов выясняется, что в английском языке существует несколько соответствий термину *хвостохранилище*: *tailing dump, tailing pit, tailings facilities, tailing pond, tailings impoundment*. Как видно из примеров, первый компонент термина остаётся неизменным (*tailing* — мотивирующее слово *tail / хвост*), варьируется второй элемент словосочетания (*dump/свалка; pit/яма, facilities/оборудование, приспособление; pond/пруд, водоём* т. д.). Анализ контекстных употреблений показал, что использование того или иного варианта зависит, в частности, от вида материала, подлежащего сбросу. Сказанное можно проиллюстрировать следующими фрагментами текстов (здесь и далее иллюстративный материал взят из он-лайн системы контекстуального поиска по переводам *Linguee*):

> *1) Ponds are used to dispose process water or other solutions that are unsuitable for discharge... to tailings* ***impoundment*** */ Пруды используются для отвода технологической воды или других растворов, которые не подлежат сбросу... в* ***хвостохранилища;*** *2) nickel-cobalt solution is separated from solid ferrous residual that goes to a tailings* ***pit*** */ происходит отделение никель-кобальтового раствора от твердого железистого остатка, который сбрасывают в* ***хвостохранилище****; 3) A tailing* ***dump*** *at the Balkhash concentrator underwent an overhaul / Был проведен капитальный ремонт на* ***хвостохранилище*** *Балхашской обогатительной фабрики.*

Следует отметить, что все варианты английского соответствия термина ***хвостохранилище*** также обладают идиоматичностью, имея такой же тип семантической структуры, что и русский термин.

В профессиональном дискурсе широко представлены идиоматичные речевые единицы, *образованные посредством деривации*. Среди них выделяются единицы как с полным, так и частичным переосмыслением. В качестве примера частичного переосмысления при значительной степени мотивированности можно привести астрономический термин ***туманность*** (*космический объект, видимый как размытое пятно*), образованный в результате терминологизации общеупотребительного слова со значением *скопление тумана — непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров*. При терминологизации данное значение деактуализовалось и на передний план вышла причинно-следственная связь: *при подобном состоянии воздуха любой объект приобретает размытые, нечёткие очертания*. По сходству зрительного восприятия этот признак был перенесён на космический объект. Таким образом, термин приобрёл идиоматичность, сохраняя при этом высокую степень мотивированности.

Идиоматичность термина ***туманность*** со всей очевидностью проявляется при сопоставлении с аналогами в других языках. Например, в английском языке соответствием ему является термин ***nebula***:

> *Эта планетарная* ***туманность*** *будет видна до тех пор, пока газ полностью не исчезнет в космосе в течение следующих 10000 лет или около этого / This planetary* ***nebula*** *will be visible until its gas dissipates into space over the next 10 000 years or so.*

Слово ***nebula*** (индоевропейское по происхождению) вошло в английский язык как греческое заимствование через латынь (лат. ***nebula*** — *облако*) в семнадцатом веке и закрепилось в нём преимущественно как научный термин. Анализ двадцати словарей английского языка, как переводных, так и толковых, показал, что в большинстве из них значение *туман, дымка* в слове ***nebula*** не фиксируется, закреплено оно с пометкой как редкое или книжное лишь в трёх словарях. Британский Национальный корпус (он-лайн версия) предоставил 59 контекстов слова ***nebula***, и во всех случаях оно используется как термин, обозначающий космический объект, например:

> *Leading away from the Belt is the Hunter's Sword, containing the* ***Great Nebula*** */ Дальше от Пояса Ориона находится Меч Охотника, в котором располагается* ***Большая Туманность****.*

Термин латинского происхождения используется также в других языках германской и романской групп, например: *Nebel* (нем.); *nebula, nebulosa* (норв.), *nébuleuse* (фр.); *nebulosa* (исп., итал.). Однако в немецком и норвежском наряду с латинским заимствованием фигурируют термины или компоненты терминов германского происхождения: ***Nebelfleck*** *(Nebel / туман, fleck / пятно;* ***Sternnebel*** *— Stern / звезда*); ***stjernetåke, stjernetåken*** *(stjerne / звёзда, небесное тело; tåke / туман).* В датском языке обнаруживается термин только германского происхождения ***stjernetåge,*** т. е. *звёздный или небесный туман (stjerne / звёзда, небесное тело; tåge / туман).*

Родословная русского термина ***туманность*** связана с иранским по происхождению словом ***туман***, которое вошло в русский язык как тюркское заимствование и закрепилось в составе общеупотребительной лексики, о чём свидетельствует широкая сфера употребления как самого слова, так и его производных. Анализ текстового материала из Национального корпуса русского языка показал, что в тридцати шести случаях из ста слово ***туманность*** было использовано *вне терминологической* сферы, причём в текстах разных жанров, например:

> *1) Вдруг взгляд его утратил* ***туманность****, глаза стали яркими и острыми, длинное худое лицо преобразилось лукавой улыбкой; 2) Письма Тютчева сохранили для нас ту первичную* ***туманность****, тот душевный хаос, из которых возникали, как звезды, его стихи.*

Интересным представляется тот факт, что в славянских языках, в частности в польском, чешском, болгарском, «прародителем» астрономического термина послужило общеславянское слово, которое семантически родственно слову *туман*: мьга / *сырой и холодный снег, моросящий дождь:* ***mgławica*** *(польск.),* ***мъглявина*** *(болг.),* ***mlhovina*** *(чешск.).* В сербских источниках можно найти термин как латинского, так и славянского происхождения:

> *u srcu džinovske nebule / в сердце гигантской туманности; u maglici Helaspont / в туманности Геллеспонт.*

Белорусский и украинский термины в структурно-семантическом плане родственны русскому: ***туманнасць, туманність***:

> ***Туманність*** *Оріона перебуває на відстані приблизно 1500–1600 світлових років від Землі /* ***Туманность*** *Ориона находится на расстоянии приблизительно 1500–1600 световых лет от Земли.*

Межъязыковое сопоставление данного астрономического термина свидетельствует о том, что терминообразованию, как и любой другой сфере познавательной деятельности человека, свойственна национально-культурная специфика — чем ближе языки по историко-культурным корням, тем больше общих черт в процессе терминообразования.

В профессиональном дискурсе функционирует значительное число идиоматичных речевых единиц на уровне фразеологизмов, среди которых наибольшей частотностью отмечены два типа:

1) ФЕ, в которых по меньшей мере один компонент представлен в своём номинативном значении, другой (или другие) в той или иной степени подвергся переосмыслению (*цветные революции / color revolutions, flower revolutions; greenfield investment / инвестиции «с нуля», основание нового предприятия*; *parent company / материнская компания*);
2) ФЕ, образованные на основе полного переосмысления значения всех компонентов (*blue chip / голубая фишка (карточный термин) — крупное акционерное общество с большим количеством активов; wormhole /кротовая нора — гипотетическая труба пространства времени, соединяющая отдаленные области Вселенной; кошачий глаз / cat's eye — поделочный камень, разновидность кварца* и т. д.).

Примером ФЕ первого типа может служить термин ***цветной металл.*** Значение компонента ***цветной*** нельзя вывести, исходя из значений производящего слова *цвет* и суффикса *–н,* как это происходит, например, в словосочетании *цветной платок (платок, окрашенный в один или несколько цветов)*, поскольку основополагающим критерием для объединения ряда металлов в одну группу является не цвет, а отсутствие в их составе железа, хотя многие из них имеют характерный окрас (медь, алюминий, золото, серебро и т. д.). При терминообразовании произошло метонимическое переосмысление — группа металлов обозначена на основе переноса свойств отдельных металлов на всю группу.

При сопоставлении русского термина ***цветной металл*** с его соответствиями в других языках проявляется межъязыковая идиоматичность. К примеру, английский термин полностью мотивирован и образован на основе непереосмысленной номинации:

> *Основные статьи импорта — продукция машиностроения, черные и* ***цветные металлы****, продукция нефтехимического комплекса.../ Major import items are machinery, ferrous and* ***non-ferrous metals****, petrochemicals...*

Подобный способ номинации прослеживается также в немецком и французском соответствиях данного термина: *métaux non-ferreux, Nichteisenmetalle* (букв. *нежелезные металлы*). Стоит отметить, что в немецком языке наряду с неидиоматичным термином существуют его идиоматичные синонимы: *farbige Metalle / цветные металлы* и *Buntmetalle / пёстрые металлы*.

Значительное число ФЕ, образованных на основе полного переосмысления, относится к профессионализмам и профессиональному жаргону, вследствие чего они чаще встречаются в текстах публицистического стиля и в устной речи специалистов. При передаче значения таких единиц на другой язык часто наблюдается наличие нескольких соответствий одной и той же единицы, что можно проиллюстрировать, в частности, переводом термина ***blue-chip***:

> *1) RBC has its own stock index, which tracks a portfolio of large Russian* ***blue-chip*** *companies / РБК имеет собственный индекс акций, который отслеживает динамику портфеля российских* ***голубых фишек****; 2) The competitions are entered by everyone from school children to engineers at* ***blue-chip*** *companies / на соревнования допускаются все — от школьников до инженеров* ***ведущих компаний****; 3) IFC and EBRD do not provide significant amounts of funds to* ***blue-chip*** *borrowers / МФК и ЕБРР не предоставляют значительных финансовых ресурсов* ***компаниям первого эшелона****.*

Как видно из примеров, в первом случае происходит заимствование идиоматичной единицы приёмом калькирования, во втором и третьем — используются идиоматичные аналоги на русском языке.

Осуществлённое в настоящей работе межъязыковое сопоставление идиоматичных речевых единиц профессионального дискурса свидетельствует о том, что в разных лингвокультурах способы выстраивания отношений между номинальным и реальным значениями в процессе номинативной деятельности в одних случаях аналогичны или соотносимы, в других — не совпадают, отражая не только специфичность структурно-семантического строения одного языка по отношению к другому, но и особенности познавательной деятельности людей, принадлежащих к разным лингвокультурам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермакова О. П.* Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Современный русский язык. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2005. С. 12–16.
2. *Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 81–155.
3. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996.
4. *Лопатин В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Современный русский язык. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2005. С. 16–20.
5. *Панов М. В.* О слове как единице языка // Ученые записки МГПИ В. И. Ленина. Т. 51. Вып. 5. М., 1956. С. 129–165.
6. *Савицкий В. М.* Основы общей теории идиоматики. М., 2006.
7. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954. С. 3–9.
8. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997.

REFERENCES

1. Ermakova O. P. (2005) Frazeologichnost' semantiki proizvodnykh slov razlichnykh slovoobrazovatel'nykh struktur [Idiomaticity of words of different word-formation structures]. In: *Sovremennyi russkii iazyk. Khrestomatiia [Contemporary Russian language. Chrestomathy]*, in 3 vols., vol. 2. Minsk, pp. 12–16. (in Russian)
2. Kubriakova E. S. (1990) Semantika proizvodnogo slova [Semantics of derived and compound words]. In: *Aspekty semanticheskikh issledovanii [Aspects of Semantic Research]*. Moscow, pp. 81–155. (in Russian)
3. Kunin A. V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka. [Fraseology of Contemporary English Language]*. Moscow. (in Russian)
4. Lopatin V. V. (2005) Metaforicheskaia motivatsiia v russkom slovoobrazovanii [Metaphoric Motivation in Russian Word-formation]. In: *Sovremennyi russkii iazyk. Khrestomatiia [Contemporary Russian Language. Chrestomathy]*, in 3 vols, vol. 2. Minsk, pp. 16–20. (in Russian)
5. Panov M. V. (1956) O slove kak edinitse iazyka [About a word as a language unit]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute [Research Notes of Moscow State Pedagogical Institute]*, vol. 51, iss. 5. Moscow, pp. 129–165. (in Russian)
6. Savitskii V. M. (2006) *Osnovy obshchei teorii idiomatiki [Basis of General Theory of Idioms]* Moscow. (in Russian)
7. Smirnitskii A. I. (1954) K voprosu o slove (problema «tozhdestva slova») [To the Issue of a Word (The problem of Word Identity)]. *Trudy Instituta iazykoznaniia Academii Nauk SSSR [Proceedings of the Linguistics Institute of the Academy of Sciences]*, vol. 4. Moscow, pp. 4–9. (in Russian)
8. Karaulov Iu. N., ed. (1997) Russkii iazyk. Entsiklopediia *[The Russian Language. Encyclopedia. Edited by Iu. N. Karaulov]*. Moscow. (in Russian)

А. Е. Колбасенкова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕФТЕГАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ

(НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА «ЦЕНТРАТОР»)

ALEKSANDRA E. KOLBASENKOVA

OIL AND GAS TERMS FUNCTIONING IN THE SCIENTIFIC TEXTS: THE CASE OF "CENTRALIZER" TERM

В статье представлены результаты исследования функционирования нефтегазовых терминов в современном русском языке на примере термина «центратор» в научно-учебных, научных текстах по нефтегазовому делу, что представляет особый интерес в методическом аспекте при изучении языка специальности, в том числе в рамках курса РКИ. Термин также был проанализирован по специальным терминологическим словарям.

Ключевые слова: термины; нефтегазовая терминология; научно-учебные тексты; научные тексты.

The article presents the results of the study of the oil and gas terms functioning in modern Russian language as exemplified by the "centralizer" term in scientific prose texts. This topic is of special methodological interest for specialty language studies, including the studying of Russian as a foreign language. The term is also analyzed with the help of specialized terminological dictionaries.

Keywords: terms; oil and gas terminology; scientific texts.

Александра Евгеньевна Колбасенкова

Аспирант

Санкт-Петербургский горный университет

21-я лин. В. О., 2, Санкт-Петербург, 199106, Россия

▸ alejandra89@mail.ru

Aleksandra E. Kolbasenkova

Saint-Petersburg Mining University

2, 21st Line, St. Petersburg, 199106, Russia

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. Д.А. Щукина

Актуальность исследования терминологических систем различных областей знаний связана как с теоретическим, так и практическим аспектами их изучения, в последнем случае с поиском путей преодоления трудностей, с которыми при изучении специальных дисциплин сталкиваются российские и иностранные студенты.

Для наблюдения была выбрана область нефтегазовой промышленности ввиду её постоянно развивающегося характера, определяющего динамические процессы и в области терминологии.

Современные языки профессий, специальные языки, в том числе и язык нефтегазовой промышленности, не только достаточно объёмны по лексическому составу, но и довольно самостоятельны, их важной особенностью является использование специфических средств информации, необходимой для эффективного решения профессиональных задач [5].

Как было отмечено О. Д. Митрофановой, «поиск оптимальных форм, способов и приемов учебно-познавательной деятельности вузовского контингента остается незавершенным» [9: 72]. Наиболее востребованной представляется разработка методик, имеющих, «помимо общеобразовательной и культурологической ценности, четко выраженную профессиональную направленность» [2: 84].

Для студентов технических специальностей актуальна для изучения учебно-научная сфера русского литературного языка, которая является «инструментом» для овладения основами их будущей специальности. Одной из важнейших особенностей научного стиля речи, как известно, считается терминированность текста. К термину, как прави-

ло, предъявляются следующие требования: однозначность, краткость, точность, отсутствие модальной и стилистической окраски, системность, эмоционально-экспрессивная нейтральность, отсутствие синонимов и омонимов в пределах одной терминосистемы и др.

Достижения терминологии находят отражение в обучении языку специальности, что даёт возможность формировать профессиональные компетенции специалистов в определенной области. Как отмечает В. М. Лейчик, «термин появляется в тексте, в котором излагается теория, концепция, описывается новый технический объект, а затем он фиксируется в тексте словаря, стандарта, классификатора» [8: 147–148], то есть фиксируется в терминосистеме. Важным принципом современного терминоведения является принцип первичности сферы функционирования термина и вторичности сферы фиксации термина [Там же: 148], в связи с чем «функциональный аспект в изучении терминологии имеет большое и самостоятельное исследовательское значение. Все истинные свойства и качества термина проявляются только при функционировании его в специальных текстах или в устных формах профессионального общения» [4: 21].

В качестве материала исследования были использованы научно-учебные и специальные тексты по нефтегазовому делу, представляющие сферу функционирования терминов нефтегазового дела.

На первом этапе были проанализированы научно-учебные тексты, а также предметно-алфавитный указатель учебника «Основы нефтегазового дела: Учебник для вузов» А. А. Коршака, А. М. Хаммазова, адресованного студентам горных вузов России и имеющего практическую направленность. Данное учебное пособие позволяет читателю ознакомиться со сведениями о поиске и разведке нефтяных и газовых месторождений, разработке залежей и переработке нефти и газа, бурении скважин; в нём освещены вопросы транспорта, хранения и распределения нефти, нефтепродуктов и газа, проектирования и сооружения трубопроводов и хранилищ.

При анализе предметно-алфавитного указателя учебника было отмечено, что бóльшая часть исследованных терминов относится к общенаучной лексике, некоторые термины входят в несколько терминологических систем. Например, термин *центратор* используется в медицине, строительстве, нефтегазовом промысле и т. д.

Опираясь на принцип моделирования логико-понятийной системы А. С. Герда [3], были выделены следующие группы терминов:

- предметы, устройства, механизмы и их части (*вертлюг, керн, центратор, калибратор, кронблок, эрлифт*);
- материалы (*битумы, вазелины, винипласт, полимеры*);
- признаки, формы залегания пород (*антиклиналь*);
- процессы и явления (*абсорбция, аэрация, декарбонизация, ректификация, газлифт, ингибирование, депарафинизация*).

Самой многочисленной в данной классификации является группа лексем, называющих *предметы, устройства, механизмы и их части;* отметим особую важность этой группы в связи с тем, что такие термины необходимы для исследования любой специальной области, в том числе области нефтегазового промысла. Из этой группы в качестве предмета анализа мы выбрали термин *центратор*, который используется для названия специального устройства в нефтегазовой и нефтедобывающей промышленности. Данный термин является одним из многих терминов, которые образованы при помощи продуктивного суффикса *-атор* и имеют значение *неодушевленный предмет (орудие, машина, устройство, приспособление), производящий действие или предназначенный для совершения действия*.

В анализируемых научно-учебных текстах содержится информация о функции *центраторов*. В тексте учебника *центраторы* описаны как специальные устройства, применяющиеся «при проведении сборочно-центровочных операций» для обеспечения «соосности, совпадения внутренних кромок и сохранения необходимых зазоров» при сборке стыков труб (ОНД, с. 58, 452).

Вводятся термины *внутренний центратор* и *наружный центратор. Внутренние центраторы* описаны как конструкции, обеспечивающие «наиболее качественную сборку стыков», *наружные* применяются в случаях, когда невозможно применение внутренних. Дано подробное описа-

ние данных устройств (Там же). Отмечается использование этих устройств «в сложных геологических условиях», где «применяется особая компоновка низа бурильной колонны, включающая калибраторы и *центраторы*» (Там же, с. 128).

Термины и понятия *центратор* и *центрирование* послужили также темой ряда статей в специальной литературе: термин использован в журнале «Neftegaz.ru», отражающем «новости нефтегазовой отрасли», в статьях, представленных в рубрике «Технологии».

Обзорная статья «Возвращаясь к истокам» (ВИ) написана по материалам исследований швейцарской компании Weatherford, которая специализируется на производстве и поставках нефтедобывающего оборудования, предоставлении сервисных услуг нефтегазовым предприятиям более чем в 100 странах. Текст статьи сопровождается логотипом данной компании.

В статье рассматривается проблема целостности при эксплуатации нефтяных скважин, исследованы причины невозможности сохранения целостности скважин в течение всего срока эксплуатации, поставлен вопрос не только о необходимости применения в этих условиях центратора, но и о выборе необходимого типа центратора, говорится о функции центраторов, представлены рисунки (ВИ, с. 22). *Пружинный центратор* и *жесткий центратор* рассматриваются как устройства, которые могут правильно разместить колонну внутри скважины, обоснован оптимальный выбор *центратора*, обозначены его функции, определены различия между видами центраторов: «...некоторые виды *центраторов* снижают крутящий момент и силы трения в процессе спуска, а другие только защищают критически важные компоненты колонны» (Там же, с. 23).

В статье изложена история использования данного механизма, говорится о создании новых типов *центраторов*, спроектированных специально для наиболее сложных скважин, подчёркивается важность соответствия выбранного типа *центратора* внутрискваженным условиям. Отметим, что для номинации новых типов центраторов используются терминологические двух- или более компонентные словосочетания, или же составные термины, пополняющие запас терминологической системы нефтегазового дела в русском языке.

В статье швейцарских исследователей приведены примеры учёта характера спуска для выбора нужного типа центратора, что отражено в специальной таблице. Введены в употребление дополнительные составные термины *центратор-патрубок*, а также терминологическое словосочетание *роликовые двунаправленные центраторы*, не встречавшиеся ранее в учебной литературе, что говорит об их новизне и, с другой стороны, о сложности, множественности видов и функций у самого устройства. Так, в другой таблице в статье представлено руководство по выбору центратора, в последней строке «*центраторы (внешний вид)*» иллюстрируется 20 типов центраторов (рис. 1), «*семейство жестких / полужестких и пружинных центраторов*» (Там же, с. 25).

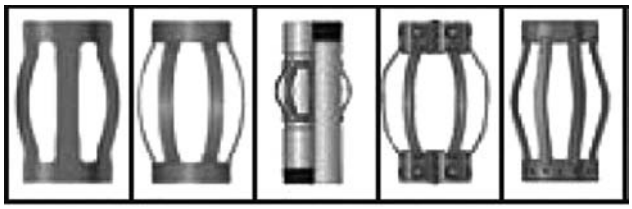


Рис. 1. Различные типы центраторов.

В статье «Снижение трения при бурении. Вспомогательные механизмы», также помещенной в рубрике «Технологии» журнала «Neftegaz.ru», рассмотрены вспомогательные механизмы «для снижения прихватоопасности при бурении наклонно-направленных и скважин с горизонтальным окончанием» (СТ, с. 38). Речь идет о механизмах, разработанных и апробированных на кафедре бурения нефтяных и газовых скважин Альметьевского государственного нефтяного института, один из таких новых механизмов — *скользящий центратор*. Все механизмы представлены на рисунках, дана информация о патентах. В статье встречается терминологическое сочетание *скользящий центратор*, представляющее новое понятие, появившееся вместе с новым изобретением. В параграфе, посвящённом данному механизму, описана конструкция центратора, а также её особенности: «*Скользящий центратор* включает корпус с концевыми частями в виде

центрирующих элементов и ребрами для их соединения, тела качения, расположенные в центрирующих элементах» (Там же, с. 40).

Итак, базовый термин в зависимости от изменений в структуре устройства и уточнений его функционального назначения «обрастает» производными — сложными словами и словосочетаниями, идентифицирующими новые значения.

В настоящее время в лингвистике рассматривается проблема соотношения дефиниции термина и его толкования, а также проблема необходимости разграничения этих нетождественных понятий, являющихся разными видами определения. Дефиницией называют вид определения, который ориентирован на специалиста. Посредством дифференциальных признаков и особенностей определяются границы понятия, а также его место в рамках сферы научного знания и использования в научном дискурсе. Толкование термина представляет собой «характерную для перешедших в общее употребление терминов разновидность определения, ориентированную на неспециалиста и в упрощенной форме раскрывающей суть сложного понятия посредством признаков, отражающих обыденное понимание явления вне системы научного знания для использования за рамками научного дискурса» [7: 61–63].

Термины, представляющие узкоспециальные понятия, известные исключительно специалистам, определяются лишь в терминологических словарях и не имеют толкований, следовательно, не представлены в толковых словарях [6: 125–130]. Так, рассматриваемому нами термину *центратор* не даётся толкования в толковых словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Большом академическом словаре, Малом академическом словаре, а также в словарях иностранных слов Л. П. Крысина, Т. В. Егоровой. Данный факт указывает на то, что *центратор* является специальным термином и принадлежит к специальной области знаний, в связи с чем мы обратились к терминологическим словарям и справочникам.

Большой нормативно-технический словарь Ю. И. Фединского включает более 15 тысяч понятий, его главной особенностью является то, что приведённые в нём термины — заголовки словарных статей — взяты из официальных нормативных документов, толкования терминов представляют собой цитаты из них. Термин *центратор* представлен в словаре в рубрике «Нефть. Газ. Уголь. Добыча и снабжение». В словарной статье есть заголовочное слово, информация о назначении данного механизма, дана дефиниция термина «устройства для обеспечения концентричного размещения обсадных труб в скважине», т. е. прямое родовое понятие выражено термином-гиперонимом «устройство»; а также приведена ссылка на нормативный документ [1: 316].

Далее термин был проанализирован по терминологическому словарю-справочнику Б. М. Сучкова, «сборнику основных терминов и понятий, широко используемых в нефтепромысловом деле» [10] Словарная статья «*центратор*» состоит из заголовочного слова, представлен рисунок (рис. 2), который является схематичным изображением участка трубы. Рисунок сопровождается информацией о материале изготовления центратора (*листовые пружины*), а также объясняется оптимальное расположение механизма в скважине.

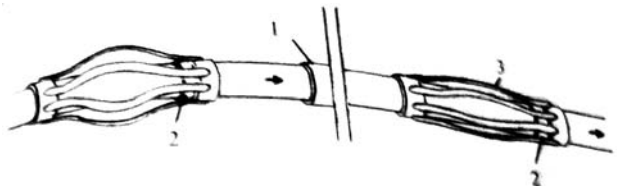


Рис. 2. Иллюстрация в словарной статье словаря-справочника Б. М. Сучкова.

В словарной статье данного словаря-справочника, рассчитанного на специалистов нефтегазового промысла, не дано родового понятия термина, представлена дефиниция, а не толкование, что говорит о его закреплении в анализируемой терминологической системе. Далее в статье вводится терминологическое словосочетание *жесткие центраторы,* анализируются преимущества применения центраторов, говорится о методах их оптимальной установки в буровых скважинах [Там же].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что русская терминология нефтегазового дела является молодой открытой системой,

которая активно развивается в XXI веке. На примере термина *центратор*, не зафиксированного в толковых словарях, было проанализировано функционирование специальной лексики в рамках определенной терминологической системы.

Как известно, термины обслуживают специальную область научных знаний, в этой связи рассмотрена специфика функционирования термина *центратор* в научно-учебных текстах, рассчитанных на подготовку специалистов в нефтегазовой сфере, а также в текстах, предназначенных для профессионалов, где термин встречается и как самостоятельный, и в составе двух- и более компонентных словосочетаний. Терминологические словари и справочники, которые могут быть использованы для самостоятельной работы студентов при изучении языка специальности, дают дефиницию данного термина, которая отражает его основные характеристики, структуру и назначение. Однако следует отметить, что в специализированной нефтегазовой литературе используются и терминологические словосочетания, не представленные в учебных пособиях и специальных словарях. При описании функционирования терминов в языке предложено учитывать фиксацию в научных текстах терминов и терминологических сочетаний, обозначающих новые технические объекты (открытые / запатентованные) в их функциональном применении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой нормативно-технический словарь / Сост. Ю. И. Фединский. М., 2007.
2. *Гагарина Н. В.* Презентация специальной лексики экономического профиля на начальном этапе обучения РКИ // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Вып. 3. 2009. С. 84–87.
3. *Герд А. С.* Основы научно-технической лексикографии. Л., 1986.
4. *Даниленко В. П.* Актуальные проблемы лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / Под ред. В. П. Даниленко. М., 1986. С. 5–23.
5. *Думитру Е. Ш.* Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
6. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.
7. *Лату М. Н.* Некоторые особенности дефиниции и толкования термина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 76, № 1. 2017. С. 60–68.
8. *Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. М., 2009.
9. *Митрофанова О. Д.* Профильность в обучении языку и культуре русской речи // Известия ТулГУ. Серия «Язык и литература в мировом сообществе». Вып. 10. Методика преподавания русского языка и литературы. Тула, 2006. С. 72–82.
10. *Сучков Б. М.* Терминологический словарь-справочник по нефтепромысловому делу. М.; Ижевск, 2007.

ИСТОЧНИКИ

ОНД — *Коршак А. А., Шаммазов А. М.* Основы нефтегазового дела: Учебник для вузов. Уфа, 2002.

ВИ — Возвращаясь к истокам // Neftegaz.ru. 2016. № 3. С. 22–25.

СТ — *Хузина Л. Б., Любимова С. В., Сливченко А. Ф.* Снижение трения при бурении. Вспомогательные механизмы // Neftegaz.ru. 2016. № 3. С. 38–41.

REFERENCES

1. Fedinskii Iu. I., comp. (2007) *Bol'shoi normativno-tekhnicheskii slovar' [Big standard technical dictionary]*. Moscow. (in Russian)
2. Gagarina N. V. (2009) Prezentatsiia spetsial'noi leksiki ekonomicheskogo profilia na nachal'nom etape obucheniia RKI [Presentation of specialized vocabulary of Economics on the initial stage of RFL teaching]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Russian People's Friendship University]*. Seriia: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost' [Series: Education questions: languages and specialty], iss. 3, pp. 84–87. (in Russian)
3. Gerd A. S. (1986) *Osnovy nauchno-tekhnicheskoi leksikografii [The basics of scientific and technical lexicography]*. Leningrad. (in Russian)
4. Danilenko V. P. (1986) Aktual'nye problemy lingvisticheskogo issledovaniia russkoi terminologii [Current problems of linguistic research of Russian terminology] In: Danilenko V. P., ed. *Sovremennye problemy russkoi terminologii [Modern problems of the Russian terminology]*. Moscow, pp. 5–23. (in Russian)
5. Dumitru E. Sh. (2009) *Strukturno-semanticheskii analiz russkoi terminologii neftedobychi [Structural-semantic analysis of the Russian terminology of oil production]* (Candidate's thesis, Philology), The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow. (in Russian)
6. Krysin L. P. (2008) *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovariakh: Ocherki o russkoi leksike i leksikografii [The word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography]*. Moscow. (in Russian)
7. Latu M. N. (2017) Nekotorye osobennosti definitsii i tolkovaniia termina [Some of the features of definitions and interpretations of the term]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language]*, vol. 76, no. 1, pp. 60–68. (in Russian)
8. Leichik V. M. (2009) *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura [Terminology. Subject, methods, structure]*. Moscow. (in Russian)
9. Mitrofanova O. D. (2006) Profil'nost' v obuchenii iazyku i kul'ture russkoi rechi [The specialization in the language and Russian speech culture learning]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Iazyk i literatura v mirovom soobshchestve» [Izvestiya of the Tula state University. Series of "Language and literature in the world community"]*, iss. 10. Metodika prepodavaniia russkogo iazyka i literatury [Methodology of the Russian language and literature teaching]. Tula, pp. 72–82. (in Russian)
10. Suchkov B. M. (2007) *Terminologicheskii slovar'-spravochnik po neftepromyslovomu delu [Terminological dictionary of oilfield business]*. Moscow; Izhevsk. (in Russian)

Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ НА БАЗЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TIMUR B. RADBIL, LARISA V. RATSIBURSKAYA

DERIVATIVE INNOVATIONS ON THE BASIS OF ADOPTION ELEMENTS IN MODERN RUSSIAN: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

В статье рассматриваются активные процессы в современном русском словообразовании на базе заимствований в аспекте их соответствия национально-специфичным способам языковой концептуализации мира. Выявленные типы инноваций демонстрируют значительный потенциал культурной апроприации, эксплуатируя исконно русские модели концептуализации мира в слове.

Ключевые слова: заимствования; словообразование; лингвокультурология; языковая концептуализация мира; русский язык.

The article explores active processes in modern Russian word derivation on the basis of adoption elements from the standpoint of their correspondence with national-specific models of language conceptualization of the world. The innovation types detected by the authors demonstrate significant potentiality of cultural appropriation, while exploiting primordially Russian methods of world conceptualization in words.

Keywords: adoptions; derivation; linguoculturology; world conceptualization in word; Russian language.

Тимур Беньюминович Радбиль

Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания

► timur@radbil.ru

Лариса Викторовна Рацибурская

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания

► racib@yandex.ru

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, Нижний Новгород, 603950, Россия

Timur B. Radbil, Larisa V. Ratsiburskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

23, pr. Gagarina Nizhniy Novgorod, 603950, Russia

Научный аппарат современной отечественной лингвокультурологии демонстрирует значительный исследовательский потенциал в выявлении сущностных связей между языком этноса и национальной культурой. В этой связи можно вспомнить звучащую вполне в духе новейших лингвокультурологических стратегий научного поиска идею В. Н. Телия о том, что большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [10: 219 и след.]. Развивая это положение, отметим, что соотнесенность семантики языка с этническими культурными кодами обнаруживает себя на разных уровнях языковой системы. В этом плане крайне интересной областью разнообразных межкультурных взаимодействий представляется ситуация в современном русском словообразовании, которую мы попытаемся оценить именно с лингвокультурологической точки зрения.

Для начала зададимся вопросом, всегда ли активные процессы в новейшей речевой практике носителей русского языка, связанные с проникновением иноязычных элементов на разных уровнях языковой системы,

можно действительно трактовать как рефлексы «чужеродных» инокультурных влияний? Мы попытаемся показать, что многие модели новообразований на базе иноязычных компонентов несут на себе характерный отпечаток именно исконно русских, культурно-обусловленных способов языковой концептуализации мира, закрепленных в «опыте тысячелетий психологической и культурной интроспекции носителей языка» [1: 27].

Характерным примером может служить активное включение иноязычного по происхождению существительного *гламур* и его адъективного деривата *гламурный* [8] в активные словообразовательные процессы с использованием исконно русских формантов, несущих на себе яркую печать национально-культурного своеобразия [5: 20–22]. Прилагательное *гламурный*, этот явный знак «инокультурных ценностей», образует дериваты по типично русским моделям экспрессивного словообразования, например *гламурно*, *гламурненько*. О подобных рефлексах (именно в плане выражения культурной специфики русского национального характера) размышляет А. Вежбицкая, видя в русских суффиксах субъективной оценки отражение национально-специфичного способа отражать мир в слове — **эмпатию** по отношению к объекту номинации [2: 53]. Здесь мы видим нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» (А. Вежбицкая) и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. О продуктивности такой модели свидетельствуют разнообразные *готичненько*, *эксклюзивненько* и пр., которые порождены на базе «чужеродного» *готы* и созданных на русской почве *готический*, *готичный*, а также заимствования *эксклюзивный* и созданного на русской почве наречия *эксклюзивно* и т. д. Такая исконно русская модель освоения чужого слова как-то элиминирует его «чужеродность», переинтепретируя его в духе специфически русского способа языковой концептуализации мира, а именно –– в духе особо эмоционально окрашенного и теплого отношения к объектам номинации, которые в норме не подлежат никакой эмоционально-экспрессивной и оценочной реакции. При этом на стыке первоначальной книжной стилистической отмеченности производящей основы и принципиально разговорного характера форманта возникает некое игровое, карнавальное ее переиначивание, которое производит в ряде случаев добавочный иронический эффект.

В работах А. Вежбицкой, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и других были выявлены разнообразные базовые доминанты русской языковой картины мира. Среди них можно назвать, например, уже упомянутую выше установку на эмпатию, гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой), острую реакцию на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом и пр. [2; 3]. Все это, как это ни парадоксально, проявляется и при освоении иноязычных компонентов как репрезентантов «иноментальных» или «инокультурных» моделей русской словообразовательной системы.

В центре нашего исследования — лексико-словообразовательные новации в русском языке последних лет, в которых так или иначе участвуют иноязычные по происхождению элементы — основы или форманты. Правомерность именно лингвокультурологического подхода к оценке и квалификации подобных новообразований обусловлена тем, что это –– не просто слова. Инновации подобного рода, чаще всего входящие в медийный, рекламный или политический дискурс, всегда выступают выразителями чьих-то интересов, представляют то или иное сообщество, группу, партию и т. п. и в соответствии с целями этого сообщества моделируют с помощью объективированных в текстовом формате стереотипных преставлений реальность [4: 45]. Однако представляется важным, что подобные манипулятивные механизмы во многом эксплуатируют культурный фон, который содержится в исконно-русских моделях языковой концептуализации мира. Мы опишем две основные тенденции в инновационном словообразовании на базе заимствованных компонентов.

Первая группа интересующих нас инновационных моделей связана с включением иноязычной по происхождению основы в продуктивные модели префиксального или суффиксального словообразования посредством исконно русских приставок и / или суффиксов, которые выступают как явные носители особенностей русской ментальности.

Среди инновационных явлений на базе иноязычных основ, присоединяющих исконные форманты, наибольший интерес представляют аффиксы и аффиксоиды субъективной оценки: диминутивы, интенсификаторы, увеличительные форманты и пр.

Многие субстантивные диминутивы с размерно-оценочными суффиксами не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, уничижение:

Нужна элита, а не ***элитка****. Наша политическая, а особенно управленческая элита сейчас недееспособна и деквалифицированна* (Комсомольская правда, 21.11.2014); *Это* ***катастрофка*** *небольшая, социальная* (радио «Коммерсант FM», 16.10.2014) — значение уменьшительности осложняется манипулятивным эффектом; *Он мне говорит: мы тебя состарим, создадим какой-нибудь* ***гримчик*** (1-й телеканал, 14.11.2015).

Социальной экспрессией обладают и диминутивы — наименования лиц с уничижительными суффиксами:

При всей девиантности человеческого поведения наши псевдозвезды знают только две категории: «Я» и «Я и другие». Даже наши желторотые ***артистишки*** *этим грешат...* (Собеседник, 2014, № 44); *Оловянные* ***прокурорчики*** (Новые Известия, 06.04.2015).

В последнее время в текстах СМИ активизировалось создание на базе заимствованных основ диминутивов-прилагательных, наречий, слов категории состояния с иронической оценкой ситуации:

Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема — свадьба Ксении Собчак. И ***гламурненько****, и* ***оппозиционненько*** (Российская газета, 05.02.2013); *Если ты весь список будешь читать, у нас программа закончится. — Не закончится. Я буду так* ***порционненько-порционненько*** (Радио «Комсомольская правда», 28.10.2014); *У нас в Питере все* ***пряменько, перпендикулярненько****,* ***параллельненько*** (т/к «Россия-1», 17.05.2015); *Он весь такой* ***активненький-активненький*** (радио «Вести FM», 13.12.2016).

Характерно использование «увеличительных» суффиксов в сочетании с иноязычными основами:

Управление этим автомобилем, я бы сказал ***автомобилищем****...* (т/к «Россия-24», 22.01.2012); *Третий* ***моментище*** *в этом матче!* (радио «Маяк», 22.06.2012).

Активизация размерно-оценочного словообразования не только в разговорной речи, но и в медийных текстах объясняется усилившейся в последние десятилетия тенденцией СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста. Субъективно-оценочные модификаты «оказываются сильными экспрессивными средствами коммуникации, обладающими значительным потенциалом самовыражения и воздействия» [9: 377].

Национальная специфика деривационных процессов русского языка проявляется также в отсубстантивных существительных с суффиксом *-щин(а)* с оттенком неодобрения, особенно в тех случаях, когда указанный исконный суффикс сочетается с основами заимствований и нерусских имен собственных:

В США исследованием паранормальных явлений с 1976 года занимается комитет научных исследований. В России же серьезно изучением ***аномальщины*** *не занимается никто <...> Группы же «чудаков», которые занимаются изучением всякой* ***паранормальщины****, <...> есть во многих российских городах* (Собеседник, 2012, № 3); *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас* ***трамповщина****, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки* (Iron post, 14.11.2016).

Во все указанных случаях, при всех их семантических, стилистических и прагматических различиях, можно видеть общую черту, присущую русской языковой ментальности, а именно отмеченную ранее установку на эмпатию — нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» (А. Вежбицкая) и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. Реально подобные словообразовательные показатели могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность,

жалость, интерес и т. п., с одной стороны, насмешку, неприязнь, презрение, негодование и т. п. — с другой.

К второй тенденции инновационного словообразования на базе иноязычных компонентов следует отнести активные процессы, во многом обратные описанным выше. Это присоединение иноязычных аффиксов и аффиксоидов к исконной по происхождению основе, которая выступает как выразитель исконно-русских, национально-обусловленных культурных кодов.

В случаях когда заимствованные аффиксы сочетаются с исконными основами с точки зрения национальной специфики, наибольший интерес, на наш взгляд, представляют модели с размерно-оценочными префиксами, с показателями ложности, неистинности, а также с формантами — носителями иронически-оценочного эффекта.

Действенным аксиологическим средством в русском медийном словотворчестве стали в последнее время некоторые иноязычные префиксы и префиксоиды, которые присоединяются к исконным словам (основам).

Размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-* и пр., проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрируют такую особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой):

Время собирать урожай, если хотите. У «Анжи» для этого все — супертренер, ***суперпомощники, суперусловия, суперсостав*** (Спорт-Экспресс, 20.07.2013); *Пользователей Сети покорила история настоящей* ***супербабушки*** *из Красноярска, которая, несмотря на почтенный возраст, ведёт активный образ жизни и тратит все свои сбережения на путешествия* (Ленинская смена, 27.10–02.11.2016, № 45); *У нас у Алферова* (Жореса. — *Авт.*) ***суперучебные*** *заведения* (т/к «Россия-24», 29.11.2015); *Космонавтов видел, слышал. Это не* ***гиперлюди****, люди будущего* (Радио России, 12.04.2012); *Второй квартал стал периодом* ***мегасделок*** (радио «Бизнес FM», 09.07.2012); *Также специалисты зафиксировали несколько периодов «****мега-засух****» и «****мега-осадков****»...* (Аргументы и факты, 07.11.2015); *Две-три конфетки* (ребёнку. — *Авт.*) *в неделю, чтобы знали, что это такое, чтобы не было* ***мегаожиданий*** (радио «Вести FM», 04.12.2016); *Она держит его в* ***мегажовых*** *рукавицах* (радио «Серебряный дождь», 10.01.2011); *Врач оказался* ***супермегаответственный*** *человек* (Радио России, 01.04.2012).

Заимствованный префикс *экс-* с семой ‘бывший’ в сочетании с исконными основами развивает негативную оценочность:

Экс-градначальник, экс-«правый», экс-русские окраины, Другая ***экс-подруга*** *Клинтона, «Мисс Арканзас» Салли Миллер, та самая девушка, к которой губернатор сбежал ночью из супружеской спальни* (Экспресс газета, 17.10.2016, № 42); *В заведении* ***экс-наставника*** *«Голоса» под барной стойкой хранились наркотические вещества, принадлежащие бармену Дарье* (Жизнь, 26.10–01.11.2016, № 42).

В этом проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление.

Негативную оценочность вносят в новообразования префиксы *псевдо-*, *квази-* с семантикой неистинности, ложности:

Псевдородственник, псевдообщественник, псевдоборец *с халифатом,* ***псевдосамодостаточность, псевдоправящий*** *псевдокласс,* ***псевдоРоссия****; Исключить практику заочного* ***псевдообразования*** (радио «Вести FM», 13.07.2016); *Беглого олигарха с его* ***псевдооткровениями*** *активно используют* (т/к «Россия 1», 14.12.2015); *Мы называем такие продукты* ***псевдодетскими*** (радио «Вести FM», 04.12.2016); *Она не гурман, она не стоит в очереди в Макдональдс или другое* ***псевдопитательное*** *учреждение* (радио «Вести FM», 27.08.2016); *Свои территории ИГИЛ расширило и укрепило ... такое* ***квазигосударство*** (т/к «Россия 1», 17.11.2015); *Вариантов ограничений много: от* ***полузапретов*** *до* ***квазизапретов*** (1-й телеканал, 13.10.2015).

Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране. «Русскость» подобной модели языковой концептуализации ценностей заключается в специфике оценочной реакции говорящего, направленной на дезавуирование ложной претензии (развенчание пошлости) или дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов.

Приобретают качественно-оценочную семантику и некоторые префиксоиды иноязычно-

го характера, в частности *евро-*, *нано-*, в сочетании с исконными основами. У продуктивного префиксоида *евро-* нейтральная топонимическая сема осложняется негативно-оценочными компонентами:

Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для ***евродевок*** (Завтра, 2013, № 24); *Брюссель сегодня, как и почти все столицы ЕС, — конгломерат закрытых анклавов. От* ***евродворцов****, обжитых бюрократией, глухой к стонам угасающих на алтаре* ***евростроительства*** *наций, до лежбищ и схронов бойцов евроджихада в квартале Моленбек* (Огонёк, 28.03.2016); *На Украине* ***евромечта*** *не сбылась* (т/к «Россия 1», 30.03.2016).

Активизировавшийся в связи с достижениями научно-технического прогресса префиксоид *нано-* в последнее время вносит в слова оценочную семантику:

Не могу внести свой вклад в наноскандалы и разоблачение ***нанодельцов****, не способен даже гнать нанопургу про* ***нанобудущее*** *<...>. Сегодня «нано-» — передний край словообразования. Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «****Нано****» — значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный* (Русский репортёр, 22–29.05.2008).

Суффиксальные новообразования также демонстрируют отражение национально-специфичных моделей языковой концептуализации мира. Так, суффикс *-оид* с семантикой подобия развивает негативную оценочность в новообразованиях от исконных слов, называющих ключевые фигуры российской действительности в текстах общественно-политической тематики:

Штаб Б. Е. Немцова поименовал главу сочинского избиркома «пособником ***кубаноидов****» <...> Что суффиксация «-оид» используется для производства политических ругательств («****коммуноид****», «****путиноид****») — это еще полбеды. Когда такой суффикс соединяется с географическим корнем, получается ругательство по признаку этнорегиональной принадлежности* (Известия, 21.04.2009).

Национально-культурная обусловленность подобных моделей видится в том, что они, как и модели неологической префиксации с *экс-*, рассмотренные выше, отражают иронически-сниженную реакцию на объект номинации. По мнению учёных, созданию пейоративных отонимических имён на *-оид*, *-oid* «сопутствуют метафорическая мотивация и т. н. формально-семантическая конденсация, в результате чего появляются окказиональные экспрессивы — семантически нерегулярные дериваты со значениями „умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой“. Тексты, которые включают в себя экспрессивизмы, обозначающие внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, обычно способствуют инвективизации» имён с финалями *-оид*, *-oid,* их трансформации в «этические пейоративы активного неуважения» (термин Н. Д. Арутюновой) [7: 115].

В качестве экспрессивно-оценочного средства в современных медийных текстах выступают новообразования с неспециализированными в этом отношении иноязычными суффиксами отвлеченной семантики *-(из)аци(я), -изм, -инг*, которые присоединяются к исконным основам:

*Мы столкнулись с мощной тенденцией «****горохоизации*** *Европы». Некоему внешнему манипулятору очень хочется разбить Европу в горох — по национальным квартирам* (Итоги, 21.01.2008); *Качают деньги все и отовсюду. Полный* ***западнизм*** (Дуэль, 2008, № 6); *По краям площади — торговые павильоны. Самый ходовой товар — пиво и шашлыки. Известно, что традиционное занятие байкерами свободного времени —* ***пивинг, водкинг****, шашлыкинг и, естественно,* ***бабинг****, поскольку красотка, красавица, мамзель, телка, кошелка — человеческое существо, совершенно необходимое байкеру для полноценного проведения досуга* (Независимая газета, 06.03.2013); ***Втюхинг****! Продавцы сомнительных товаров и услуг перешли к угрозам и шантажу <...> Эта технология «активного* ***втюхинга****» основана на манипуляции вашим потребительским поведением* (Наша Версия, 07–13.10.2013).

Особенно ярко оценочность (преимущественно негативная) проявляется в новообразованиях на базе имен собственных, называющих ключевые фигуры российской действительности:

*Сегодня не „****десталинизация****“ и, тем более, не дискредитация советского прошлого необходима стране <...> А* ***дегорбачевизация*** *и* ***деельцинизация*** (Завтра, 2015, № 47); *И это сопряжено с рядом угроз, которые развитой* ***путинизм*** *поставил перед Россией. Точно так же, как развитой* ***брежневизм*** (Новая газета, 13.06.2012, № 64); *Ельцин — это наше страшное вчера, мы от него еще не ушли, это не история,* ***ельцинизм*** *живет еще повсюду...* (Завтра, 2015, № 47).

Синтагматическая оценочность проявляется также у иноязычных аффиксов со значени-

ем лица (*-ист* и др.) в сочетании с исконными основами, в частности с основами личных имен собственных:

> *Сталинист, ельцинист, горбачевист* и под.; *Пока федеральные каналы упорно хвалили «**нашинцев**»* (представители молодежного общественного движения «Наши». — *Авт.*), *либеральная общественность их безудержно ругала и называла «**нашистами**»* (Московские новости, 31.08–06.09.2007).

Негативная оценочность аналогичного типа развивается и в тех словообразовательных моделях, где суффиксоиды иноязычного характера *–ман, -фоб* присоединяются к исконной основе:

> *Да, проблема «**чудомании**» в России действительно всегда была и остается* (Русский репортер, 27.12.2007–17.01.2008); *Нижегородцы заболели **лекарствоманией*** (т/к РТР, 07.03.2009); *С древних времен элита на Руси страдала **быдлофобией** и пониманием своего кастового единства* (Комсомольская правда, 25.12.2008–01.01.2009); *Но когда слывущий до этого **бракофобом** артист созрел, чтобы впервые в жизни отвести свою избранницу в загс, перевез и Ксению, и Анфису к себе в Москву* (Экспресс газета, 12.10.2016, № 42).

«С помощью таких „псевдоаффиксальных“ морфем (*-мания*, *-фобия*) — генетически корневых слов, которые приобрели статус суффиксоидов, вступая в комбинации с корневыми морфемами принимающих языков, спорадически образуются „асистемные экспрессивные окказионализмы <...>, указывающие на умственную и психическую неполноценность чрезмерно активных сторонников или противников государственных и политических деятелей“» [6: 19]: ***обамамания***, ***трампомания***, ***путинофобия***, ***трампофобия*** и под.

Во всех рассмотренных случаях подобные новообразования, используемые для негативной характеристики социальных пристрастий и антипатий, как и рассмотренные выше модели с размерно-оценочными префиксами, эксплуатируют установку на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой).

В целом проведенное исследование показало, что очевидный экспрессивный, образный и воздействующий потенциал рассмотренных моделей словообразовательных инноваций, который эксплуатируется авторами медийных, рекламных или политических текстов в самых разнообразных целях, во многом опирается на культурный фон, который содержится в исконно-русских способах языковой концептуализации мира.

Думается также, что предлагаемый в работе лингвокультурологический подход к изучению инокультурных влияний на функционирование и развитие русского языка позволяет вскрыть сами механизмы культурной апроприации «чужого» и аккумуляции «своего» системой развитого литературного языка с большими культурными традициями, к каковым, несомненно, и относится русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е. В. Падучева. М., 1996.
3. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005.
4. *Мардиева Л. А.* Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах: опыт интегративного исследования. Казань, 2016.
5. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская и др.; под ред. Л. В. Рацибурской. М., 2014.
6. *Коряковцева Е. И.* Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Sedlce, 2013. С. 9–38.
7. *Коряковцева Е. И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Седльце, 2016.
8. *Северская О. И.* Гламур, гламурь, гламурье и прочее (Об истории одного из заимствований последних лет) // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А. Д. Шмелёв. М., 2011. С. 48–54.
9. *Химик В. В.* Экспрессивно-оценочный потенциал русского модифицированного словообразования // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование: Доклады XI междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов. М., 2010. С. 376–389.
10. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

REFERENCES

1. Apresian V. Iu., Apresian Iu. D. (1993) Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii [Metaphor in semantic representation of emotions]. *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 3, pp. 27–35. (in Russsian)
2. Vezhbitskaia A. (1996) *Iazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]*. Moscow. (in Russsian)
3. Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2005) *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira [Key ideas of the Russian Language Picture of the World]*. Moscow. (in Russsian)
4. Mardieva L. A. (2016) *Sotsiokul'turnaia real'nost' i ee interpretatsii v mediatekstakh: opyt integrativnogo issledovaniia [Socio-cultural Reality and Its Interpretations in Media-texts: the Experience of Integrated Research]*. Kazan. (in Russsian)
5. Radbil' T. B., Marinova E. V., Ratsiburskaia L. V. et al. (2014) *Novye tendentsii v russkom iazyke nachala XXI veka: kollektivnaia monografiia [New Tendencies in Russian of the XXth Century Beginnning: collective monograph]* (ed. by L. V. Ratsiburskaia). Moscow. (in Russsian)
6. Koriakovtseva E. I. (2013) Slovoobrazovatel'nye resursy novykh funktsional'nykh stilei slavianskikh iazykov [Word resources new functional styles of Slavic languages]. In: *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich [Word formation and new functional styles of the Slavic languages]*. Sedlce, pp. 9–38. (in Russsian).
7. Koriakovtseva E. I. (2016) *Ocherki o iazyke sovremennykh slavianskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatel'nyi i lingvokul'turologicheskii aspekty) [Essays about modern Slavic language media (semantic derivation and lingvokul'turologicheskij aspects]*. Siedlce, 2016. (in Russsian)
8. Severskaia O. I. (2011) Glamur, glamur', glamur'e i prochee (Ob istorii odnogo iz zaimstvovanii poslednikh let) [Glamour, glamur', glamur'e and others (about the history of one of the borrowing of recent years)] In: *Shmelev A. D., ed. Voprosy kul'tury rechi [The issues of speech culture]*. Moscow, pp. 48–54. (in Russsian)
9. Khimik V. V. (2010) Ekspressivno-otsenochnyi potentsial russkogo modifitsirovannogo slovoobrazovaniia [Expressive and evaluation potential of the modified Russian derivation]. In: *Novye iavleniia v slavianskom slovoobrazovanii: Sistema i funktsionirovanie [New phenomena in the Slavic word formation: the System and functioning]*. Proceedings of the XI International conference of the Commission on the Slavic word formation of the International Committee of Slavists. Moscow, pp. 376–389. (in Russsian)
10. Teliia V. N. (1996) *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow. (in Russsian)

[хроника]

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б. Н. ГОЛОВИНА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

(Начало на с. 17. Окончание на с. 46)

витие в докладах пленарного заседания и секций «Проблемы современного терминоведения», «Основные идеи и методы прикладной лингвистики». В пленарных докладах были показаны достижения горьковской терминологической школы и её роль в мировом терминоведении (проф. К. Я. Авербух), а также значение трудов Б. Н. Головина для современных методов «математизации» лингвистических исследований (проф. С. С. Хромов). В секционных докладах была дана общая характеристика современного состояния русской лингвистической терминологии (Г. А. Иванова), охарактеризованы актуальные проблемы современной терминографии (проф. С. Д. Шелов, проф. Н. В. Васильева, д. ф. н. А. В. Синелева). В области методологии особое внимание было уделено проблемам документной лингвистики в свете идей Б. Н. Головина (проф. М. В. Косова), реализации количественных методов в лингвистических исследованиях (С. П. Кушнерук), использования квантитативного анализа при изучении индивидуального стиля писателя (проф. С. Н. Андреев).

Диахроническое направление языкознания, которому Б. Н. Головин всегда уделял внимание, было представлено в докладах секции «История русского языка и славянское языкознание», где рассматривались в аспекте представленных в них грамматических категорий и лексико-семантических единиц древнерусские сакральные и диалектные тексты (проф. Э. Н. Акимова, О. А. Горбань, Л. П. Клименко, О. И. Дмитриева), анализировалась динамика русских словообразовательных гнезд (О. И. Янковский). В докладах секции «Активные словообразовательные процессы в современных славянских языках» (проф. Л. В. Рацибурской, д. ф. н. О. А. Пацюковой, проф. Н. А. Николиной) особое внимание было уделено экспрессивно-оценочному потенциалу словообразовательных неологизмов, новым заимствованиям (проф. Е. В. Маринова, И. Боздехова) и неологизмам в сфере топонимической деривации (проф. Т. В. Попова, Й. Митурска-Бояновска, Е. В. Щеникова). Актуальные проблемы современной неологической лексикографии нашли отражение в докладах Т. Н. Буцевой и Е. А. Ждановой.

Б. Н. Головин много и плодотворно занимался вопросами речевой культуры. Им разработана непротиворечивая теория коммуникативных качеств речи и их связи с неречевыми структурами, он также по праву считается одним из пионеров в области применения вероятностно-статистических методов в языкознании, и в частности в стилистике. Вклад Б. Н. Головина в развитие функциональной стилистики и культуры речи был охарактеризован в пленарном докладе проф. О. Б. Сиротининой. В докладах секции на ту же тему идеи Б. Н. Головина получили своеобразное отражение и развитие: в характеристике критериев хорошей речи в современном медиатексте (проф. М. А. Кормилицына), коммуникативных качеств семейной речи (А. Н. Байкулова), риторического идеала в поликультурном пространстве, особенностей рекламного дискурса и художественной речи (проф. В. П. Казаков, проф. А. П. Романенко и др.)

В своих трудах Б. Н. Головин большое внимание уделял вопросам связи языка и общества, языка и сознания, что нашло отражение и получило развитие в докладах на секциях «Современные проблемы социолингвистики. Структура общества и социальные варианты языка» и «Когнитивные аспекты изучения языка. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация». В докладах первой из указанных секций охарактеризован литературный язык как культурное коммуникативное пространство социума (ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН Е. М. Лазуткина), рассмотрены некоторые проблемы речевой культуры современного социума (проф. Т. А. Чеботникова), профессиональная лексика в русском сленге (Е. Г. Лукашанец), миф как средство речевого манипулятивного воздействия, отражение представлений о «типичном студенте» в языке СМИ, топонимических представлений носителей русского языка (проф. Грачев М.А.).

Б. Н. Головин всегда интересовался новыми направлениями теории языка и возможностями их практического применения. Взаимосвязь языка и сознания в новой когнитивной парадигме лингвистического знания нашла отражение в докладах на секции «Когнитивные аспекты изучения языка. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация». В секционных докладах были рассмотрены когнитивно-дискурсивные модели и категории (проф. О. Б. Абакумова, проф. Е. В. Алтабаева проф. Л. В. Калинина), аспекты формирова-

М. А. Шарапова

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО НАСИЛИЯ И АРХЕТИПИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В СЮЖЕТАХ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО

MARINA A. SHARAPOVA

THE OVERCOMING OF EXTERNAL VIOLENCE AND ARCHETYPES OF FEMALE IMAGES IN PLOTS OF MODERN RUSSIAN CINEMA

В статье исследуется феномен насилия в качестве условия создания драматической ситуации в киносюжете. Поступки героинь фильмов «Жила-была одна баба» А. Смирнова, «Юрьев день» К. Серебренникова и «Сказка про темноту» Н. Хомерики, связанные с преодолением внешнего насилия, позволяют соотнести их образы с характерным для русской традиции двуединым язычески-христианским первообразом Матери-земли — Богородицы.

Ключевые слова: насилие; сюжет; архетип; женский архетипический первообраз.

The article analyses the phenomenon of violence as a precondition of dramatic situation creation in a movie plot. The heroines of such movies as “Zhila-byla odna baba” (“Once upon a Time There Lived a Peasant Woman”) by A. Smirnov, “Yurjev den” (“St.George’s Day”) by K. Serebrennikov and “Skazka pro temnotu” (“The Fairy Tale about Darkness”) by N. Khomeriki are overcoming external violence, and it allows to correlate their images with twofold Pagan-Christian prototype of Mother Earth / the Virgin, which is typical for Russian cultural tradition.

Keywords: violence; plot; archetype; female archetypical prototype.

Марина Александровна Шарапова

Кандидат искусствоведения, преподаватель кафедры драматургии кино

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

ул. Вильгельма Пика, 3, Москва, 129226 , Россия

► mishor@mail.ru

Marina A. Sharapova

Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov

3, Wilhelm Pik St. Moscow, 129226, Russia

Согласно теории драматургии, важнейшим условием развития сюжета является постановка героя в вынужденные обстоятельства, когда жизненно необходимо действовать «здесь» и «сейчас». Насилие внешних обстоятельств заставляет персонажа совершать поступки, которые в свою очередь ведут к следующим драматическим ситуациям и коллизиям.

Эти внешние обстоятельства зачастую приводят к активации архетипической природы образа героя. Персонаж, становясь воплощением того или иного архетипа, в своем поведении реализует архетипическую программу, известную из мифологии, культурной традиции. Кинообраз может черпать «энергию» из мифа, эксплуатируя архетип, создавая «новую мифологию» [4: 3–4]. Под архетипом в данной статье вслед за К. Юнгом понимаются первичные схемы образов, некие универсальные паттерны, хранящиеся в коллективном бессознательном.

Ситуация внешнего насилия по-разному может активировать архетипику образов персонажей.

В фильмах «Жила-была одна баба» (2011) А. Смирнова, «Юрьев день» (2008) К. Серебренникова — Ю. Арабова и «Сказка про темноту» Н. Хомерики — А. Родионова в основе образа главной героини находит воплощение женский архетипический первообраз. В русской культурной традиции это двуединый образ языческой Матери-Земли и христианской Богородицы. Актуализация такого образа в кинолентах происходит по-разному.

А. Смирнов в картине «Жила-была одна баба» обращается к теме Гражданской войны. Автор фильма рассматривает эту войну не как факт истории начала XX века, а в качестве метафоры жестокости российской жизни во все времена. В одном из интервью режиссер подчеркивает, что идея фильма близка мысли русского философа XIX века К. Леонтьева, который писал о Родине: «В России христианство еще не проповедано»[1].

Символично, что в первом кадре киноленты появляется волк, рыскающий по заснеженному лесу, необходимый режиссеру, чтобы обозначить этот мир как антихристов, мир звериной жестокости, в котором ростки человечности — помеха для выживания.

Автор фильма драматургически соединяет историю героини повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» [6], впервые опубликованной в шестидесятых годах XIX века, и отдельные исторические факты, связанные с Тамбовским восстанием 1920–1921 гг. против Советской власти.

К тому же режиссер вплетает в сюжет древнерусскую легенду «Сказание о невидимом граде Китеже», в XVII–XVIII вв. получившую старообрядческое толкование. В таком толковании, отраженном в «Китежском летописце» и в «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже», этот город, по преданию скрывшийся от поругания войсками монголо-татар, оказывается своеобразным Небесным Градом, где сохранились церкви древлеправославного благочестия, где жива Древняя Русь, а человек огражден от бесовских сил [2: 225].

На главную героиню — крестьянку Варвару в образной системе кинопроизведения возлагается ряд задач, сложность одновременного решения которых препятствует проявлению ее характера, индивидуальных черт.

Во-первых, образ Варвары – отражение образа лесковской Насти, крепостной крестьянки, насильно выданной за немилого, нежданно почувствовавшей любовь к другому мужчине, которой не суждено было сбыться.

Во-вторых, исходя из режиссерской концепции, Варвара являет собой некий архетип русской женщины, эманацию женского первообраза в отечественной традиции, и даже символ самой России, которая стоически претерпевает чудовищные общественные катаклизмы, постоянно обрушивающиеся на нее со всех сторон. Эта Варвара, хотя по-христиански терпелива и смиренна, считает, что «добрых людей завсегда больше», но одновременно по-язычески прибегает к волхованию, лишь увеличивающему количество испытаний, которые ей предстоит претерпеть.

Соединяя эти две ипостаси образа, режиссер усиливает драматизм русской действительности, доводя его до трагедии. Если у Н. С. Лескова крестьянка находила отдушину у матери, у стариков Крылушкиных, любивших и жалевших девушку, то подобных персонажей сюжет А. Смирнова не предполагает. Варвару на протяжении всего фильма избивают, насилуют, отбирают последний кусок хлеба, выгоняют из дома. Все эти злоключения героиня стоически терпит, никак не меняя поведения, не выражая эмоциональной реакции на происходящие события.

С точки зрения драматургического персонажа, обладающего индивидуальными характеристиками, такое поведение оправдать сложно. Объясняет его лишь то, что, по мысли режиссера, все эти беды и горести терпит не столько Варвара-героиня, перешедшая в фильм Смирнова из литературного сюжета, а скорее — «Варвара-Россия», архетипическая Мать-земля и Богородица в едином образе.

В-третьих, режиссерский ход, связывающий две части фильма — дореволюционную и период Гражданской войны — с помощью сквозного образа града Китежа, несет свою смысловую нагрузку, наличие которой придает повествованию дополнительный объем.

Древлеправославное миропонимание и старообрядческое отношение к русской жизни сквозит в диалогах второстепенных персонажей фильма, которые признают, что «теперь позабыли Христа на Руси, окаяннее нас нету народа, Китеж невидимым будет, покуда от зверства своего не отступим», и призывают, как в XVII веке призывали их предки, для сохранения благочестия скрываться в тайге, в Сибири, на Беловодье.

Кроме подобных диалогов в фильме присутствуют старообрядческие символы. Крест на шее героини не имеет изображения Христа, похож на старообрядческий. В таком случае соединение образов «Варвары-России» и «Варвары, исповедующей староверие» заставляет иначе увидеть других персонажей фильма.

В частности, понятен становится режиссерский акцент на образе священника новообрядной церкви, неспособного оказать благотворное воздействие на паству, противостоять жестокости мира. Дом Варвары и Ивана, который он освятил, сгорает. Таинство, осуществленное батюшкой, не властно над языческим укладом жизни. Символично, что этот священник от удара красноармейца прикладом ружья теряет зрение. Данный факт можно интерпретировать как потерю различения Добра и Зла. Далее уже неудивительно, что этот слепой поп, сидя с прихожанами за угощеньем, выпивает с коммунистами-красноармейцами и смеется над кощунственной шуткой красного командира, ернически выпевающего стих церковной службы о крещении младенца и затем повторяющего на этот же мотив лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Финал фильма начинается со сцены расстрела красноармейцами заложников под песнопение «Христос воскресе!», звучащее здесь как символ Божеской правды, противостоящей смертоубийству, учиняемому советскими властями. В дальнейшей мистерии, включаемой в повествование, режиссер рифмует тему вселенского потопа, насылаемого на землю за смертные грехи, и тему Китежа. Истинная вера и благочестие вновь оказываются недоступными для русского мира. Подтверждением чему становятся финальные титры, представляющие собой цитату из «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже», которыми А. Смирнов и заканчивает фильм: «И стал он невидим по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает, кто не узрит скорби и печали от зверя-антихриста. Только о нас печалуют день и ночь, об отступлении нашем, всего нашего государства московского, ведь антихрист царствует в нем и все его заповеди скверные и нечистые»[2].

Идея кинокартины близка размышлениям А. С. Солженицына о причинах Октябрьской революции и Гражданской войны. В частности, писатель отмечал, что 1917 год и последующие трагические события в истории России оказались возможными из-за того, что в XVII веке произошел церковный раскол, который так и не был преодолен [9: 303–305]. Продолжая мысль Солженицына, А. Смирнов своим фильмом свидетельствует, что кризис веры, связанный с расколом, привел к усилению жестокого языческого миропонимания, подрыву нравственных основ русской ментальности, а с Октябрьским переворотом в России окончательно наступило царство антихриста.

Варвара из картины А. Смирнова является воплощением двуединого архетипического женского первообраза Матери-земли и страдающей Богородицы. Образ героини рифмуется с образом России, обреченной на страдания. Можно отнести образ главной героини к определенному Е. Замятиным интегральному (интегрирующему) образу-символу[3]. Действительно, образ Варвары синтетичен, вбирает в себя три существующих в единстве частей — Варвары-крестьянки, Варвары-России и Варвары-старообрядки. Женский архетипический первообраз, в данном случае благодаря интегральности, становится основой драматургии всей картины.

Картина К. Серебренникова «Юрьев день» (2008), снятая по сценарию Ю. Арабова, также исследует российский социум, но уже на современном этапе. В сегодняшнем социуме также правит насилие. Однако, в отличие от Варвары из фильма А. Смирнова, главная героиня этого фильма научается насилия, нужду и бедствия преодолевать. Авторы фильма используют сюжетный ход — пу-

тешествие из столицы в провинцию, которое оказывается погружением в бесконечное космогоническое пространство «Руси-матушки».

Главная героиня фильма — оперная певица Любовь Васильева (арт. Ксения Раппопорт) направляется с ностальгическими целями в Юрьев-Польский, город детства, с тем, чтобы перед отъездом за рубеж показать малую родину сыну Андрею.

Действие фильма практически сразу связано с ирреальным: по дороге из Москвы в Юрьев-Польский путешественникам встретится шлагбаум, преграждающий путь, с закрепленным на нем знаком дорожного движения, означающим — «движение запрещено». Подойдя к шлагбауму, Андрей едва зрительно не теряется в тумане. Пространство предупреждает героев об опасности, о возможности исчезнуть в нем навсегда, но они не придают значения этому предзнаменованию, не обращают внимания на суть дорожного знака и едут дальше. Примечательно, что откроет шлагбаум для проезда рыжеволосая женщина, которая впоследствии окажется регентшей церковного хора, куда в финале фильма придет петь героиня.

Андрей бесследно исчезнет во время экскурсии по Юрьево-Польскому историко-архитектурному музейному комплексу. Поиски сына в провинциальном захолустье не увенчаются успехом, но обернутся превращением его матери из успешной во всех отношениях дамы, представительницы богемы, известной в России и за рубежом, в уборщицу местной туберкулезной больницы для уголовников, по праздникам поющую на клиросе здешней церкви. Как верно замечает исследователь, превращение одной женщины в другую и есть сюжет «Юрьева дня» [7: 206].

Искать сына героиня будет там, где, учитывая личностные характеристика Андрея, жизненные координаты, искать не стоит по определению: среди насельников в монастыре и в больничной палате для заключенных туберкулезников. Очевидно, что эти места обозначают не зону рационального поиска, но прежде всего символические края (верх и низ) русской глубинки, в которую погружается мать. Именно там, где Андрея быть не может, бывшая оперная певица начинает вновь ощущать его незримое присутствие, обретая внутреннюю перспективу и способность жить дальше [3: 182].

Внешне образ героини следует той эволюции, которая могла произойти с ней раньше, если бы она не уехала из города детства. Следователь Сергеев, по прозвищу Серый, по ошибке признает в оперной певице местную уборщицу Люсю, певшую когда-то в церковном хоре, задолго до того, как похожее превращение произойдет с Любовью Васильевой.

Внутренне же преображенная героиня близка двуединому образу Матери-земли из русских языческих сказаний и христианской Богородицы. Она поет в церковном хоре, в больнице омывает тело израненного рецидивиста Мелкого, и внешне режиссер сознательно делает эту сцену напоминающей скульптурную композицию Микеланджело «Оплакивание Христа». Однако все важнейшие кульминации в развитии образа героини Ксении Раппопорт — будь то магический сон, во время которого исчезает сын, сексуальные отношения с Серым, эзотерическое переименование Любови Павловны в Люсю, близкое полинезийским первобытным обычаям, ритуальный окрас волос в цвет «интимный сурик» — последовательно адресуют не к христианскому опыту, а к героике первобытного, языческого верования.

Рассказываемая история обнаружит амбивалентность не только образа героини, но и двойственность в основаниях окружающего социума. Приход Любови Павловны-Люси в церковь не является свидетельством того, что христианство в этом мире замещает язычество. Христианство здесь оказывается добавлением к язычеству, желаемым, но не достижимым бесконечным вектором развития русского мира. Во время пения в храме «Херувимской» режиссер акцентирует внимание на рыжей регентше (той самой, что открыла шлагбаум по дороге в Юрьев), пронзительный магический взгляд которой заставляет воспринимать ее скорее как могущественную жрицу, нежели благочинную дщерь церкви [Там же: 184].

Метафизика пространства, в отображении которого авторы сознательно превышают уро-

вень достоверности, одновременно губит героиню, безжалостно уничтожая ее как отдельную личность, строящую жизнь в соответствии с благами и возможностями современной цивилизации, и возрождает для теперешнего существования. Потеряв Андрея, она оказывается матерью генетически чужим сыновьям, становящимся родными, исходя из сверхреального понимания, сошедшего на нее свыше.

Русский провинциальный мир предстает в фильме, с одной стороны, как сосредоточение хаоса, запустения, разрухи, нищеты, алкоголизма, беспросветности существования, с другой стороны — в этом пространстве есть своя логика и смысл. Парадоксальная формулировка данного мира следует из рассказа Тани, кассирши музея-заповедника, у которой главная героиня обретает приют в Юрьеве. Кассирша, рассказывая о жизни местной семейной пары, сообщает, что жили молодые счастливо, пока муж, копая погреб, не обнаружил под домом снаряды. Живя на снарядах, семья была счастлива, а как снаряды выкопали и обезвредили — брак распался.

В этом пространстве жить на снарядах счастливее, чем без них. Авторы фильма относятся к такой закономерности выживания социума со смешанными чувствами — от черной меланхолии до изумления непостижимостью русского космогонического пространства, в котором, несмотря ни на что, «на снарядах» продолжается жизнь.

Образ героини Ксении Раппопорт, благодаря язычески-христианской двойственности, дает возможность обнажить суть российской ментальности, внутренние противоречия которой и являются гарантом полноты и вечной жизни этого мира.

В данном случае образ героини лишен «интегральности», но яркое воплощение русского двуединого язычески-христианского архетипического первообраза в драматургии картины позволяет поразмыслить об одновременной непостижимости и жестокой правде русского миропонимания и существования.

Отдельные черты женского архетипического первообраза находят воплощение и в героине картины «Сказка про темноту» (2009) Н. Хомерики — А. Родионова.

Кинолента «Сказка про темноту» вновь повествует о судьбе одинокой женщины в российской провинции. В первом кадре фильма режиссер акцентирует внимание на стволе дерева, на котором выцарапано: «Я тебя люблю». Как замечает кинокритик, эта фраза — точка отсчета для всего фильма, героиня которого мучается от невозможности найти адресата признания и произнести его вслух [10: 158].

Главная героиня картины служит в милиции, занимается неблагополучными семьями, гуляет с брошенными детьми, пока их родители приходят в себя после перманентных пьяных дебошей. Место работы определяет среду, в которой вынуждена пребывать милиционерша. Однако и в частной жизни ее окружают люди, не знающие сочувствия и/или угрызений совести. Для них, например, столкнуть человека в холодную весеннюю морскую воду — только лишь развлечение. Люди здесь разучились слышать и понимать друг друга.

Милицейская форма стала для героини практически второй кожей. Она надевает ее даже тогда, когда в этом нет необходимости (например, отправляясь на встречу с бывшей одноклассницей). Форма — с одной стороны, знак социализации, призванный демонстрировать полезность, включенность в жизнь ее обладательницы, с другой — броня, которую можно использовать, когда надо отделаться от нежелательного общения: например, унять настойчивого гастарбайтера, торговца с рынка, с которым милиционерша планирует удовлетворить сексуальные потребности, но в итоге не может ему отдаться в отсутствии чувств.

Подробности еще одной встречи — выезда на пикник в компании пожилого братка-бизнесмена, прикидывающегося романтичным Казановой, — создатели фильма, стремясь недосказанностью не разрушить поэтической интонации рассказываемой истории, опускают. Однако кадры, где беззащитная нагая героиня, взобравшись по просьбе этого персонажа на один из валунов, лежащих неглубоко среди холодной морской воды, затравленно смотрит на бизнесмена, ее утренний помятый и подавленный вид после

возвращения домой не дает возможности предположить, что женщина была довольна развитием событий прошедшей ночи. Именно после этого эпизода героиня в отчаянии, глядя в пустоту, задает вопрос умершей матери: «Мама, я хочу знать, сколько еще ночь будет продолжаться?» В этом вопросе ночь — метафора, темнота, которая заполнила жизнь.

Авторы фильма не случайно наделяют героиню знаковым символическим именем — Ангелина. Несмотря на лично ощущаемую травматичность общения, на неудачи, преследующие ее в поисках человеческого в «темноте» окружающего мира, женщина с ангельским именем способна не отступиться и озлобиться, а продолжать искать.

Ангелине приходится понять, что в социуме, искореженном тотальной разобщенностью, добрые искренние слова давно потеряли ценность, они кажутся фальшивыми, поэтому и взрослые, и дети закрываются от них обсценной лексикой. Героиня вынуждена принять такие особенности коммуникации. Общаясь с Димычем, коллегой по службе в милиции, вплоть до финала фильма она использует ненормативную лексику. Димыч симметрично отвечает Ангелине. Но на самом деле подобное «общение» скрывает неравнодушие героев друг к другу. Парадоксально, но матерщина (по природе своей призванная отгородить человека от другого) звучит здесь словно лирический диалог, взаимно приближает персонажей. Как справедливо замечает критик, драматургия фильма свидетельствует: любовь в этом мире есть, но чтобы вывести ее из темноты, ей самой нужно устроить темную, что и делают герои, общаясь как подростки [Там же: 159].

Димыч в какой-то момент превозмогает страх проявить теплое человеческое отношение и соглашается вместе с Гелей пойти учиться танцевать в танцевальную студию. Милиционер старательно оттаптывает героине ноги, пытаясь танцевать танго — танец любви. И уже не важно, что в ответ на озвученное Ангелиной в финале картины заветное признание, звучащее здесь скорее как знак одобрения и признательности за проявление человечности, Димыч, растерявшийся от подобного жеста, спустя огромную паузу, наедине с собой выдает очередную порцию мата. В данном контексте это выглядит как полная капитуляция человека, ощутившего душевную потребность в другом человеке.

Героине «Сказки про темноту» присущи черты архаичного женского первообраза, связанного с сакральным, что способствует расширению рамок повествования, превращая сюжет в миф о русском бытии, где мужчина находит спасение благодаря женщине. Такая женщина способна гуманистически преобразовывать мир вокруг себя, она пытается вернуть в социум понятия о Добре и Свете.

Насилие внешних обстоятельств — важный элемент драматургии, заставляющий героя действовать. В современных отечественных фильмах, не относящихся к жанру «боевик», в качестве таких обстоятельств выступает российский социум, жестокость которого оказываются способны преодолеть женщины-героини, в основе образов которых сильны черты женского архетипического первообраза.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: [8: 100].

[2] Цит. по: [5: 225].

[3] Понятие интегрального образа было введено в научный оборот Е. Замятиным в теоретических литературных работах: «О'Генри», «Закулисы», «О синтетизме» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятин Е. И.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Лица. М., 2004.

2. *Захариева И.* Концепты символического мегаобраза русской литературы XX века (Град Китеж) // Захариева И. Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. София, 2008. С. 225–231.

3. *Карахан Л. М.* Формула кассирши // Знамя. 2009. № 12. С. 177–187.

4. *Карчевская К. С.* Архетипы в кинематографе: культурологический анализ: Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2010.

5. Легенда о граде Китеже // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 210–226.

6. *Лесков Н. С.* Житие одной бабы. Леди Макбет Мценского уезда. Запечатленный ангел. Очарованный странник. М., 2009.

7. *Сиривля Н. А.* «Юрьев день». Кинообозрение Натальи Сиривли // Новый мир. 2008. № 11. С. 206–212.

8. *Смирнов А. С.* Золотое время жизни // Искусство кино. 2011. № 8. С. 89–103.

9. *Солженицын А. С.* Письмо из Америки // Солженицын А. С. Публицистика: В 3 т. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 303–305.

10. *Щагина С. Г.* Немое кино: обзор новых русских фильмов // Петербургский театральный журн. 2009. № 3. С. 152–159.

REFERENCES

1. Zamiatin E. I. (2004) *Sobranie sochinenii [Collected works]*, in 5 vols., vol. 3. Litsa [Faces]. Moscow. (in Russian)
2. Zakharieva I. (2008) Kontsepty simvolicheskogo megaobraza russkoi literatury XX veka (Grad Kitezh) [The concepts of symbolic mega image in Russian literature of the XX century (the city of Kitezh)]. In: Zakharieva I. *Aspekty formirovaniia kanona v russkoi literature XX veka [Aspects of the Canon in Russian literature of the XX century formation]*. Sofia, pp. 225–231. (in Russian)
3. Karakhan L. M. (2009) Formula kassirshi [The formula of the cashier]. *Znamia [Znamia]*, no. 12, pp. 177–187. (in Russian)
4. Karchevskaia K. S. (2010) *Arkhetipy v kinematografe: kul'turologicheskii analiz [Archetypes in the movies: cultural analysis]* (Candidate's thesis, Culturology), St. Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)
5. Legenda o grade Kitezhe [The legend about city of Kitezh] (1981) In: *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: XIII vek [Literary monuments of Ancient Rus: XIII century]*. Moscow, pp. 210–226. (in Russian)
6. Leskov N. S. (2009) *Zhitie odnoi baby. Ledi Makbet Mtsenskogo uezda. Zapechatlennyi angel. Ocharovannyi strannik [The life of a woman. Lady Macbeth of Mtsensk. The sealed angel. The enchanted wanderer]*. Moscow. (in Russian)
7. Sirivlia N. A. (2008) «Iur'ev den'». Kinoobozrenie Natal'i Sirivli [«Yuri's day». Film Review by Natalia Cirilli]. *Novyi mir [New World]*, no. 11, pp. 206–212. (in Russian)
8. Smirnov A. S. (2011) Zolotoe vremia zhizni [Golden time of life]. *Iskusstvo kino [The Art of Cinema]*, no. 8, pp. 89–103. (in Russian)
9. Solzhenitsyn A. S. (1996) Pis'mo iz Ameriki [Letters from America]. In: Solzhenitsyn A. S. *Publitsistika [Publicism]*, in 3 vols., vol. 2. Yaroslavl, pp. 303–305. (in Russian)
10. Shchagina S. G. (2009) Nemoe kino: obzor novykh russkikh fil'mov [Silent movie: a review of new Russian films]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal [Petersburg theatre journal]*, no. 3, pp. 152–159. (in Russian)

[хроника]

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б. Н. ГОЛОВИНА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

(Начало на с. 17, 39)

ния вторичной языковой личности (проф. И. В. Вашунина Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина); ключевые концепты русской языковой картины мира (Л. И. Жуковская, В. В. Сайгин); лингвокультурологические аспекты преподавания русского языка как иностранного.

Логичным завершением обсуждения актуальных проблем современного языкознания, получивших то или иное освещение в трудах Б. Н. Головина, стал круглый стол «Русский язык в полиэтническом мире». Живой отклик у слушателей нашли выступления, посвященные процессам интернационализации лексики в языке диаспоры (А. А. Мартинкова), вербального манипулирования в чешском и русском языках (Й. Газда), функционированию китаизмов в русском субстандарте (Ян Си), художественному тексту как способу формирования билингвальной личности (д. ф. н. Г. Г. Хисамова), вербализации концепта «судьба» в русском языке на фоне других славянских языков (проф. Е. М. Маркова), толерантности в аспекте *своё/чужое* (проф. Т. В. Романова), дискурсивному анализу на уроках разных языков (Анталне Сабо Агнеш), интеграции в инокультурном пространстве с применением дистанционных образовательных технологий (Е. А. Кожемякова, И. А. Симулина).

В целом результаты работы конференции позволили констатировать очевидную востребованность научного наследия Б. Н. Головина в современном гуманитарном знании, что было отмечено в решении конференции и обусловливает дальнейшее освоение его идей научным сообществом.

Профессор Б. Н. Головин занял достойное место в плеяде языковедов второй половины XX века. Многие идеи ученого предвосхитили движение мировой лингвистической науки и остаются актуальными в XXI веке.

Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Л. И. Ручина,
Национальный исследовательский
Нижегородский госуниверситет
им. Н. И. Лобачевского

51-й СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Германия, 25 сентября — 08 октября 2016 года)

51ST RUSSIAN LANGUAGE SEMINAR IN TIMMENDORFER STRAND

(Продолжение на с. 57, 66)

С 25 сентября по 8 октября 2016 года в Тиммендорфер Штранде, небольшом курортном городке на севере Германии под г. Любеком, прошёл 51-й международный семинар русского языка, организованный Союзом учителей г. Гамбурга, на тему: «Русский язык и культура в современном мире». Уникальность этого семинара заключается, прежде всего, в том, что он ежегодно проводится в Германии вот уже более полувека, не имея по возрасту аналогов в Европе. Начавший свою работу в 60-е годы прошлого века, — во время сложных отношений между нашими странами, семинар собирал иногда до 250 любителей русского языка. Сегодня, когда можно поехать на курсы в Россию, численность участников сократилась, но и в этом году на семинар в Тиммендорфер Штранд приехали более 60 слушателей самых разных профессий и возрастов, с разным образованием, начиная от школьников, студентов, специалистов-филологов, и кончая домохозяйками и пенсионерами из Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии в возрасте от 18 до 80 лет. Группы формируются, как правило, с учётом возраста и языкового уровня, чтобы наиболее полно удовлетворить интересы учащихся, сделать занятия полезными и интересными.

Обязанный своей известностью основателю семинара — почётному доктору СПбГУ Иоганнесу Баару, семинар уже девятый год проводился его ученицей Кристиной Мильш, успешно справившейся с весьма нелёгкими обязанностями руководителя и расширившей границы его деятельности:

Ма Сянфэй

СЛОВО «ГРАД» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)

MA XIANGFEI
THE WORD "HAIL" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE:
LEXICOGRAPHIC AND DISCOURSE ANALYSIS

В статье анализируется представление о граде как метеорологическом явлении, отражаемое совокупностью лексических, фразеологических и паремиологических единиц. Результаты анализа лексикографических источников и контекстов дают возможность увидеть семантические, стилистические и функциональные особенности слова *град* как вербализатора ассоциаций и стереотипных представлений, присутствующих в русском языковом сознании.

Ключевые слова: семантика; толкование; образное употребление; многозначность; концепт; контекстуальное прочтение.

The article analyzes "hail" as meteorological phenomena, reflected by a set of lexical, phraseological and paroemiological units. The results of lexicographic and contextual analyses allow the author to conceptualize the semantic, stylistic and functional features of the word "hail" as a verbalizator of the associations and stereotypic ideas reflected in the Russian language consciousness.

Keywords: semantics; interpretation; figurative usage; polysemy; concept; contextual implication.

Ма Сянфэй
Аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
▸ syan.ma@mail.ru

Ma Xiangfei
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. Е. И. Селиверстова

Человек, осваивая мир и познавая его с помощью языка, разделяет и принятую в данном языковом сообществе и выражаемую в языке единую систему взглядов — так называемую языковую картину мира. Изучение языковой картины мира, т. е. совокупности знаний о нем, отраженных в языке [1: 17], — одно из наиболее востребованных научных направлений современной лингвистики.

Совокупность знаний, в свою очередь, членится на отдельные фрагменты, в пределах которых различные аспекты материальной и духовной жизни человека представлены с помощью системы языковых единиц разного уровня — слов, идиом, пословиц и т. д. Обращение к этим единицам и их содержанию является одним из способов экспликации определенных концептов — идеальных ментальных сущностей [4: 88], с помощью которых мы мыслим об объектах действительности. Они представлены в языке обычно несколькими словами и словосочетаниями, совокупность значений которых формирует в сознании их обобщенный образ.

Одним из направлений в постижении концепта является обращение к семантике вербализующих его единиц, к их содержанию, получающему отражение в лексикографических источниках и раскрывающемуся

в речи носителей языка, поскольку слово способно актуализировать в своём значении некоторые из признаков концепта [3: 21].

Живя в природе, человек не может не воспринимать и не осмысливать различные ее проявления — в этом состоит во многом его познавательная деятельность. Не случайно в больших понятийных классах, объединяющих близкие в некоторых отношениях концепты — социальные, психические, космические и др. [2: 150], выделяется подкласс метеорологических концептов, связанных с разными аспектами материальной и духовной жизни человека. Наблюдение за природой ведет к появлению не только прямых номинаций явлений окружающего мира и в том числе осадков (*град, снег, дождь, морось*), но и порождает аналогии между явлениями природы и жизнью и деятельностью человека, что фиксируется, например, устойчивыми выражениями языка; ср.:

появиться как дождь — ‘О чьём-л. внезапном, неожиданном появлении’ (БСРНС, С. 176); *приехал / свалился* кто-л. *как снег на голову* (Там же, С. 625).

Не претендуя в рамках данной статьи на выявление всех признаков концепта, номинируемого лексемой *град*, мы остановимся на значении языковых единиц — слова *град* и включающих его устойчивых словосочетаний — с целью получения представления об объеме и разнообразии смыслов и ассоциаций, связываемых с явлением, стоящим за этим словом.

В толковом словаре В. И. Даля, помимо дефиниции «замороженные на воздухе дождевые капли; в самом мелком виде, крупа», названы различные по величине и форме варианты града: *град орешковый* ‘с русский орех’; *град иверням*и ‘не круглый, как бы ледяными осколками’; *град с голубиное, с куриное яйцо* (Д., т. 1, С. 445).

В словаре Д. Н. Ушакова отмечены форма, размер и «материал» *града*[1]:

1. Один из видов атмосферных осадков, выпадающий небольшими ледяными шариками. *Град побил посевы. Шел дождь с градом. Град величиною с орех* (ТСУ, т. 1, С. 255).

Малый академический словарь определяет град как «атмосферные осадки, выпадающие в виде округлых льдинок (величиной с горошину и больше), представляющих собой дождевые капли, замерзшие в воздухе»:

Дождь с градом. Не дозрела моя колосистая рожь, Крупным градом до корня побитая! И. Никитин (МАС, т. 1, С. 341).

На основе приводимых словарями прямых значений слова *град* можно выделить такие признаки концепта: ‘осадки (‘вода, выпадающая с неба’)’, ‘замороженный (дождь → лед (*дождь с градом*))’, ‘мелкий’, ‘круглый (округлый)’, ‘частый’, ‘обильный (*сильный град*)’, ‘наносящий урон’ (*Градом побило посевы*) (РСС, т. 3, С. 144).

Всеми толковыми словарями приводятся переносные значения, реализуемые преимущественно в словосочетаниях, но если в словаре В. И. Даля переносное значение лексемы *град* — ‘множество, большое число’ реализуется, когда говорят о выстрелах (*град пуль, град ядер*) (Д., т. 1, С. 445), и здесь, на наш взгляд, актуализируются семы ‘частота / густота падения’ и порождаемая этой ассоциацией семантика ‘опасность’, ‘гибельность’ (*град ядер, град выстрелов*), то более поздние словари распространяют это значение на разнообразные предметы. Ср.:

2. *перен.* ‘Множество (о чем-н. осыпающем, поражающем; книжн.)’. *Град пуль. Град камней. Град насмешек. «Град колкостей и шуток ваших грянет».* Грибоедов (ТСУ, т. 1, С. 255).

Обращает на себя внимание тот факт, что даже в тех словосочетаниях, где отсутствуют слова военной семантики (ср.: *град выстрелов*), явления, которые характеризуются с помощью слово *град*, воспринимаются как наносящие урон, ущерб, причиняющие боль, доставляющие неприятности. В «Русском семантическом словаре» даются такие словосочетания:

Град пуль. Град ударов. Град упрёков, колкостей (РСС, т. 3, С. 143).

К факторам, причиняющим неприятности, отнесены, как видим, и звучащие в разговоре реплики собеседника, содержащие критику, претензии, выражающие недовольство, издёвку и т. д.; ср: *град насмешек, упреков, шуток* и др. Основанием для этого является восприятие тактики ведения разговора как нападающей, агрессивной.

Показательно, что в качестве синонимов к слову *град* приводятся в основном слова с семантикой ‘большое количество чего-л.’: *изобилие, каскад, лавина, масса, мириады, множество, море, несметное количество, обилие* и др. (СС).

Отдельно словари выделяют употребление слова в форме *градом* — чаще в сочетании со словом *пот*, но также и в иных сочетаниях со словами, обозначающими обильно, непрерывно стекающую крупными каплями жидкость: *Пот катится градом* (РСС, т. 3, С. 143) и др. Подобное употребление слова отмечено уже в словаре XVIII века:

Я сколько тут ни харабрился, Но *пот с меня как град катился,* И дыбом волос поднялся. Осипов. Енеида I 96 (СРЯ XVIII, С. 203).

В качестве устойчивого выражения сочетания *слезы градом* и *слёзы [катятся (льются)] градом* зафиксированы в словарях сравнений: ‘о чьих-л. крупных и обильных слезах, о сильном плаче, рыданиях’ (БСРНС, С. 150).

В русских пословицах отразилось исключительно метеорологическое значение слова: *Весной град — всякий рад; Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* (ПРН, т. 1, С. 117) и т. д., а словарь устойчивых сравнений приводит обороты, отражающие актуализацию признака ‘обильный’ и связь с военными ударами и физическими побоями: *ровно вешний град летит* — ‘О частой интенсивной стрельбе из ружей’; (падать) *как град сыпал* — ‘О частом и интенсивном падении бомб’ и т. д. Для оборота *сыпаться как град (градом)* приводится также значение ‘об обильно, во множестве падающих фруктах, плодах’ (БСРНС, С. 150). Способность града привести к ощутимым негативным последствиям отразилась в диалектном сравнении *лицо* у кого *как градом зачокало* — ‘О чьем-л. корявом, с большими рябинами на лице’ (БСРНС, С. 150).

Обращение к материалам Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru) позволило увидеть особенности стереотипных представлений о граде, отразившихся в речи современных носителей русского языка.

Прямое (1-е) значение слова *град* реализуется в контекстах, где речь идет **о погодных условиях и осадках**:

Осенние дожди с градом заливали траншеи водой (Н. Петрухинцев. «Дорога к Петербургу»).

Нельзя не отметить большого разнообразия сочетаний, в которые вступает слово *град* при реализации семантики ‘стрельба’ (2-е значение):

В небе появились самолеты, посыпался *град бомб* (Г. Садулаев. «Когда проснулись танки»); На мужа и жену обрушился *свинцовый град* — пулеметчик открыл огонь (А. Грачев. «Ярый против видеопиратов»).

Общее значение (3-е) «о чем-либо падающем сверху (на человека) в большом количестве» реализуется в сочетании с несколькими тематическими разрядами слов:

а) «*о чем-либо, напоминающем снаряды или выполняющем их функцию*»:

Непрекращающийся град камней продолжал сыпаться на головы, разбивал каски, ломал руки (М. Елизаров. «Библиотекарь»);

б) типичны контексты, в которых лексема *град* вступает в сочетание со словами лексико-семантической группы «*удар как намеренное применение кем-либо физической силы*»:

Справа ему в лицо градом сыпались тычки и удары (А. Геласимов. «Степные боги»);

в) тяжеловесные «*плоды и фрукты*» также напоминают град:

Хрястнула ветка, за которую зацепилась мартышка, и град груш посыпался на землю (Ф. Искандер. «Кролики и удавы»);

г) «*о любых мелких предметах в большом количестве, падающих (сверху) один за другим*»:

Он знал, что теперь у него за спиною на помост градом летят бронзовые монеты, финики (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);

д) значение ‘*множество*’, порождаемое представлением о граде как обилии падающих мелких и не только мелких предметов, распространяется и на *абстрактные явления, следующие одно за другим*»:

Вы думаете, от одного этого факта на вас деньги градом посыплются? (А. Маринина. «Чужая маска»); В тот вечер я решила: если во мне есть что-то, если не все еще «прижалось» под *градом неудач*, то вот он — единственный путь (Л. Гурченко. «Аплодисменты»).

В качестве отдельного можно отметить так называемое «речевое» значение (4-е) лексемы

град — ‘о последовавших в большом количестве репликах, речевых нападках на собеседника’:

> *Потом последовал град стрел и копий сразу от двух клиентов, которым нагородили ошибок в авиабилетах* (Улья Нова. «Инка»).

Здесь на многочисленность реплик (нападок) указывается с помощью метафоры оружия.

Применительно к речи выбор слова *град* указывает не только на обилие высказываемых в чей-либо адрес замечаний, претензий, оскорблений, но и на отрицательное восприятие адресатом любых высказываний; ср.:

> *Тема работы и отношения к ней вызвала целый град сентенций блатняцкой философии* (Г. Демидов. «Амок»).

Использование образа града **в составе компаративной конструкции** позволяет актуализировать и другие стереотипные представления о граде.

1. С градом ассоциируется множество мелких предметов округлой формы:

> *За одну эту ночь сад преобразился. <...> Черный, словно обугленный, вишенник выпускал крохотные, как град, бутончики* (В. Курочкин. «Последняя весна»).

2. Обнаруживается ассоциативная связь между рядом громких дробных звуков и стуком града:

> *Что за звон? Такого не было от сотворения мира. Залил все другие звуки. Рвется в уши, колотит по барабанным перепонкам, как град* (В. Панова. «Который час? Сон в зимнюю ночь»).

С градом ассоциируются ритмичные звуки, создающие шумовой эффект:

> *Но стало еще темнее, потом дождь посыпался тяжелый и шумный, как град* (С. Сергеев-Ценский. «Верховод»); ср.:*...стук града, молотившего по ступеням балкона* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

3. Актуализируется в контексте и семантический оттенок ‘холодный, ледяной’:

> *Прискакал нарочный с телеграфным сообщением, да никто и не спит в ту ночь. Какой сон! Прорыв Мамонтова оледенил нас, как град* (Ю. Трифонов. «Старик»);

4. Семантика ‘отвесный’, ‘крупный’ представлена в необычном сравнении дождя с градом:

> *Он мог разглядеть разрушенную северную русскую деревню, обложенную в этот миг каким-то удивительным дождем, отвесным и крупным, как град* (А. Битов. «Фотография Пушкина»).

В сравнительных конструкциях эталон *град* способствует реализации семантики.

5. ‘Неожиданно’, ‘незаслуженно’:

> *Состояние надо заслужить. Тогда будешь чувствовать себя достойно. А если так просто — как град сверху... Я знаю многих, кто готов повеситься от тоски среди богатства* (С. Данилюк. «Рублевая зона»).

Как нам представляется, здесь можно отметить перекличку с известным устойчивым выражением *как гром среди ясного неба* со значением ‘неожиданно’.

6. ‘Бесполезность’ — град, бьющийся о стекло снаружи, не ощутим, как и слова — в попытке описать красоту природы:

> *Но там подлинная красота, — есть вещи, о которые слова бьются, как град о стекло, — только звенит* (А. Грин. «Сердце пустыни»);

7. ‘Частый’:

> *Из серых дымных туч падали горячие камни, крупные и мелкие, частые, как град* (Ф. Сологуб. «Королева Ортруда»).

Интересно отметить, что в большей части контекстов, где слово *град* выступает в сочетании с существительным в родительном падеже (*град выстрелов, молний, замечаний* и т. д.), проявляется отрицательная оценочная коннотация. Она ощущается даже в тех случаях, когда слова, входящие в лексическое окружение данной лексемы, в своем обычном употреблении не отмечены семантическим оттенком «неприятность, боль». Ср., например:

> *Она постоянно несла кому-то коробки конфет, кому-то звонила и просила принять такого-то, кого-то устраивала к какому-то врачу. Несмотря на широкий охват, мне доставалось в первую очередь. Я жил под* ***градом забот и беспокойств*** (А. Макаревич. «Сам овца»).

С другой стороны, слова лексико-семантической группы ‘форма одобрения, восхищения’ — *град аплодисментов, град комплиментов, град похвал* и др. — в сочетании со словом *град*

могут формировать позитивную оценку, выражение признания.

Если в русских пословицах отразилось лишь природно-погодное метеорологическое значение слова (*Весной град — всякий рад; Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* (ПРН, т. 1, С. 117)), то словарь устойчивых сравнений приводит выражения с актуализацией признака ‘обильный’ и ассоциации с военными ударами и физическим воздействием.

Таким образом, проведенный анализ позволил увидеть, что современное речевое употребление основной вербализующей концепт единицы существенно расширяет представление о ней, раскрываемое в словарях: контекстуальные семантические приращения намного шире и разнообразнее, чем те, что зафиксированы лексикографическими источниками. Индивидуально-авторское употребление показывает, с одной стороны, семантический потенциал лексемы и, с другой стороны, обнаруживает немало признаков, присутствующих в сознании носителей языка, а это, в свою очередь, позволяет детализировать представление о граде как явлении лингвокультурологического плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пименова М. В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград, 2005.

2. *Пименова М. В., Кондратьева О. Н.* Концептуальные исследования. М., 2011.

3. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.

4. *Фрумкина Р. М.* Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992.

СЛОВАРИ

БСРНС — Большой словарь русских народных сравнений / Под. ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. М., 2008.

Д. — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

ПРН — *Даль В. И.* Пословицы русского народа: Сб.: В 2 т. М., 1984.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4 т. Т. 3 / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984.

СС — Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. 2013. URL: http://trishin.ne

ТСУ — Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001.

REFERENCES

1. Pimenova M. V. (2005) Metodologiia kontseptual'nykh issledovanii [Conceptual studies methodology]. In: Karasik V. I., Sternin I. A., eds. *Antologiia kontseptov [Anthology of concepts]*, vol. 1. Volgograd, 2005. (in Russian)

2. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. (2011) *Kontseptual'nye issledovaniia [Conceptual study]*. Moscow. (in Russian)

3. Popova Z. D., Sternin I. A. (2007) *Semantiko-kognitivnyi analiz iazyka [Semantic and cognitive analysis of language]*. Voronezh. (in Russian)

4. Frumkina R. M. (1992) Kontsept, kategoriia, prototip [Concept, category, prototype]. In: *Lingvisticheskaia i ekstralingvisticheskaia semantika [Linguistic and extralinguistic semantics]*. Moscow. (in Russian)

5. Mokienko V. M., Nikitina T. G., eds. (2008) *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii [Big dictionary of Russian folk comparisons]*. Moscow. (in Russian)

6. Dal' V. I. (1981) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]*, in 4 vols. Moscow. (in Russian)

7. Evgen'eva A. P., ed. (1999) *Slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian language]*, in 4 vols., vol. 1. Moscow. (in Russian)

8. Dal' V. I. (1984) *Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]*, in 2 vols. Moscow. (in Russian)

9. Shvedova N. Iu., ed. (1998) *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii [Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings]*, in 4 vols., vol. 3. Moscow. (in Russian)

10. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka [Dictionary of Russian language of the XVIII century] (1984). Leningrad. (in Russian)

11. Trishin V. N. (2013) *Slovar' sinonimov ASIS [Dictionary of synonyms ASIS]*. Available at: http://trishin.ne (accessed 02.04.2017) (in Russian)

12. Ushakov D. N., ed. (2001) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*, in 3 vols., vol. 1. Moscow. (in Russian)

Д. С. Московская

«Я НАШЕЛ В ЖИЗНИ ТО, ЧТО ИСКАЛ». СУДЬБА И НАСЛЕДИЕ Н. П. АНЦИФЕРОВА[1]

DARIA S. MOSKOVSKAYA
"I HAVE FOUND IN LIFE WHAT I WAS LOOKING FOR": DESTINY AND HERITAGE OF NIKOLAY ANTSIFEROV

Единственное зло, которое я действительно боюсь и для себя, и для детей, и для тебя, для всех, кого люблю, — это моральное зло. Все остальное пройдет — одна правда останется.

Из письма Н. П. Анциферова С. А. Гарелиной. 30 января 1939 г. Хабаровский край, город Бикин. Амурлаг. 17-е отделение. Колонна № 189.

Н. П. Анциферов — историк, литературовед, основатель школы научного петербурговедения, оставил богатое мемуарное и эпистолярное наследие. Его письма и мемуары являются бесценным историческим свидетельством и выдающимся памятником литературы. В то же время в них заключена историософская позиция автора. Ее содержание раскрывает способ выражения, стилевое оформление, в котором особую роль играют названия глав и разделов, аллюзии к текстам А. И. Герцена и поэтов-символистов, отбор фактов и отказ от натурализма. В статье произведено сопоставление двух форм представления прошедших событий — в письмах и мемуарах. Показано, что главным стремлением автора было показать не ужас жизни, а преображающую силу человеческого духа.

Ключевые слова: Анциферов; мемуары; эпистолярий; историософия; стиль; Герцен; Владимир Соловьев; аллюзия; заглавие; натурализм; памятник литературы.

The article is devoted to historian, literary critic, and the founder of the Petersburg area studies school Nikolay P. Antsiferov. The scholar has left a rich autobiographical and epistolary heritage. His letters and memoirs may be assessed as invaluable historical evidence and outstanding literary work, at the same time they express historiosophical position of their author. The author analyses their content, the modes of expression and style, a special role of the titles of chapters and sections, reveals some allusions to works by Alexander Herzen and symbolist poets, explains Antsiferov's methods of fact selection and his rejection of naturalism. The article compares forms of presentation of the past in letters and memoirs, and proves that the main intention of their author was not showing the horrors of life, but demonstration of the transforming power of human spirit.

Keywords: Nikolay Antsiferov; memoirs; epistolary heritage; historiosophy; style; Alexander Herzen; Vladimir Soloviev; allusion; title; literary work.

Дарья Сергеевна Московская
Доктор филологических наук, зам. директора, зав. отделом рукописей
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия
▸ d.moskovskaya@bk.ru

Daria S. Moskovskaya
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
25a, ul. Povarskaya, Moscow, 121069, Russia

Николай Павлович Анциферов — историк-медиевист по образованию, по склонности ума и роду деятельности краевед-урбанолог, экскурсионист и литературовед, оставил богатое творческое наследие. Опубликованное и хранящееся в архивах и до сих пор не увидевшее свет, оно поражает богатством жанров, яркостью тем и разнообразием предметов исследования, среди которых важнейшим на протяжении всей жизни ученого оставался город, прежде всего Петербург, и проблема его изучения как литературоведческий сюжет. По словам Б. В. Томашевского, Анциферов развивал его как «литературовед, историк и художник», как умеющий конкретизировать литературные образы города «экскурсовед и музейный работник». Помимо научных трудов, значение которых для литературоведов и культурологов далеко не исчерпано, Анциферов оставил блестящую мемуарную прозу. Он с юности вел дневники и был мастером эпистолярного стиля. Трагические события в судьбе родины, отразившиеся в личной судьбе ученого, — он потерял в войнах и революциях всех своих детей (Наташа и Павел погибли от дизентерии в 1919 году, Сергей скончался в блокадном Ленинграде в 1942 году, Татьяна

Подготовлено при поддержке гранта РГНФ 16-04-00019а.
«Эпистолярное наследие Н. П. Анциферова (1910-1950-е гг.). Исследование и публикация»

подростком была угнана из Детского Села во время немецко-фашистской оккупации, Анциферову так и не довелось с нею повидаться), трижды был сослан, почти восемь лет в общей сложности провел в заключении, — усилили в нем тягу к летописанию. Он позаботился о том, чтобы история его жизни стала достоянием потомков. В последние годы, чувствуя приближение скорого конца и торопясь завершить работу над мемуарами, он дал распоряжение о передаче своего домашнего архива в Ленинград, в отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина[2], где в те годы служила его ученица по Тенишевскому училищу и близкий друг Ольга Борисовна Враская. Столь же заботлив он был и в отношении переписки. Согласно его воле, сохранению подлежали не только им написанные письма. Столь же трепетно относился Анциферов и к сохранению писем своих адресантов[3]. Так, например, в письме 1938 года к жене Софье Александровне Гарелиной с места своей последней ссылки он беспокоится:

> Перечел с глубоким волнением твои остальные письма. ... Неужели все эти прекрасные человеческие документы пропадут и им не суждено лечь рядом с моими письмами в твоей шкатулке? У меня к тебе просьба, если можешь, оставляй у себя копии тех твоих писем, которые ты найдешь значительными[4].

Когда стало ясно, что у хлопотавшей о его освобождении и собиравшей ему посылки жены нет на это ни сил, ни времени, Анциферов сам начал сам переписывать письма жены:

> Я хочу копии нескольких твоих писем переслать тебе. Я хочу, чтобы они лежали с моими письмами и сохранились. Я так опасаюсь за сохранность твоих писем[5].

Неустанная забота Анциферова о собирании и сохранении памяти не была напрасной. Когда на волне перестройки вспыхнул интерес к забытым и замолченным именам советского прошлого, и наступило время вспомнить об авторе «Души Петербурга», то все нужное оказалось «под рукой» — в ОР РНБ и в семейном архиве наследника авторских прав Н. П. Анциферова, его внука-москвича Михаила Сергеевича Анциферова. Собранные воедино и отредактированные главы воспоминаний, получившие название «Из дум о былом», составили том воспоминаний, публикация которого стала событием в культурной жизни России. Осмысляя судьбу своего поколения, по определению Анциферова, поколения наследников декабризма, он возвращался к евангельской притче о блудном сыне. В ожидании рождения сына, в день Похвалы Пресвятой Богородицы 8 января 1921 года он писал, обращаясь к еще не рожденному и его матери:

> Я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте <нрзб> о лени, о всем слабом, грешном и ничтожном во мне. Но во мне есть, правда, одна сотая того, что бы надо передать кому-то, вот эта лучшая моя часть могла бы выразиться в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь еще будет в нем кипеть и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего совесть, пусть она хотя бы обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, богато ближайшее будущее. <...> Жалейте и лелейте своего будущего ребенка, если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней[6].

И вновь, стоя уже на пороге вечности, он завещал духовно-нравственный опыт своей жизни новому поколению — племени младому, незнакомому:

> Посвящаю внуку моему Михаилу (сыну моего сына погибшего в дни блокады Ленинграда в 1942 году) <нрзб> и моей внучке Наталии — дочери моей дочери. Автор Н. Анциферов. 12/I-1957[7].

Сегодня, когда архив и переписка Н. П. Анциферова в значительной степени изучены, мы можем с большой степенью достоверности реконструировать авторский замысел и целеполагание при создании главного труда жизни ученого — его воспоминаний. История ли трагической жизни в назидание потомков, сожаление ли о несбывшихся надеждах, горечь ошибок — что двигало пером автора? Эти вопросы важны хотя бы потому, что не существует авторской редакции его мемуарного комплекса и не установлено его авторское название. Известно, что свою работу он начал во второй половине 1939 года. Писал с перерывами на войну и тяжкие приступы хронической болезни сосудов, когда бывал на грани смерти (обострение стенокардии, инсульты), почти двадцать лет: заключительная глава была на-

писана в 1957 году. Автографы и сделанные с них в разное время машинописи передавались друзьям. Из переписки следует, что последние, получив фрагменты мемуаров для дальнейшей перепечатки или переплета, не всегда знали последовательность и названия глав. Собранные таким образов в 1956–1957 гг. папки и переплетенные машинописи обнаруживают разнобой в последовательности, нумерации и названиях разделов. Основным источником для установления задуманной автором композиции является автограф, сохранившийся в фонде Анциферова в ОР РНБ. Из него следует, что в мемуарный комплекс должны были входить семь частей. Последняя, посвященная «советскому периоду» жизни Анциферова, носила название «Рассеялся туман». Цитируемый ниже фрагмент переписки[8] дает представление о трагическом фоне, на котором развивались события, вошедшие в эту последнюю часть. Открывалась она рассказом о Гражданской войне и гибели детей («1919 год»), затем следовало описание деятельности религиозно-философского кружка А. А. Мейера («Воскресенье»), связь с которым навлекла на Анциферова арест в ночь с 22 на 23 апреля 1929 года и ссылку на Соловки («СЛОН»). Участники переписки — искусствовед Сергей Николаевич Тройницкий[9], Екатерина Павловна Пешкова[10], Сергей Порфирьевич Швецов[11] и мать Анциферова Екатерина Максимовна.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой помочь, насколько это возможно, в деле Николая Павловича Анциферова, арестованного 22 сего апреля. Я позволил себе беспокоить Вас по этому делу ввиду совсем особых обстоятельств, заставляющих просить о скорейшем разборе этого дела. Жена Анциферова находится в последней стадии туберкулеза, и, по отзывам врачей, ее пользующих, вопрос может идти о неделях, а не о месяцах. Положение ее настолько тяжело, что ее выписали из той санатории, где она лечилась, как совершенно безнадежную. При этом у них двое детей 8 и 5 лет, тоже страдающие детским туберкулезом в тяжелой форме. Н. П. Анциферов является автором печатных трудов, в том числе «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Хрестоматия города» и др. С начала революции Н. П. Анциферов работает в Политпросвете, где, насколько мне известно, пользуется репутацией прекрасного и лояльного работника, и ряд ответственных работников Политпросвета, где он состоит и в методической комиссии, готов дать для него самые подробные отзывы. Кроме того, т. Анциферов работает в бюро краеведения. Надеюсь, что и Алексей Максимович, которому я прошу передать мой сердечный привет, заинтересуется судьбой т. Анциферова как писателя, и не откажет в своей помощи. <...>.

С. Тройницкий.

Ленинград, 1 июня 1929 года.

12 июня 1929 года к Е. П. Пешковой обратился за помощью С. П. Швецов.

Дорогая Екатерина Павловна,

Пишу Вам по очень грустному и тяжелому поводу. Есть в Лен<инграе>де такой злополучный гражданин — Николай Павлович Анциферов, человек очень почтенный и прекрасный, но какой-то злополучный. Я его лично не знаю, но его многие здесь знают, и все отзываются о нем с лучшей стороны. Это и побуждает меня писать Вам в данную минуту. Раз он влетел года три-четыре назад по делу Серебрякова и был выслан в Сибирь. Ни к Сер<ебряко>ву, ни и по его делу он не имел никакого отношения, которое бы заслуживало бы тюрьмы, ссылки и т<ому> п<одобное>. Все это для него напоминает положение в чужом пиру похмелье. Тогда о нем, если помните, много хлопотали и Вы, и в Лен<инграе>де, и в конце концов удалось доказать непричастность его к делу, по которому он был привлечен, и его возвратили оттуда, из Новосибирска. Не лучше, а м<ожет> б<ыть> и хуже обстоит его «дело» и сейчас: весной он был арестован по какому-то делу религиозно-философского характера. В чем состоит самое дело и как формулируется по нему обвинение Анц<иферо>ва — я не знаю, но знающие его утверждают, что в основе обвинения лежит какое-то недоразумение, т<ак> к<ак> только при наличности последнего можно хоть что-нибудь понять, без этого получается сумбур, а он, во всяком разе, человек умный прежде всего. Здесь производством дело закончено и направлено в Москву на утверждение: ему проектируется 6 лет ссылки в Сибирь. Он семейный человек, и положение его семьи катастрофическое. Семья, состоящая из умирающей от туберкулеза жены, древней старушки матери и двоих детей — 3 и 7 лет[12], существовала исключительно на его заработок; никаких иных источников существования у них нет. Теперь этот источник прекратился, и семье остается неминуемая гибель. Мне кажется, что теперь самое время Вам, дорогая Екатерина Павловна, вмешаться в эту историю и разъяснить, что тут опять роковая ошибка. <...>

С душевным приветом

С. Швецов

В июне 1929 года с ходатайством за сына обратилась Екатерина Максимовна Анциферова.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: не откажите походатайствовать за моего сына Николая

Павловича Анциферова, служащего в Ленинграде, в Центральном Бюро Краеведения и в Политпросвете, на экскурсионной Базе. Кроме того, он занимается литературным трудом; напечатаны, например, его книги: «Душа Петербурга», «Каменный век», «Книга о городе» и другие. Его арестовали 26 апреля 1929 года; дело уже в Москве, и в ближайшие дни ему, кажется, грозит высылка. Политикой он не занимался. Жена его больна туберкулезом в третьей стадии (об этом представлено свидетельство здешнему прокурору) и не встает с кровати; кроме нее его семью составляют: двое маленьких детей 8-ми и 5-ти лет и я, его мать, 86 лет[13], больная грудной жабой и почти без ног. Сын мой был единственный работник на всю семью. Если его не вернут нам, мы будем выброшены на улицу, т<ак> к<ак> средств у нас нет никаких. Умоляю Вас, не откажите попросить о помиловании его или хотя бы о смягчении участи.

18 июня 1929 г<ода>.

Екатерина Анциферова.

В июле 1929 года Анциферов был приговорен к 3 годам исправительно-трудовых лагерей и в начале августа отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (Кемь). Спустя два месяца, 21 сентября 1929 года скончалась Татьяна Николаевна. Летом 1930 года Анциферов был привлечен к следствию по групповому делу Академии наук, 23 августа 1931 года приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Белбалтлаг (на станцию Медвежья Гора).

Эти полные страдания годы научили Анциферова искусству вспоминать. *Любовь* к воспоминаниям, рожденная событиями 1917 года, стала *спасением* в воспоминаниях в 1929 года, когда «началась совершенно особая жизнь», когда нужно было «подвести итог жизни, а для этого провспоминать ее год за годом, повторить ее в своей памяти». Тогда «пробудился талант вспоминать. <...> Я думал о том, как сделать день неумирающим: об этих днях, которые не умирают, Герцен писал из ссылки своей Наташе» [1: 354]. Не только герценовская, но и собственно анциферовская мысль о жизни как о трудном пути духовного восхождения и прозрения, на которые указывают цитатные названия глав и частей мемуаров «В тумане утреннем» и «Рассеялся туман», отсылают к строкам стихотворения Вл. Соловьева и прочитываются как символическое иносказание о собственной судьбе и жизненном выборе мемуариста:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко всё, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

Строки любимого Анциферовым поэта определяют авторский окончательный выбор названия «Путь жизни». Это наименование повторяется неоднократно в письмах 1956–1957 гг. друзьям и в далекую Америку, дочери, которую он потерял в 1941 году и которую ему не было суждено увидеть. Это было время, когда «любовь» к воспоминаниям, декларированная в письме 1918 года к другу, сменило в 1929 году переживание «спасения» в воспоминаниях, и поттребность вспоминать превратилась в нравственный *долг*. Воспоминания давали возможность осознать значительность жизненного подвига современников, заключающегося не столько в терпении многочисленных и на первый взгляд несправедливых бедствий, сколько в глубоком осознании духовного смысла и назначения страдания. В этом понимании заключается основная причина борьбы ученого за сохранение памяти и всех ее материальных носителей — дневников, мемуаров, переписки. Здесь же истоки его профессионального выбора: в грозный 1919 год он отвергает возможность продолжить научные занятия медиевистикой в стенах Петербургского университета и посвящает себя краеведению, которое теснее связывало его с больной, измученной Родиной. Анциферову в его страданиях, которые он нес осознанно и «бережно», было суждено стать тайновидцем «внутренней действительности» истории. В неопубликованном при жизни эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», датированном 1918–1942 гг., мы встретим знаменательное рассуждение:

> Наблюдая свершающуюся судьбу <...> души человечества в целом, мы замечаем ее глубоко трагичный характер. Это дает нам право рассматривать историю как трагедию, в которой постоянно извращается воплощаемая идея, <...> превращающаяся <...> в свою противоположность. Катарсис <...> в этой трагедии достигается путем искупительных страданий целых народов. Чая глубокий смысл этой трагедии, недоступной нашему эвклидову уму, мы прозреваем в ней действие еще не узнанной силы. История-трагедия — превращается в историю-мистерию [2: 148–149].

Невыдуманная история о душе, блуждавшей в поисках Истины, ушедшей от Нее в «страну далече» и в очистительных страданиях вспоминающей Ее, — вот, что в первую очередь было предметом анциферовского трепетного хранения-сбережения, архивации и передачи потомкам. Прошлое виделось ему в ликах и красках Фра Анжелико и Нестерова. Но думы о настоящем обращали его к образам, созданным живописцем «той картины, которая висит в нашей комнате между книжными полками», о которой вспоминал он в письме из Амурлага С. А. Гарелиной[14]. Сохранившаяся фотография арбатского приюта Анциферова позволяет установить имя живописца и название картины: «Возвращение блудного сына» Рембрандта.

Воспоминания и переписка Николая Павловича — это опыт человека, который через все испытания пронес Божие Имя, остался верен своему высокому идеализму. Как и многие его ровесники, он сознательно принадлежал к революционному движению. В шестнадцатилетнем возрасте он стал членом тайного кружка молодых реалистов в Киеве, сочувствоваших революции 1905 года. Члены кружка формировали свое мировоззрение на ценностях Французской революции, декабризма, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Михайловского. «Русское искание правды» было в высшей степени свойственно юноше Анциферову. Искренне исповедовавший идеалы свободы, усвоив себе уважение к простому народу, народолюбие и исполненное демократизма правдоискательство, в 1917 году он столкнулся с воплощением своей мечты — история-трагедия ему явилась историей-мистерией. Из последнего заключения он писал жене: «Жизнь-спячка хуже всего. И я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью». Для Анциферова земная жизнь была лишь преддверием жизни вечной, страдания — единственным путем восхождения к ней. В строках любимого стихотворения Владимира Соловьева он узнавал себя, некогда юноши, прозревавшего «таинственные и чудные берега», охваченного высокими мечтаньями. Путь же оказался долог и труден, но страдания сделали его зорким, а дух — бесстрашным: теперь он ясно видит цель и знает путь — «Туда, где на горе, под новыми звездами, / Весь пламенеющий победными огнями, / Меня дождется мой заветный храм». И он нашел в себе силы сказать: «...я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью».

Обращаясь к бесценным человеческим документам, которые составили эпистолярное и мемуарное наследие Н. П. Анциферова, читатель находит в них высокий смысл духовного завещания-напутствия грядущим поколениям, где устами множества страстотерпцев произнесено нечто очень существенное, что было познано ими в опыте страдания, о подлинном содержании и смысле человеческой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В заглавии использована цитата из письма Н. П. Анциферова С. А. Гарелиной от 1 сент. 1939 г. Амурлаг (ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 143).

[2] Завещание ученого было выполнено. В 1986 году процесс передачи семейного архива в ОР РНБ завершился: в ОР РНБ, фонд № 27 «Н. П. Анциферов», поступили автографы воспоминаний. Среди материалов фонда находятся также уцелевшие дневники и дневниковые записи Н. П. Анциферова и его первой жены Татьяны Николаевны Оберучевой 1910–1920-х гг.

[3] На это обстоятельство впервые обратила внимание Э. Джонсон. См. подробнее: [3].

[4] Письмо Н. П. Анциферова С. А. Гарелиной от 27–28 окт. 1938 г. (ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 141. Л. 23).

[5] Письмо Н. П. Анциферова С. А. Гарелиной от 16 нояб. 1939 г. (Там же. Ед. хр. 143. Л. 118 об.).

[6] ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 30. Л. 1.

[7] Там же. Ед. хр. 59. Л. 2.

[8] Цит. по: [4].

[9] Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1946 (?)) — директор Эрмитажа с 1918 года, с 1927 года заведовал отделом прикладного искусства.

[10] Екатерина Павловна Пешкова (1876–1965) — общественный деятель, правозащитница, первая жена писателя Максима Горького. С 1922 года возглавляла организа-

цию «Помощь политическим заключенным» (Помполит). В ее личном фонде в ГАРФ отложилось более тысячи дел, содержащих письма с просьбой о помощи.

[11] Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930) — экономист, статистик, этнограф, публицист, общественный деятель, председатель Ленинградского Помполита на момент написания письма.

[12] Речь идет о втором поколении детей Анциферова: Татьяне — 1924 г., и Сергее — 1921 г.

[13] Возможно, описка или сознательное завышение возраста: Екатерина Максимовна Анциферова (в девичестве Петрова) родилась в 1858 г. (СПФ АРАН. Разряд IV [1922 г.] Оп.9. Ед. хр.1. Л. 353).

[14] Письмо Н. П. Анциферова С. А. Гарелиной от 23 нояб. 1938 (ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 119).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992.

2. *Анциферов Н. П.* Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918–1942) / Публ. и подготовка текста А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник — 2003. М., 2004. С. 148–149.

3. *Джонсон Э. Д.* Значение лагерной переписки Н. П. Анциферова для изучения его биографии и творческого наследия // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Сб. матер. междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». М., 2012. С. 82–87.

4. Ходатайства за политических заключенных (политических и общественных деятелей, представителей творческой и научной интеллигенции, а также частных лиц) // Заклейменные властью. Услышь их голоса. По документам фондов Гос. Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922). URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000567.pdf

REFERENCES

1. Antsiferov N. P. (1992) *Iz dum o bylom: Vospominaniia [From thoughts about the past: Memories]*. Moscow. (in Russian)

2. Antsiferov N. P. (2004) Istoricheskaia nauka kak odna iz form bor'by za vechnost' (Fragmenty) (1918–1942) [Historical science as one of the forms of struggle for eternity (Fragments) (1918-1942)] (Prepared by A. Sveshnikov, B. Stepanov). In: *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik — 2003 [Studies on the history of Russian thought. Yearbook — 2003]*. Moscow, pp. 148–149. (in Russian)

3. Dzhonson E. D. (2012) Znachenie lagernoi perepiski N. P. Antsiferova dlia izucheniia ego biografii i tvorcheskogo naslediia [The value of the N. P. Antsiferov camp correspondence to study his biography and creative heritage]. In: *N. P. Antsiferov. Filologiia proshlogo i budushchego [N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future]*. Proceedings of the conference «The First Moscow Antsiferov Reading». M., 2012. S. 82–87. (in Russian)

4. Khodataistva za politicheskikh zakliuchennykh (politicheskikh i obshchestvennykh deiatelei, predstavitelei tvorcheskoi i nauchnoi intelligentsii, a takzhe chastnykh lits) [The petitions for political prisoners (political and public figures, representatives of creative and scientific intelligents, as well as individuals)]. In: *Zakleimennye vlast'iu. Uslysh' ikh golosa. Po dokumentam fondov Gosudarstvennogo Arkhiva Rossiiskoi Federatsii: «Moskovskii Politicheskii Krasnyi Krest» (1918–1922) [Branded power. Hear their voices. According to the documents collections of the State archive of the Russian Federation: "the Moscow Political Red Cross" (1918–1922)]*. Available at: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000567.pdf (accessed 10.03.2017) (in Russian)

[хроника]

51-й СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Начало на с. 46. Окончание на с. 66)

на его базе организован ежегодный семинар по подготовке к сертификационному тестированию по русскому языку как иностранному (начиная от базового уровня до ТРКИ-3).

Кроме того, в рамках семинара уже в четвертый раз прошли дни русского языка для профессионалов-переводчиков из Германии и слушателей семинара на тему: «Русский человек в современном мире». В этом году участникам семинара были предложены следующие темы: «Молодежный сленг в современной России» — о языке молодежных субкультур современной России (к. ф. н., преподаватель СПбГУ И. В. Левенталь); «Язык современных средств информации» — слушателям был предложен анализ самых разных типов языковых единиц, используемых в русских средствах массовой информации (проф. СПбГУ В. М. Мокиенко); «Разговорность в публичной речи» — анализ и обучение навыкам публичной речи здесь проводились в рамках трех базовых тем: разговорная интонация в публичной речи, сниженные типы речевого поведения и региональный вариант русского языка в литературе и кинематографе (доц. СПбГУ И. Г. Гулякова).

Методическое руководство семинаром в Тиммендорфер Штранде уже более тридцати лет осуществляет филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, хотя в состав преподавателей входят также профессора и доценты из других вузов страны. В этом году в семинаре участвовали восемь преподавателей из Санкт-Петербурга и преподаватель из Казани. Неизменно помогает в организации и проведении семинара община Тиммендорфер Штранда в лице председателя совета общины Ани Эверс и губернатора города Хатиче Кары.

Кроме ежедневных занятий по разговорной практике, фонетике, литературе, страноведению и переводу, для участников курсов проводились семинары по выбору лингвистического, литературоведческого и лингвострановедческого характера, запись на которые осуществляется по собственному выбору участников. Их тематика в значительной степени определяется пожеланиями слушателей, которые они сообщают организаторам до начала семинара.

В этом году слушатели получили возможность участвовать в семинарах по темам: «Русские календарные праздни-

В. А. Немкова

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСТОЯЩЕГО УЗУАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ» И ЕЁ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ)

VERONIKA A. NEMKOVA

TRANSLATION STRATEGIES OF HABITUAL AND HISTORICAL PRESENT INTERPRETATION: AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH TRANSLATIONS OF "ROADSIDE PICNIC" BY ARKADY AND BORIS STRUGATSKY

В данной статье предложен сопоставительный анализ двух английских переводов повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». Переводчики используют разные стратегии при передаче настоящего узуального и настоящего исторического, задействованного в оригинале. Наша задача — проследить связь различных интерпретаций текстового времени с реализацией точки зрения, регистровой композицией и отнесением событий к первому плану либо фону произведения.

Ключевые слова: настоящее узуальное; настоящее историческое; внутренняя точка зрения; коммуникативные регистры; первый план и фон.

This article offers comparative analysis of two English translations of "Roadside Picnic" by A. and B. Strugatsky. The translators are using different strategies concerning the usage of habitual and historical present in the original. The author tries to trace the links between the interpretations of textual tense, on the one hand, and the point of view, register composition and grounding, on the other.

Keywords: praesens historicum; inner point of view; communicative registers; foreground and background.

Вероника Антоновна Немкова

Аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

► nika.nemkova@mail.ru

Veronika A. Nemkova

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. В. Уржа

Организация текстового времени в повести и её переводах

Повесть «Пикник на обочине» А. и Б. Стругацких, изданная более чем в 20 странах, по праву считается одним из самых читаемых произведений фантастов как в России, так и за рубежом. Породив множество адаптаций (в том числе известную киноверсию А. Тарковского и компьютерные игры из серии «Сталкер»), она стала настоящим культурным феноменом конца XX века. Совсем недавно появилась также информация о съёмках сериала по мотивам «Пикника».

Интересно проследить историю интерпретаций этого произведения в англоязычной среде. Впервые повесть была опубликована на английском языке в Нью-Йорке в 1977 году в переводе Антонины У. Бьюис. Спустя 25 лет вышло ещё одно издание — Олены Бормашенко (Чикаго, 2012). О разнице между этими переводами в языковом аспекте и пойдёт речь в нашей статье. Мы ограничимся анализом первой главы повести, наиболее показательной в выбранном аспекте (о причинах такой избирательности будет сказано ниже).

С точки зрения языка не только переводы, но и оригинал повести представляется малоисследованным, хотя используемые в тексте грамматические конструкции и дискурсивные маркеры заслуживают не меньше внимания, чем сюжет, композиция и система художественных образов. Стиль, в котором написана повесть, близок к разговорному (над правкой сленга и грубоватых реплик персонажей цензорам первого издания пришлось немало потрудиться). Первая глава написана практически полностью в настоящем времени, что позволяет читателю погрузиться в атмосферу Хармонта, ощутить себя его жителем. Кроме того, повествование ведется от первого лица самим рассказчиком, Рэдриком Шухартом. Перед нами воспоминания бывшего сталкера, построенные как рассказ, который ведется главным героем здесь и сейчас.

Первая глава, однако, разительно отличается от остальных (так что можно было бы посвятить отдельное исследование сравнительному анализу двух типов повествования, задействованных в повести). В ней последовательно представлена точка зрения Рэда: его внутренние монологи, размышления о природе Зоны, её артефактов и о превратностях судьбы сталкера органично вплетены в ткань повествования. Рассказчик нередко вступает в диалог с читателем, обращаясь к нему напрямую. Последующие главы написаны в плане прошедшего времени и от третьего лица, а своеобразная фразеология персонажей отражена только в их речи. Перемены касаются не только формального и стилевого оформления, но и содержательной стороны, поскольку начало второй главы знаменует новый этап в жизни главного героя: Рэдрик бросает работу в институте после смерти своего друга Кирилла, в которой винит себя.

Возвращаясь к англоязычным переводам повести, отметим, что наиболее явное различие между ними касается характера временно́й локализации событий. Первый по хронологии перевод (выполненный Антониной Бьюис в 1977 году) фиксирует ретроспективный взгляд на события, даже в тех случаях, когда в оригинале представлена синхронная герою точка зрения. Как отмечает Б. А. Успенский, «самый отсчет времени (хронология событий) может вестись автором с позиций какого-либо персонажа или же со своих собственных позиций» [7: 89]. В данном случае мы можем говорить о формальном совпадении в оригинале временно́й позиции автора и рассказчика, то есть писатель «погружается» в хронотоп событий. В оригинале категория времени играет композиционную роль, при этом темпоральные переключения сигнализируют не о скачках во времени, а о сдвиге перспективы. Переключения в настоящее время позволяют выделить наиболее сюжетно значимые события, отграничив их от фоновой информации [9; 11]. При этом текстовое время далеко не всегда совпадает с денотативным. Переводчица А. Бьюис старается, напротив, соблюсти внешнюю логику повествования, рассказывая о событиях прошлого в прошедшем времени. Перевод Олены Бормашенко, с другой стороны, последовательно передаёт стратегию оригинала, сохраняя фрагменты в настоящем времени.

Однако если внимательнее посмотреть на тексты переводов, то становится ясно, что переводческая стратегия в обоих случаях намного более утончённая и требует осмысления. Во-первых, в переводе Бьюис не столь последовательно используется прошедшее, как кажется на первый взгляд. Во-вторых, в переводе Бормашенко настоящее время не только сохраняется, но и используется даже чаще, чем в оригинале.

Настоящее время в обоих переводах используется не изолированно, а в окружении других средств, которые также связаны с реализацией внутренней точки зрения героя. Идея «функциональных спутников» [6], которые сопровождают настоящее историческое и работают с ним «заодно», представляется плодотворной для исследования материала повести.

Настоящее узуальное в переводе А. Бьюис: ориентация на обобщённый субъект

Обратимся к примерам из перевода А. Бьюис, где используется настоящее время. В примере ниже мы становимся свидетелями внутреннего диалога героя, который обращается к самому себе.

Ничего, думаю, Рэд, это ***ты***, браток, тоже выдержишь. **Надо**, Рэд, **терпи**! Не сможет он долго в таком же темпе, вот уже и **задыхаться начал**...

All right, I thought to myself, Red, **you** can put up with this too. **You** have to, so **be patient**. He can't keep it up for much longer. Look, **he's losing his breath** already. (Пер. А. Бьюис.)

Благодаря использованию настоящего времени читатель «подключается» к сознанию Рэдрика, «слышит» его мысли непосредственно, «здесь и сейчас». Ментальный предикат *думаю* одновременно является эгоцентрическим элементом, отсылающим нас к говорящему, который в данном случае совпадает с адресатом, т. к. Рэдрик обращается сам к себе (при помощи местоимения *ты* и фамильярного обращения *браток*). Таким образом, на уровне грамматики совпадение говорящего и адресата выражается в использовании 1-го и 2-го лица по отношению к одному и тому же субъекту.

В переводе А. Бьюис мысли героя переданы непосредственно, в настоящем времени. Обратим внимание на то, что формально прошедшее *задыхаться начал* также передано настоящим. Это неудивительно, учитывая перфективную семантику глагольной формы, в которой заключён результат на момент речи [2: 453–464]. Ещё одно наблюдение касается местоимения 2-го лица, которое в английском тексте используется более активно — оно появляется также на месте безличного предложения.

В следующих нескольких примерах описывается один из артефактов Зоны — «пустышка».

Нет, *ребята*, тяжело эту штуку описать, если кто не **видел**, очень уж она проста на вид, особенно когда ***приглядишься*** и ***поверишь*** наконец своим глазам.

No, friends, it***'s*** hard to describe them to **someone** who **hasn't seen** them. They're too simple, especially when ***you look*** close and finally believe your eyes. (Пер. А. Бьюис.)

Мы видим, что рассказчик обращается напрямую к читателю (*ребята),* использует местоимение ты/∅ (по терминологии из [1: 113]) в обобщённом значении: *приглядишься, поверишь*. Использование 2-го лица в глагольной форме при опущенном местоимении говорит о высокой степени обобщения адресата высказывания, которое потенциально обращено ко всем читателям. Как отмечает Т. В. Булыгина, «семантика, синтаксическое поведение и прагматика употребления местоимения ∅/ты и „адресатного" ты существенно различны — это два разных местоимения» [Там же: 113].

Как видим из следующего примера, 2-е лицо в сочетании с формой настоящего времени может относиться и к действиям говорящего: рассказчик словно проецирует на читателя эти действия, заставляя нас почувствовать своё бессилие.

Это все равно что стакан кому-нибудь описывать или, не дай бог, рюмку: только пальцами ***шевелишь*** и ***чертыхаешься*** от полного бессилия.

It's like trying to describe a glass to someone: ***you end up*** wriggling your fingers and cursing in frustration. (Пер. А. Бьюис.)

Из примера ниже видно, что контакт с читателем достигается самыми различными средствами.

Ладно, будем считать, что ***вы*** *все поняли*, а если **кто** не понял, ***возьмите*** институтские «Доклады» — там в любом выпуске статьи про эти «пустышки» с фотографиями...

OK, let's say ***you've got*** it, and those of **you** who haven't get hold of a copy of the institute's reports — every issue has an article on the empties with photos. (Пер. А. Бьюис.)

Во-первых, несложно заметить всестороннее использование 2-го лица (местоимение *вы* и повелительное наклонение — *возьмите*), причём здесь рассказчик уже обращается ко всей аудитории сразу. Кроме того, метатекстовые компоненты сигнализируют о том, что говорящий подходит к выводам: *Ладно, будем считать, что вы поняли*.

Функционально 2-му лицу в обобщённом значении соответствуют и другие средства русского языка, например местоимение *кто, кто-то* и др. Интересно, что и в этом случае Антонина Бьюис использует you.

А ***кто*** пустышек ни разу не таскал, пусть попробует: это все равно что пуд воды без ведер нести...

If ***you haven't carried*** an empty around, try it: it's like hauling twenty pounds of water without a pail. (Пер. А. Бьюис.)

Более того, при помощи 2-го лица в английском часто передаются формально безличные русские предложения, как в следующем примере.

Можно туда **просунуть** руку, можно и голову, если ***ты*** совсем ***обалдел*** от изумления, — пустота и пустота, один воздух.

You can stick your hand in them, or even your head, if ***you're*** so ***knocked out*** by the whole thing-just emptiness and more emptiness, thin air. (Пер. А. Бьюис.)

Таким образом, в английском варианте текста мы видим, как эксплицирован субъект действия, который в оригинале не выражен. Кроме того, ещё более активное использование 2-го лица по сравнению с русским текстом (который сам по себе отличается диалогичностью) говорит о более тесном контакте рассказчика с читателем. Можно сделать вывод, что местоимение you в английском переводе служит функциональным эквивалентом целого спектра средств, используемых в оригинале для передачи значения обобщённого субъекта.

Итак, в приведённых примерах сохранение настоящего времени в переводе обусловлено семантическими причинами. Мы считаем, что высокая степень обобщения, а также акцент на диалог с читателем повлияли (по крайней мере, косвенно) на выбор переводчицы в пользу настоящего времени.

Следующий пример интересен тем, что в нём используется два типа местоимения 2-го лица: в первом случае *ты* отсылает к обобщённому субъекту (плохой *ты* или хороший), а во втором — к конкретному персонажу (спасибо *тебе*, выходит, Слизняк).

А *вообще-то* Зона **не спрашивает**, плохой ***ты*** или хороший, и спасибо ***тебе***, выходит, Слизняк: дурак ***ты*** был, даже имени настоящего твоего никто **не помнит**, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так.

In general, the Zone **doesn't ask** who the good guys **are** and who the bad ones **are**. So thanks to ***you***, Slimy. ***You*** were a damned fool, and no one **remembers** your real name, but at least ***you*** showed the smart people where not to step. ... (Пер. А. Бьюис.)

Настоящее время сохраняется в переводе фрагмента в информативном регистре [4: 29], отмеченного метатекстовым показателем вообще-то (in general) и органично переплетённого с мысленным обращением героя к давно погибшему персонажу.

Тот факт, что в переводе Бьюис настоящее время сохраняется во фрагментах, где используется 2-е лицо (как в адресатном значении, так и в обобщённом), говорит о тесной связи категорий времени и лица. Как отмечает Т. В. Булыгина, максимально обобщённое понимание местоимения ∅/ты имеет место при отсутствии временно́й локализации [1: 121], с чем мы имеем дело, например, во фрагменте выше: «А вообще-то Зона не спрашивает, плохой ты или хороший». В переводе А. Бьюис стабильно передаются при помощи настоящего времени фрагменты в информативном или генеритивном регистре, то есть такие, которые отвлечены от конкретного момента речи, а в случае генеритива являются максимально обобщёнными [4: 29–30; 403–404].

Ещё один тип контекстов, в которых Бьюис сохраняет настоящее время, — это описание персонажей. Для Шухарта они — тоже своего рода «артефакты» вселенной «Пикника», её неотъемлемая часть.

Остин парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но он, *по-моему*, уже отмеченный.

Austin ***isn't*** a bad guy, he***'s got*** the right mix of courage and cowardice, but *I feel* he***'s*** doomed. (Пер. А. Бьюис.)

В характеристике Остина отражается субъективное отношение Рэдрика к этому персонажу, о чём свидетельствует использование эгоцентрика *по-моему* (*I feel*). В описании Эрнеста, данном ниже, также есть показатель личного отношения рассказчика — оценочное слово *благодетель*, в котором кроется немалая доля иронии. Об этом говорит сам выбор слова, нетипичного для лексикона сталкера.

Эрнест свое дело **знает**. Глаз у него наметанный, сразу **видит**, что сталкер из Зоны, что хабар будет, и **знает** Эрни, чего сталкеру после Зоны надо. Свой человек Эрни! *Благодетель*.

Ernest ***knows*** his stuff. His trained eye ***recognizes*** a stalker returned from the Zone with swag and he ***knows*** what a stalker needs after a visit to the Zone. Good old Ernie. *A humanitarian*. (Пер. А. Бьюис.)

С ещё большей долей обобщения даётся характеристика не конкретных персонажей, а социальных типов: сержантов, новичков, «очкариков» и самих сталкеров. Их описание близко

генеритиву — самому общему типу коммуникативных регистров, в котором «говорящий обобщает информацию, соотнося её с универсальным опытом», а «“вневременное” и всевременное действие становится способом выражения свойства, способности, характеристики» [4: 30]. Именно настоящее время используется в «универсальных» предложениях такого типа [10: 130]. В то же время, в отличие от канонических генеритивных суждений, примеры ниже имеют ограниченную локусом референцию.

В примере описание сержантов даётся в расширенном настоящем, которое в сочетании с квантором *все* помещает высказывание в плоскость высоких обобщений, универсальных сентенций, прописных истин, распространяющихся, однако, только на институт.

У нас в институте этих сержантов больше, чем в дивизии, да *все* такие дородные, румяные, кровь с молоком, — им в Зону ходить **не надо**, и на мировые проблемы им **наплевать**.

We have more sergeants *at the institute* than at division headquarters. They**'re** *all* well-built healthy fellows. They **don't have to** go into the Zone and they **don't give a damn** about world issues. (Пер. А. Бьюис.)

В следующем примере для обобщённой характеристики Очкариков также используется квантор *все*. Кроме того, слово *такие*, в отрыве от контекста представляющее пустую номинацию, в данном фрагменте наполняется смыслами, которые приписывает ему рассказчик.

Они ведь *все*, Очкарики, *такие*. Им главное название придумать.

They**'re** *all like that*, the eggheads, the most important thing for them ***is*** to find a name for things. (Пер. А. Бьюис.)

В характеристике новичков мы видим снова использование обобщённо-личного местоимения ø/ты, которое относится в первую очередь к самому рассказчику. Восклицание *Эх, мать честная!* является, несомненно, ярким показателем точки зрения главного героя в плане фразеологии [8: 30].

Эх, мать честная! С этими новичками ***не знаешь,*** куда смотреть — то ли в поле смотреть, то ли на них.

Honest to God, with these greenhorns ***you*** never ***know*** which way to look, at the field or at them. (Пер. А. Бьюис.)

Большая степень обобщения выражается в псевдотавтологической конструкции в примере ниже. Этот способ генерализации рассказчик выбирает для описания социальной группы, к которой он сам принадлежит. Примечательно, что в английском переводе фразы *ему бы только зелененьких побольше* опускается местоимение 3-го лица: “*The more green stuff, the better*”. В этом, как нам кажется, отразилось стремление передать внутреннюю точку зрения героя, его личную причастность к зарабатыванию «зелененьких».

Сталкер — он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью **торгует**.

A stalker ***is*** a stalker. The more green stuff, the better. He ***trades*** his life for greenbacks. (Пер. А. Бьюис.)

Выделенные в ходе анализа фрагменты позволяют сделать выводы о том, как семантика времени влияет на переводческую стратегию при выборе формального выражения данной категории. В проанализированных примерах прослеживается связь между категориями времени и лица, а именно: в переводе сохраняется настоящее узуальное, которому сопутствует 2-е лицо в обобщённом значении. Прямые обращения к читателю создают иллюзию непосредственного диалога: именно в комментариях по ходу повествования, в своего рода лирических отступлениях рассказчик активно вовлекает читателя в происходящее с ним. Как нам кажется, переводчик не случайно сохранил настоящее время при передаче этих внесюжетных вставок в информативном и генеритивном регистре. Описание Зоны Посещения, её артефактов, жителей Хармонта составляет характеристику того неподвластного земной логике мира, который предстаёт для главного героя незыблемым и вечным (отсюда — повествование в настоящем).

Настоящее историческое в переводе О. Бормашенко: активизация перцептивных образов

В переводе Олены Бормашенко в настоящем времени переданы не только информативные фрагменты, но и перцептивные, описывающие воспринимаемые зримо события. Настоящее историческое в оригинале и переводе Бормашенко

вводит синхронную точку зрения, в то время как Бьюис здесь и далее будет последовательно использовать ретроспективную.

> *Накануне* **стоим** это мы с ним в хранилище уже вечером, **остается** только спецовки сбросить, и **можно закатиться** в «Боржч», принять в организм капельку-другую крепкого.
>
> *The night before*, he and I **were** in the repository — it **was** already evening, all I had to do **was** throw off my lab suit and I **could head** for the Borscht to put a drop or two of the stiff stuff into my system. (Пер. А. Бьюис.)
>
> *The other day*, we'**re standing** in the repository; it'**s** evening already, nothing left to do but dump the lab suits, then I **can head** down to the Borscht for my daily dose of booze. (Пер. О. Бормашенко.)

С первого предложения мы погружаемся в хронотоп событий, хотя временной дейктик *накануне* говорит о том, что описываемое уже стало достоянием прошлого для рассказчика. В обоих переводах даётся отсылка к прошлому (*the other day, the night before*), однако настоящее историческое сохраняется только в переводе О. Бормашенко.

В следующем примере временна́я локализация событий другая: перед нами уже не «здесь» и «сейчас» говорящего, а более обширный период (*уже почти год*). В отличие от предыдущего примера, который представляет собой сцену в описательно-репродуктивном регистре, мы видим интерпретацию событий, оформленную в информативном регистре. В переводах мы видим всё ту же разницу в отражении событийного времени.

> В общем, Кирилл **бьется** с этими «пустышками» уже почти год. Я у него с самого начала, но до сих пор **не понимаю** толком, чего он от них **добивается**, да, честно говоря, и понять особенно **не стремлюсь**.
>
> Kirill **had been beating** his brains out over the empties for almost a year. I'd been with him from the start, but I still **wasn't** quite sure what it was he **wanted** to learn from them, and, to tell the truth, I **wasn't trying** very hard to find out. (Пер. А. Бьюис.)
>
> Anyway, Kirill'**s been struggling** with these empties for almost a year now. I've worked for him from the very beginning, but I still **don't get** what he **wants** with them, and to be honest, I **haven't tried** too hard to find out. (Пер. О. Бормашенко.)

В примере ниже рассказчик возвращается к описанию в репродуктивном регистре. Герой выступает здесь как наблюдатель: *смотрю, какой он стал, как у него глаза запали*. Момент наблюдений синхронен времени событий, которое передано как совпадающее с временем рассказа. Метатекстовая отсылка к речевому акту — показатель *значит* — предполагает субъекта речи [5: 276–277]. В оригинале мы видим чередование форм настоящего исторического и прошедшего в перфективной функции, которое используется относительно той же точки отсчёта. Перцептивно воспринимаемые перемены в облике Кирилла (*какой он стал, как у него глаза запали*) рассказчик фиксирует при помощи форм прошедшего времени. Таким образом, синхронная перспектива сохраняется даже в случае использования прошедшего времени (в данном случае не абсолютного, а относительного).

> **Стоим**, *значит*, мы с ним в хранилище, **смотрю** я на него, какой он **стал**, как у него глаза **запали**, и жалко мне его **стало**, сам не знаю как. И *тогда* я **решился**. То есть даже не сам я **решился**, а словно меня кто-то за язык потянул.
>
> *So* there we **were** in the repository. I **was watching** him and seeing what **had happened** to him, how his eyes **were sunken**, and I **felt** sorrier for him than I ever had for anyone. And *that's when* I **decided**. I didn't exactly decide, it was like somebody opened my mouth and made me talk. (Пер. А. Бьюис.)
>
> *So, as I said*, we'**re standing** in the repository, I'**m looking** at him, the way he'**s gotten**, how his eyes **have sunk** in, and I **feel** sorrier for him than I can say. And *then* I **decide**. Except I **don't** really **decide**—it's like the words tumble out themselves. (Пер. О. Бормашенко.)

Интересно, что в переводе О. Бормашенко на месте перфективных форм прошедшего времени использован Present Perfect — время, обозначающее результат на момент речи. В переводе Бьюис вся картина описана ретроспективно, поэтому для таксисной связи событий используется также предпрошедшее (Past Perfect — had happened). Какая форма в данном случае наиболее адекватно передаёт семантику оригинальной? Мы склоняемся к переводу Бормашенко, несмотря на формальное сходство оригинала с переводом Бьюис в данных отрывках. Дело в том, что прошедшее время в перфективной функции, как пишет В. В. Виноградов, тесно связано с момен-

том речи. В нашем примере налицо именно сохранение результата на момент речи, поэтому значение форм прошедшего времени здесь не сводится к простому предшествованию точке отсчёта.

Мы видим, что в оригинале вслед за описанием Кирилла показатель неожиданности *и тогда* сигнализирует о сдвиге перспективы, а также о переключении в прошедшее, которое совпадает с регистровым швом — переходом от перцепции (описания, активизирующего позицию наблюдателя) к интерпретации (комментариию рассказчика). В переводах этого переключения не происходит, весь эпизод показан либо в ретроспективе (у Бьюис), либо с синхронных позиций (у Бормашенко).

Итак, при работе с данным фрагментом обе переводчицы устраняют темпоральные переключения, умело использованные Стругацкими: одна в пользу прошедшего времени, другая — в пользу практически тотального настоящего. Суть же стилистического приёма, использованного в оригинале повести, заключается в чередовании форм настоящего и прошедшего времени, которое создаёт особый эффект. Именно в таком значении настоящее время помогает выделить самые значимые, ключевые моменты сюжета и привлечь внимание читателя к ним. К. Чвани использует для такого контрастного употребления термин «настоящее драматическое», подчёркивая его особую композиционную роль [9: 294] (см. также о темпоральных переключениях: [12: 169–171]).

В следующем примере мы имеем дело с таким переключением. Эпизод начинается с глагола с перцептивной семантикой в настоящем времени (*вижу*), который задаёт синхронную рассказчику точку зрения. Далее переключение в прошедшее фиксирует доступные герою данные его наблюдений.

> **Вижу**, **начало** до него доходить. **Поднял** он на меня глаза, **прищурился**, и **появился** у него там, за собачьей слезой, какой-то проблеск разума, как он сам обожает выражаться.
>
> I **could see** that it was beginning to penetrate. He **looked** up at me, **squinted**, and a glimmer of reason, as he loved to call it, **appeared** behind the dog tears. (Пер. А. Бьюис.)
>
> I **can tell** — I'm starting to get through. He **looks** up at me, **squints**, and there in his eyes, behind the dog tears, **appears** a glimmer of intelligence, as he himself loves to put it. (Пер. О. Бормашенко.)

Перевод форм прошедшего при помощи настоящего (причём не только Present Perfect, но и Present Simple) выглядит в переводе Бормашенко вполне естественно. О перфективном значении форм настоящего времени, при котором задействована позиция наблюдателя, писали авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» [4: 416]. Представляется, что данное замечание можно применить и к английским формам Present Simple. У Бьюис с самого начала весь эпизод помещён в прошедшее (*I could see*), поэтому точка зрения не меняется на протяжении всего фрагмента.

Отдельно стоит сделать замечание по поводу неточности в переводе Бормашенко фразы *начало до него доходить*: переводчица меняет субъект данной предикативной единицы (*I'm starting to get through*). Тем самым рассказчик становится более активным субъектом, который добивается того, чтобы его поняли.

В примере ниже за перфективной формой *вылечился* следует описание персонажа в репродуктивном регистре с синхронной точки зрения наблюдателя. Форма прошедшего, как и в предыдущих примерах, отсылает к видимому результату на момент событий.

> **Вылечился** мой Кирилл. Уши торчком, хвост пистолетом.
>
> My Kirill **was cured**. Bright-eyed and bushy-tailed. (Пер. А. Бьюис.)
>
> My Kirill'**s cured**. Good as new and ready to go. (Пер. О. Бормашенко.)

Нередко при помощи настоящего времени переведены глаголы, обозначающие целые цепочки действий, что придаёт повествованию особый динамизм. Как писал В. В. Виноградов, формы настоящего времени способны достигать кинетического потенциала прошедшего времени совершенного вида, но лишь в синтагматике речевого процесса, в их смене [3: 229].

Обратимся к примеру ниже. Действия Кирилла относятся к сфере наблюдаемого и при помощи настоящего времени в переводе Бормашенко сразу визуализируются. Таким обра-

зом, при помощи настоящего исторического «наблюдательный пункт» переносится к читателю, «помещая адресата в непосредственный контакт с повествователем» [5: 289].

Он живо **сунул** «пустышку» в сейф, **прихлопнул** дверцу, **запер** на три с половиной оборота, и **пошли** мы с ним обратно в лабораторию.

He **stuffed** the empty into the safe, **slammed** the door, and **locked** it with three and a half turns, and we **went** back into the lab. (Пер. А. Бьюис.)

He promptly **stuffs** the empty into the safe, **slams** the door, **gives** the lock three and a half turns, and **comes** back with me to the lab. (Пер. О. Бормашенко.)

Описание действий персонажа в изобразительном регистре может перемежаться комментариями рассказчика, как в следующем примере: *ясное дело*, *да и чего здесь было не понять*! В данном случае вкрапления эгоцентриков делают акцент на внутренней точке зрения героя.

Он сразу же **вытащил** карту, **нашел** этот гараж, пальцем его **прижал** и **посмотрел** на меня, и, *ясное дело*, сразу все про меня **понял**, *да и чего здесь было не понять*!..

He **pulled** out a map, **found** the garage, **put** his finger on it, and **stared** at me. Of course, he immediately **figured** it out about me — what was there not to understand? (Пер. А. Бьюис.)

He immediately **takes** out a map, **finds** this garage, **puts** his finger on it, **gives** me a long look, and, of course, immediately **figures** me out, but then that isn't so hard... (Пер. О. Бормашенко.)

Итак, проведённый сопоставительный анализ позволяет сделать выводы о двух совершенно различных переводческих стратегиях при работе с одним и тем же текстом. Во-первых, переводы по-разному реагируют на регистровые различия в тексте: если А. Бьюис использует настоящее время исключительно во внесюжетных фрагментах информативно-описательного и генеритивного регистра, где даётся характеристика Зоны Посещения, то О. Бормашенко сохраняет план настоящего по ходу всего текста, не исключая фрагментов, в которых в оригинале использовано прошедшее время в перфективном значении. Нам представляется предпочтительной вторая стратегия, поскольку в оригинале смена временного плана играет ключевую композиционную роль, а граница между 1-й главой и всеми последующими сигнализирует о резкой перемене в жизни героя и его мировосприятии. Начиная со второй главы, Рэдрик Шухарт уступает место повествователю, как бы замолкая после пережитого потрясения. В переводе А. Бьюис эта разница в восприятии героя не столь ощутима, поскольку всё повествование ведётся в ретроспекции. Тем не менее настоящим временем в этом переводе маркированы внесюжетные эпизоды интерпретационного плана, что позволяет отграничить их от событийных фрагментов в изобразительном регистре.

В переводе О. Бормашенко не только сохраняется заданный в оригинале временно́й план, но и расширяется сфера применения настоящего времени. Перевод форм прошедшего времени совершенного вида при помощи Present Simple придаёт повествованию динамизм и позволяет ещё более активно вовлечь в него читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булыгина Т. В.* Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филол. исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова. М., 1990. С. 111–126.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
3. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избр. тр. М., 1980.
4. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
5. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.) М., 1996.
6. *Уржа А. В.* Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. С. 76–94.
7. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
8. *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М., 1995.
9. *Chvany C. V.* Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian // Verbal Aspect in Discourse / Ed. by N. Thelin. Amsterdam, 1990.
10. *Declerck R.* The grammar of the English tense system: a comprehensive analysis. Berlin, 2006.
11. *Urzha A. V.* The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th Century) // Slověne. 2016. N 1. P. 226–248.
12. *Wolfson N.* The conventional historical present alternation // Language. Vol. 55, N 1. Mar., 1979. P. 168–182.

REFERENCES

1. Bulygina T. V. (1990) Ia, ty i drugie v russkoi grammatike [Me, you and others in Russian grammar]. *Res philologica. Filologicheskie issledovaniia. Pamiati akademika G. V. Stepanova [Res philologica. Philological studies. On memory of academician G. V. Stepanov]*. Moscow, pp. 111–126. (in Russian)
2. Vinogradov V. V. (1947) *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. A grammatical study of a word]*. Moscow. (in Russian)
3. Vinogradov V. V. (1980) Stil' «Pikovoi damy» [The style "Queen of spades"]. In: *Vinogradov V. V. O iazyke khudozhestvennoi prozy. Izbrannye trudy [On the language of literary prose. Selected works]*. Moscow. (in Russian)
4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. (2004) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)
5. Paducheva E. V. (1996) *Semanticheskie issledovaniia. (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa) [Semantic research. (Semantics of time and form in the Russian language. The semantics of narrative)]*. Moscow. (in Russian)
6. Urzha A. V. (2015) Funktsional'nye sputniki nastoiashchego istoricheskogo v russkikh perevodakh narrativnykh tekstov [Functional companions of the praesens historicum in the Russian translations of narrative texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [The Moscow University Herald]* Seriia 9. Filologiia [Series 9. Philology], no. 1, pp. 76–94. (in Russian)
7. Uspenskii B. A. (1970) *Poetika kompozitsii: Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiia kompozitsionnoi formy [Poetics of composition: Structure of the literery text and typology of the composition form]*. Moscow. (in Russian)
8. Uspenskii B. A. (1995) *Semiotika iskusstva [Semiotics of art]*. Moscow. (in Russian)
9. Chvany C. V. (1990) Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian. In: Thelin N., ed. *Verbal Aspect in Discourse*. Amsterdam. (in English)
10. Declerck R. (2006) *The grammar of the English tense system: a comprehensive analysis*. Berlin. (in English)
11. Urzha A. V. (2016) The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th Century). *Slovéne*, no. 1, pp. 226–248. (in English)
12. Wolfson N. (1979) The conventional historical present alternation. *Language*, vol. 55, no. 1, Mar., pp. 168–182. (in English)

[хроника]

51-й СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Начало на с. 46, 57)

ки и обряды» — доц. СПбГУ И. Г. Гулякова, «Употребление видов глагола в современном русском языке» — доц. СПбГУ Б. Н. Коваленко, «Руская кухня» — доц. СПбГУ И. М. Вознесенская, «Потенциал русского словообразования: учимся понимать и конструировать слова» — д. ф. н., доц. Казанского федерального университета В. А. Косова, «Учимся слушать и слышать русскую речь (практические занятия по аудированию)» — к. ф. н., преподаватель СПбГУ И. В. Левенталь, «Образ России в русской поэзии» — проф. СПбГУ В. М. Мокиенко, «Мастерская переводчика» — ст. преподаватель СПбГУ Г. В. Липис, «Две литературные шутки: «Шуточка» А. П. Чехова и «Шутка» А. Слаповского» — к. ф. н., проф. Санкт-Петербургского Экономического ГУ Е. Н. Петухова, «Русская разговорная речь» — д. п. н., проф. СПбГУ Н. Л. Федотова.

В соответствии с одной из лучших традиций Тиммендорфского семинара, получасовой перерыв между утренними занятиями любители пения посвящали разучиванию и исполнению популярных русских песен (руководители так называемого «русского хора» — И. Г. Гулякова, В. А. Косова, В. М. Мокиенко). Специалисты по методике преподавания РКИ единодушно признают большую значимость песни в изучении грамматики и фонетики, истории, культуры, обычаев России. Воздействуя на эмоции и чувства человека, песня является одним из самых эффективных средств освоения иностранными учащимися русского языка. С большим успехом прошли на семинаре мероприятия, на которых в исполнении слушателей и преподавателей звучали русские песни: литературный вечер «Прощальные стихи о любви: от Пушкина до Высоцкого», вечер русской песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» и заключительный вечер семинара.

По вечерам вниманию слушателей предлагались лекции на самые разные темы, в том числе общего характера. Были прочитаны лекции: «Русский язык сегодня» (В. М. Мокиенко), «Некоторые новые явления в русском языке и общении» (И. М. Вознесенская), «Библейские мотивы в поэзии современного Донбасса» (В. М. Мокиенко), «Сказать почти то же самое» (Г. В. Липис), «История кино» (И. В. Левенталь), «Современные орфоэпические нормы русского языка» (Н. Л. Федотова), «Чехов и современная литература» (Е. Н. Петухова).

После лекций проводились показы кинофильмов, обсуждавшихся в дальнейшем на занятиях. Были показаны фильмы: «Без границ», «Конец прекрасной эпохи», «Про любовь», «Синдром Петрушки», «Два дня», «Две женщины».

Следует отметить радушие и поддержку местных властей, приветствовавших слушателей и преподавателей на торжественном приёме, посвящённом 51-му семинару. На приёме присутствовали: доктор Иоганнес Баар, представители руководства города, представители Российского консульства из Гамбурга.

Каждый, кто побывал хотя бы раз на Тиммендорфском семинаре — и русские преподаватели, и немецкие слушатели и коллеги, — сохраняет в сердце его теплую атмосферу, память о дружеском, сердечном общении в учебной группе: поощрение успехов, доброжелательное отношение, добрые шутки, мягкий юмор, непринужденность, взаимопомощь. По справедливому утверждению Л. А. Вербицкой, этот «удивительный, особый дух доброжелательства, сердечности и юмора родился здесь благодаря доктору Иоганнесу Баару», который много лет руководил семинаром. Многие слушатели уже не один год подряд приезжают на курсы, которые притягивают своей радостной эмоциональной атмосферой, даря участникам встречи со старыми друзьями, возможность приобрести новых, узнать о жизни в России, посмотреть новые российские и лучшие старые советские фильмы, подумать и поспорить о путях развития и взаимодействия наших стран. Более чем пятидесятилетний опыт семинара русского языка в г.Тиммендорфер Штранде позволяет с полной уверенностью говорить обо всем этом как о многолетней великолепной традиции, которая поддерживается его организаторами и участниками.

Следующий, 52-й международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде состоится 24 сентября — 07 октября 2017 года. Информация о семинаре размещена на сайте: www.Russisches-sprachseminar.de.

Б. Н. Коваленко, СПбГУ;
В. А. Косова, КФУ

И. Б. Авдеева

СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ИНЖЕНЕРНОГО ПРОФИЛЯ ЧТЕНИЮ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО СТИЛЯ

IRINA B. AVDEYEVA

LEARNING STRATEGIES APPLIED TO TEACHING FOREIGN ENGINEERING STUDENTS TO READ AUTHENTIC SCIENTIFIC TEXTS

Сравниваются классификация областей использования английского языка и обучение русскому как иностранному в техническом вузе. Представлен определённый «спектр» специфически русскоязычных характерных явлений научного стиля, одинаково трудных для представителей разных стран, профессий и даже уровней владения русским языком. Приведены примеры из аутентичных текстов учебников по базовым и узкопрофильным дисциплинам инженерного профиля. Обозначены стратегии учения, с которыми рекомендуется знакомить иностранных учащихся инженерного профиля, с целью их дальнейшей выработки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; научный стиль; научно-технический подстиль; аутентичные тексты учебников по инженерным дисциплинам; стратегии обучения; бессубъектные предложения; инверсия.

The author compares classifications of the usage areas of English and Russian as a foreign language in technical universities teaching, and concludes that there is a certain “range” of typical Russian-language scientific style phenomena equally difficult for students from different countries, professions, and even different levels of Russian language proficiency. The article includes examples from authentic textbook texts on basic and profession-oriented engineering disciplines, and outlines the learning strategies for foreign engineering students’ practice.

Keywords: Russian as a foreign language; scientific style; scientific and technical sub-styles; authentic textbook texts on engineering disciplines; learning strategies; agentless sentences; inversion.

Ирина Борисовна Авдеева

Доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Ленинградский пр., 64, Москва, 125319, Россия

► i.b.avdeyeva@mail.ru

Irina B. Avdeyeva

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)

64, Leningradsky pr., Moscow, 125319 Russia

В числе основных направлений деятельности высшей школы в рамках Болонской декларации 1999 года было обозначено развитие сотрудничества разных стран в области обеспечения качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методик. Рассмотрим методику преподавания русского языка как иностранного на основании принятой в Европе классификации областей использования английского языка.

Первые два места в классификации областей применения английского языка в качестве иностранного занимают «английский как второй язык» — ESL (English as a Second Language) и «английский язык в качестве дополнительного» — EAL (English as an Additional Language), в которых используются все 4 вида речевой деятельности.

Третье место занимает «английский язык для более широкого общения» — ELWS (English as a Language of Wider Communication). Это язык международных связей в сфере науки, техники и бизнеса, он характери-

зуется довольно узким регистром и узким кругом общения, поэтому и навыки, которыми овладевают учащиеся, довольно ограничены. Основной формой получения информации является чтение, а личные контакты с носителями языка крайне редки и выборочны. Письмо также используется ограниченно, так как необходимость декодирования информации имеет место значительно чаще, чем необходимость её кодирования. Говорение и аудирование важны для поездок в англоязычные страны с деловыми целями и для чтения лекций в вузах этих стран. Как и в категории EAL, в категории ELWS те, кто представляет научную и преподавательскую элиту, нуждаются непосредственно в прямом общении на английском языке.

Четвертая категория, «английский как иностранный» — EFL (English as a Foreign Language). В системе европейского образования английский язык изучается как один из нескольких иностранных языков, который в ограниченных рамках служит коммуникативным целям. В сфере EFL основное внимание уделяется чтению литературы и переводу, разговорный язык используется лишь в процессе кратковременных бесед с носителями языка. Различные люди в разных странах имеют возможность повышать уровень владения английским языком в диапазоне от EFL до ESL. Например, некоторые группы студентов могут испытывать необходимость в двух категориях: ESL, когда они учатся в американских университетах, а позже, по возвращении домой — EAL или ELWS.

Для практических целей преподавания русского языка как иностранного в российских технических университетах особое значение имеет ориентация на два последних уровня ELWS и EFL, в сфере которых особое значение имеют чтение и перевод.

Несмотря на обязательное требование прослушивания лекций, иностранные студенты, магистранты и аспиранты в процессе обучения в российских вузах инженерного профиля вынуждены наравне с русскими учащимися самостоятельно прочитать и понять учебно-научную информацию, приведенную в аутентичных текстах учебников в форме научного стиля речи, существенно отличающегося от языка общего владения по многим параметрам. С середины XX века известно, что проблема дихотомии «устная речь — письменная речь» решается в научной и технической литературе в пользу письменной речи. Устный тип научной и технической литературы является производным (а не наоборот)» [7: 64]. В русском языке научно-технический подстиль, реализованный в аутентичных текстах учебников по специальным дисциплинам, адресованных авторами-инженерами будущим инженерам и написанных на языке «посвящённых» (термин О. Д. Митрофановой), представляет собой особое информационно-дискурсивное пространство, в котором функционируют свои законы и представлены лексико-грамматические явления, не типичные для обыденного и литературного языка.

В настоящее время есть пособия, ориентированные на обучение иностранцев чтению газет, журналов, официально-деловой переписки и т. п., которые базируются на аутентичных материалах, но большинство этих учебных материалов даёт представление лишь о какой-либо отдельной научной области, чаще в её научно-популярной разновидности изложения. Наши исследования показали, что существует совершенно определённый «спектр» специфически русскоязычных явлений, характерных для научного стиля, одинаково трудных для представителей разных стран, профессий и уровней владения русским языком. Особенно данная специфика проявляется при чтении иностранцами учебных материалов научно-технического подстиля, доминирующего в учебниках по дисциплинам инженерного профиля (базовые, фундаментальные и узкопрофильные).

В качестве основополагающих мы выделяем две основные причины, по которым иностранцы не могут самостоятельно, без специальной подготовки понимать смысл аутентичных текстов учебников по инженерным дисциплинам, — это категория *бессубъектности* в односоставных предложениях и *инверсионность*, то есть относительно свободный порядок слов в русском языке. Другие частные трудности, возникающие при чтении учебно-научной литературы на русском

языке, являются, на наш взгляд, лишь следствием этих двух причин [1; 3].

В современной европейской литературе множество публикаций посвящено проблеме переноса внимания с методов преподавания на процесс усвоения, то есть прямому обучению учащихся стратегиям, а не материалу. В частности, в англоязычных странах существует достаточно большой объем литературы, в фокусе рассмотрения которой находятся *индивид*, изучающий язык, и сам *процесс усвоения языка*, реализуемый в изучении стратегий учения. Правомерен вывод многих авторов о методической целесообразности ознакомления учащихся с разными видами стратегий учения, что позволит им впоследствии самостоятельно выбирать и осваивать новые стратегии по мере усвоения второго/иностранного языка. Попробуем обозначить основные трудности, возникающие у иностранцев при чтении и переводе аутентичных текстов учебников по дисциплинам инженерного профиля, и перечислить стратегии учения, с которыми преподавателю русского языка целесообразно ознакомить иностранных учащихся.

1. Классическим путем уяснения значения слов является обращение к справочным источникам, прежде всего к словарям [13]. Хотя некоторые исследователи считают, что информация, получаемая из двуязычных словарей, менее качественна, в целом двуязычные словари используются учащимися, изучающими иностранные языки, намного чаще, чем декларируемые методистами одноязычные словари. Особенно это касается обучения языку специальности. Существуют исследования, отметившие в процессе наблюдения над студентами, читавшими тексты по специальности с использованием одноязычных и двуязычных словарей, что стратегия «просто чтения» эффективна для усвоения слов, имеющих большую частотность в языке, но для усвоения низкочастотной лексики, и особенно терминологии, обращение к словарю не только целесообразно, но крайне необходимо [12]. Нельзя не согласиться с мнением методистов, «что в ситуации, когда декларируется центральная роль обучающегося в процессе усвоения Я 2, не имеет смысла приводить внешнюю сторону урока в соответствие с представлениями о том, как все должно происходить в голове обучающегося, ибо если у него имеется потребность установить связь слова Я 2 со словами родного языка, он поздно или рано сделает это» [6: 52]. Хотя, безусловно, **стратегии пользования словарями и справочниками** меняются в зависимости от уровня владения иностранным языком.

Опыт работы в инженерной аудитории показывает, что при всем желании иностранцы не умеют правильно искать незнакомые русские слова из-за их префиксально-суффиксального строения. Им бывает трудно осознать, что одна и та же информация, заложенная в корне слова, может быть передана при помощи слов различных морфологических классов. Поэтому им необходимо вырабатывать **стратегию морфологического анализа слов**, определив вначале, к какой части речи принадлежат неизвестные слова из аутентичных текстов, чтобы затем уже искать их в словарях. Позже результаты этого анализа должны стать опорой для воспроизведения слова по памяти [Там же: 56].

> ***Чертежи*** *(сущ.) сборочных единиц (12: 325)**. ***Начертание*** *(сущ.), размеры и расположение букв (Там же: 17).* ***Вычерчивание*** *(сущ.) линий невидимого контура (Там же: 20).* ***Подчёркивание*** *надписей (сущ.) (Там же: 18). Основы* ***черчения*** *(сущ.) (6: 50).****Чертёжный*** *(прилаг.) формат (12: 8).* ***Начертательная*** *(прилаг.) геометрия (6: 9). Затем* ***вычерчиваем*** *(глаг.) треугольник (Там же: 231). Прямоугольник с* ***начерченной*** *(глаг. форма — полное причастие) на нём диагональю (Там же: 134). Грани* ***не очерчены*** *(глаг. форма — краткое причастие) (Там же: 104).*

Стратегии, связанные с анализом нового слова с целью обнаружения в нем знакомых элементов, принято считать **стратегиями использования внутренней формы**, активно применяя их как при уяснении значения слова, так и при интеграции его во внутренний лексикон [5]. Возникает путаница при различении однокоренных слов, образованных от глагольных основ. Поэтому следует тренировать **стратегию идентификации отглагольных существительных**, несущих информацию о действии аналогично с глаголами, причастиями и деепричастиями, отличая их от последних.

*Канавки **образуются** вибронакатыванием (18: 466п). **Образование** поверхностей по методу касания состоит в том, что **образующей** линией 1 является режущая кромка инструмента... (Там же: 318л).*

Кроме того, для инженерных текстов характерны так называемые *когнаты* — слова из разных языков, восходящие по своему происхождению к одному и тому же корню. Чаще всего это слова латинского происхождения, восходящие к древним индо-европейским корням: анализ — analyze, машина — machine, проект — project.

Иностранным учащимся важно также выработать **стратегию распознавания субстантивированных форм прилагательных и причастий**, которые часто носят терминологический характер. Для этого необходимо тренировать мысленную подстановку недостающего существительного: составляющая (часть), направляющая (линия) и т. п.

*Кобальтовая же **составляющая** (субстантив, термин) твёрдого сплава переходит в раствор в виде соли (18: 480п). На рис. 4.7 и 4.8 показаны графики изменения передаточных функций скорости точки С при разных смещениях **направляющей** (субстантив, термин) ползуна (17: 84).*

2. Носителям других языков необходимо понимание, что при инверсионном, т. е. относительно свободном расположении слов в русском языке, и субъект, и объект в предложении могут быть выражены словосочетанием, состоящим из нескольких существительных в родительных падежах, часто перемежающихся прилагательными и причастиями:

***Уменьшение** площади контуров, **технологичность** деталей машин, **особенности** конструкции основных деталей.*

Поэтому крайне важна выработка **стратегии анализа «речевых блоков»**: во-первых, умение определять границы единого смыслового целого, обозначаемого определённым словосочетанием, а во-вторых, умение находить в нем главное слово, которое может стоять в начале, в конце и в середине данного словосочетания. Заученное гомогенное «целое» впоследствии будет служить опорой для поиска слов, входящих в это целое, когда они будут нужны в другом значении [6: 56].

***Цепи переменного тока промышленной частоты** (субъект) делятся на трёхфазные с изолированной и с глухозаземлённой **нейтралью источника** (10: 522). Ракета является **ярким примером движущегося тела переменной массы** (объект) (11: 705).*

Отработка вышеупомянутых стратегий важна не просто для понимания смысла научных словосочетаний, но и для дальнейшей работы над синтаксисом, поскольку в научном стиле придаточные предложения со словом «который» и причастные обороты бывают присоединены не к последнему, как это декларируется во многих учебниках, а именно к главному слову в словосочетании.

*Все неподвижные детали образуют одну жесткую неподвижную **систему** тел, **называемую** неподвижным звеном или стойкой. **Соединение** двух **соприкасающихся** звеньев, **допускающее** их относительное движение, называется кинематической парой. Дополнительные **силы** взаимодействия между частицами материала, **возникающие в телах при деформации**, называются внутренними силами (9: 9).*

3. Широко представленные в научном стиле простые предложения также имеют свою специфику. Субъект, обозначающий непосредственного производителя действия, как правило, в инженерных текстах уходит на второй план, уступая место объекту исследования. Неличная манера повествования проявляется на синтаксическом уровне в приоритетном использовании односоставных и, прежде всего, бессубъектных предложений. Для аутентичных текстов научно-технического подстиля характерны инфинитивные, обобщённо-личные, неопределённо-личные и безличные типы предложений.

Первые три типа представляют затруднения для иностранцев при понимании текстов из-за объектного замещения субъекта, то есть фактического отсутствия субъекта и частого расположения объекта не на «своём традиционном» месте, а перед предикатом, при имплицитном выражении информации о субъекте формой предиката.

*Условия задачи: 1) **повернуть** пирамиду по часовой или против часовой стрелки вокруг вертикальной оси...; 2) **закрасить** грани пирамиды в верхней части экрана после поворота (6: 271).*

***Уравнение движения машинного агрегата:** 1) **запишем** выражение для приведённого момента сил; 2) **используем** теорему об изменении кинетической энергии механизма как системы твёрдых тел с учётом принципа затверде-*

*вания; 3) деля левую и правую части на d φ, **получим** уравнение; 4) **вычислим** производную; 5) **составим** уравнение движения машинного агрегата, пользуясь уравнением (5: 4); 7) **определим** величину...(2: 349).*

*Для плавки титановых сплавов широко **используют** специальные вакуумные дуговые печи с расходуемым электродом. Перед плавкой в электрододержателе печи **устанавливают** электрод, а перед сливным носком тигля **укрепляют** литейную форму. После этого кожух печи **герметизируют** и **вакуумируют.** Через токоподвод на электрод **подают** напряжения, и между ними и тиглем загорается электрическая дуга. По мере наполнения тигля жидким металлом плавильную печь поворотным механизмом **поворачивают** на 90°. Титановый сплав при этом **переливается** в литейную форму. После затвердевания отливки форму **удаляют** и цикл **повторяется** (18: 219л).*

Как известно, согласно универсальной грамматике Н. Хомского, существуют лингвистические **принципы**, являющиеся универсальными и встречающиеся во всех языках, и **параметры**, отличающие языки, которые универсальны лишь в определенной степени. Типичным примером параметра является «**параметр опущения**, который определяет, обязательно ли использовать в рамках того или иного языка личное местоимение или его можно опустить» [10: 270]. Причем данный «параметр нулевого подлежащего» (т. наз. опущение) [Там же: 192] относится к числу базовых параметров русского языка.

У иностранцев вызывает трудности распознавание самой структуры определённо-личного и неопределённо-личного предложений, то есть нахождение предиката, объекта при инверсионном расположении слов и затем — мысленное восстановление субъекта. Для этого необходима выработка **стратегии мысленной подстановки несуществующего в тексте субъекта**: «мы», «они/инженеры» и т. п.

***(Мы)** Рассмотрим **сферу** радиуса r, центр которой находится в точке O с координатами (a, b, c) (3: 37). Плоскости проекций **(они/инженеры) считают** непрозрачными (6: 20).*

Кроме того, необходима **стратегия различения неопределённо-личных** и похожих на них **двусоставных личных предложений**. Также важно понимание ситуаций, в частности узкопрофессиональных, когда целесообразно использовать предложения данного типа.

*Все **механизмы** или **станки работают** одновременно (18: 358л.) (двусост.). Инструменты **выполняют** в виде электрода (Там же: 471п) (односост.). **Заусенцы** всегда **сопутствуют** процессу резания... (Там же: 458л) (двусост.). **Различают** контурное и объёмное фрезерование (Там же: 418) (односост.).*

Поэтому важно с самого начала научить иностранцев **стратегии обнаружения предиката**, попутно объясняя отсутствие субъекта в односоставных бессубъектных предложениях, таких как **определённо-личные и неопределённо-личные,** тем, что информация о субъекте имплицитно выражена формой (окончанием) предиката.

В **односоставных безличных предложениях** с нулевым субъектом, то есть при полном отсутствии субъекта и невозможности его мысленно «подставить», сложно находить предикат не только из-за многообразия его форм, но и потому, что две составляющие его части (модальное слово и инфинитив глагола) могут располагаться на большом расстоянии друг от друга, будучи разделены другими членами предложения. Это обусловлено тем, что в классификации Дж. Гринберга русский язык относится к языкам с «нестандартным порядком слов» [11]. В когнитивистике считается, что порядок слов, характерный для конкретного языка, одновременно определяет и другие его важные синтаксические особенности. Например, в языках с традиционным порядком слов VO (глагол — объект) употребляются предлоги (препозиции), а фразы с предлогами и наречиями образа действия ставятся после глагола; в языках же с инверсионным порядком слов OV (объект — глагол) употребляются постпозиции (напр., окончания в русском языке) и фразы с постпозициями и наречиями образа действия ставятся перед глаголом [10: 312]. Поэтому важно научить иностранцев тренировать **стратегии нахождения обеих составных частей предиката в безличном предложении**.

***Принято** нормальную к сечению ось **обозначать** буквой x, а оси в плоскости сечения — буквами y и z. (7: 21). **Определить** предел прочности пластичного материала при сжатии очевидно **невозможно**, так как он просто не существует (9: 28). **Можно** к исследованию механизмов с различными функциональными назначениями **применять** общие методы, базирующиеся на основных принципах современной механики (2: 17).*

Кроме того, иностранцам важно иметь представление о большом разнообразии модальных слов русского языка (в отличие от их ограниченного количества в английском и немецком языках) и их возможной сочетаемости с огромным количеством глаголов в инфинитиве:

– ***можно*** *применять,* ***следует*** *применять,* ***нельзя*** *применять,* ***приходится*** *применять,* ***целесообразно*** *применять,* ***рекомендуется*** *применять и т. п.;*
– ***нужно*** *(произвести, учитывать, знать, доказать, понимать, вести, ввести, найти, рассмотреть, выразить, составить, приравнять, повернуть) и т. п.*

Таким образом, как отмечалось выше, при изучении на синтаксическом уровне односоставных бессубъектных предложений переплетаются две основные особенности русского языка, вызывающие неизменные трудности у иностранцев: отсутствие субъекта и инверсионное, т. е. относительно свободное расположение слов. Выявленные особенности научно-технического подстиля русского языка в классификации Н. Хомского являются типичными параметрами, причисляющими русский язык к языкам, в которых допустим «параметр нулевого подлежащего» [Там же: 192], а также к языкам с «нестандартным порядком слов» [Там же: 270].

4. Безусловную трудность для иностранцев представляют и так называемые осложняющие структуры: придаточные предложения, и особенно причастные и деепричастные обороты, которые иностранцы-полиглоты, носители «еврограмматики», знающие в совершенстве по 5–6 языков, называют «sophisticated constructions» — элегантные, изящные и даже изощрённые конструкции.

Наиболее распространённым из придаточных предложений является придаточное определительное со словом «который», достаточно изученное на материале языка общего владения.

Придаточное предложение может стоять и после, и в середине главного предложения, а союзное слово «который» может находиться и в начале, и в середине придаточного предложения. Поэтому следует тренировать **стратегии обнаружения придаточного предложения со словом «который».**

Чертёж содержит ***изображения, которые*** *в зависимости от их содержания делят на виды, разрезы и сечения (19: 14).* ***Тела,*** *все три измерения* ***которых*** *одного порядка, называются массивами (9: 6). Это свойство будет использовано в дальнейшем при расчёте сложных* ***сечений, которые*** *можно разбивать на простые фигуры (Там же: 6). Из низших кинематических пар наиболее часто встречаются* ***пары****, схематические изображения* ***которых*** *показаны на рис. 2.25 (2: 47).*

Кроме того, слово «который» может иметь различные падежные, родовые и численные формы в зависимости от того, каким членом придаточного предложения является: субъектом или объектом. Очевидную сложность представляет также непрямой порядок слов, часто запутывая иностранных учащихся в определении субъекта и объекта, выраженного непосредственно словом «который». Требуется тренировать **стратегии различения этих форм**, детально разбирая **субъектно-предикативно-объектную структуру** каждого предложения: главного и придаточного.

Ось (объект), *вокруг* ***которой*** *следует вращать тело для перевода его из одного положения в другое, бесконечно близкое первому, называют мгновенной осью вращения (11: 118). В связи с этим действительное* ***сечение (субъект) металла****, через* ***которое*** *проходит ток, резко уменьшается (18: 271п). Рассмотрим* ***приёмники (объект) энергии****, схемы замещения* ***которых*** *содержат резистивные, индуктивные и ёмкостные элементы (10: 82).*

Важно добиться понимания иностранных учащихся, что форма слова «который» не совпадает с формой слова в главном предложении, к которому оно относится (по аналогии с причастием), а что оно стоит вместо слова, которое должно повторяться (но не повторяется) в придаточном предложении, и что это слово согласуется с ним в форме рода и числа, но не падежа. Поэтому необходимо научить иностранцев **стратегии определять, каким членом предложения является слово «который»: субъектом или объектом**.

Полученные механизмы будут воспроизводить движение звена 7 по тому же ***закону, который (закон)*** *осуществлялся первоначальным механизмом (2: 40). Силы, приложенные в точке O, заменяются одной* ***силой*** *R,* ***которая (сила)*** *равна главному вектору системы сил (11: 205).*

В аутентичных текстах научного стиля присутствуют определённые сложности: если относительно языка общего владения существует распространённое мнение, что придаточное предложение стоит сразу после того слова, к которому

оно относится, то в научном стиле, в котором часто присутствуют словосочетания существительных с определениями, выраженными прилагательными и причастиями, это далеко не так. Как упоминалось выше, следует тренировать **стратегию нахождения главного слова в словосочетании**, к которому относится придаточное предложение.

*На разрезе показывают только **ту часть** поверхности выступов отверстия, **которая** не закрыта валом (12: 168). Трансформатор имеет не менее **двух обмоток** с общим магнитным потоком, **которые** электрически изолированы друг от друга (10: 193). Существуют **превращения** одной кристаллической модификации вещества в другую, **которые** не связаны с поглощением или выделением теплоты. Среднее значение тока измеряется **приборами** магнитоэлектрической системы, измерительная цепь **которых** содержит выпрямитель тока (18: 362л).*

Кроме того, необходимо добиться понимания иностранцев, что в случае, если слово «который» замещает собой одно из слов в цепочке-словосочетании, обозначающем субъект или объект в придаточном предложении, то также следует найти это слово и мысленно «заменить» его на слово «который». То есть не менее важна также **стратегия мысленной подстановки нужного существительного/местоимения** вместо слова «который».

*Подобное **тело**, срединная поверхность **которого (тела)** до нагружения представляет собой плоскость, называется пластиной. Построение **проекций** плоских фигур, все точки **которых (проекций)** лежат в одной плоскости, сводится к построению проекций ряда точек (18: 264п).*

Таким образом, при усвоении придаточных предложений со словом «который» трудности у иностранных учащихся вызывает понимание, во-первых, нахождение в главном предложении основного слова, к которому относится придаточное предложение; и, во-вторых, что это сложное предложение, то есть состоящее из двух самостоятельных частей, в каждой из которых действуют свои связи между словами — членами предложения.

5. При изучении традиционно трудной для иностранных учащихся темы причастий и причастных оборотов, широко распространённых в текстах научного стиля, очевидная проблема коренится, прежде всего, в необычном многообразии форм этой части речи: кратких и полных, активных и пассивных, выполняющих разные функции в предложении: определения и предиката, которые при этом всегда восходят корнем к глаголу. Поэтому необходимо сразу же ознакомить иностранных учащихся с ситуациями, при которых одиночные причастия выполняют различные функции: а) в полной форме — согласованного определения и б) в краткой форме — предиката. То есть необходимо выработать **стратегию идентификации полных и кратких причастий и определения их функции в предложении**.

*Угол φ2 равен углу между **заданной** (полн. пасс., прош. вр.) плоскостью и пл. π2 (6: 51). Поверхностью, **задаваемой** (полн. пасс., наст. вр.) каркасом, называют поверхность, которая задаётся некоторым числом линий (Там же: 149). Плоскость **задана** (кр. прич.) проекциями треугольника ABC (Там же: 51).*

Кроме того, по форме полное причастие напоминает прилагательное, особенно падежными окончаниями. Необходимо вырабатывать **стратегии идентификации прилагательных**, как категории статической характеристики, **и различных форм полных причастий**, как категории динамической характеристики. Их особенно сложно распознавать на примерах однокоренных слов, столь частотных в инженерных текстах. Здесь уместно привлекать морфологический анализ слов, о котором говорилось выше.

*Выпускают станки универсальные, **специализированные** (прич.) и **специальные** (прилаг.) (18: 415п). **Выбитая** (прич.) форма по виброжёлобу направляется на **выбивную** (прилаг.) решётку (Там же: 183п). Флюсы **паяльные** (прилаг.) применяют для очистки поверхности **паяемого** (прич.) материала (Там же: 298л).*

Таким образом, крайне важно обучение иностранцев **стратегии идентификации причастий**: с одной стороны, их распознаванию по сравнению с другими однокоренными частями речи: прилагательными, отглагольными существительными, глаголами, наречиями и т. п., с другой стороны, их распознаванию внутри самой этой категории: отличие полных и кратких форм, активных и пассивных, а также определение их функции в предложении.

Изменение окончаний причастий в зависимости от рода, числа и падежа также вы-

зывает затруднения. Поэтому целесообразной является также тренировка склонения по падежам полных причастий по принципу склонения прилагательных.

__Доказанная (Им. п.)__ теорема выражает следующий геометрический факт (13: 138). Заметим, что из __доказанного (Р. п.)__ предложения легко вытекает теорема 1 (3: 53). В силу уже __доказанных (Р. п., мн. ч.)__ утверждений найдутся такие числа α1, α2 и α3 (Там же: 11). 4. Тогда, по __доказанному (Д. п., м. р.)__ выше, уравнение Q имеет вид λ (Ax+Bx+Cz) +D1 = 0 (Там же: 56). __Доказанной (Д. п., ж. р.)__ теореме соответствует следующий очевидный геометрический факт (13: 140). Следовательно, все наши результаты можно считать __доказанными (Тв. п.)__ лишь постольку, поскольку доказаны эти теоремы (3: 5). Рекомендуем читателю полностью провести доказательство этого и остальных утверждений, сформулированных, но не __доказанных (Р. п., мн. ч.)__ для гиперболы в этом пункте (Там же: 87).

Особенно необходимо для иностранных учащихся инженерного профиля понимание смысловой нагрузки причастий, входящих в устойчивые терминологические словосочетания, которые не могут быть заменены синонимами, а также умение отличать их от свободных словосочетаний с причастиями, которые можно заменить синонимичными конструкциями. Необходима выработка **стратегии распознавания** именно **словосочетаний терминологического характера**, которые невозможно заменить синонимичными конструкциями и которые подлежат запоминанию в рамках профессиональной специализации учащихся.

Системы, __составленные__ (определение, = __сделанные)__ из элементов, __испытывающих__ (определение, = __которые испытывают)__ различные __напряжённые__ (термин) __состояния__, называются __комбинированными__ (термин). Чаще всего такие системы состоят из элементов, __работающих__ (определение, = __которые работают)__ на изгиб или растяжение-сжатие (7: 322).

Две взаимно __соединяемые__ (определение,= __которые соединяются__) детали образуют подвижное или неподвижное соединение. Поверхности, по которым соединяются детали, называются __сопрягаемыми__ (термин), а их совокупность — сопряжением. При сопряжении поверхностей вращения деталей различают __охватываемую__ (термин) __поверхность__ — вал и __охватывающую__ (термин) __поверхность__ — отверстие. На чертежах каждой из обеих __соединяемых__ (определение,= __которые соединяются__) деталей указывают общий размер, который называют номинальным (12: 113).

Иностранным учащимся инженерного профиля также следует тренировать **стратегии выявления субстантивированных причастий,** которые часто носят сугубо терминологический характер, **и понимания функций**, выполняемых ими в предложении, Особенно важно это потому, что по форме они могут полностью совпадать с обычными причастиями, как терминологического, так и нетерминологического характера.

Теперь легко подсчитать потенциальную энергию деформации фермы как сумму энергий деформации __составляющих__ (определение, не термин) её __стержней__ (7: 100). Кобальтовая же __составляющая (часть,__ субстантив, термин) твёрдого сплава переходит в раствор в виде соли (18: 480п).

Мы назовём её начальноё точкой, а подпространство (1) — __направляющим__ (определение, термин) __подпространство__ (3: 270). На рис. 4.7 и 4.8 показаны графики изменения передаточных функций скорости точки С при разных смещениях __направляющей (точки__, субстантив, термин) ползуна (17: 84).

Важно также уметь различать в тексте отдельные причастия и причастные обороты, отличая первые от прилагательных, особенно субстантивированных (напр., прямая, секущая и пр.). Поэтому следует тренировать **стратегии обнаружения отдельных причастий**, которые, являясь определениями, обычно стоят перед определяемым словом и часто являются терминами, а потому не трансформируются, **и собственно причастных оборотов**, в особенности стоящих перед определяемым словом, которые могут быть подвергнуты трансформациям.

Через __заданную в системе π1, π2 прямую__, __проходящую через точку К__, проведены фронтально-проецирующая плоскость, __выраженная её фронтальной проекцией β''__, горизонтально-проецирующая плоскость, __выраженная её горизонтальной проекцией γ'__, и профильно-проецирующая плоскость, __определяемая прямой АВ__, перпендикулярной к пл. π3. На рис. 138 плоскости, __проведённые через заданную прямую__, выражены следами. Но через прямую общего положения нельзя провести ни фронтальную, ни горизонтальную, ни профильную плоскость. Такие плоскости можно проводить лишь через __соответственно расположенные прямые__. На рис. 139 изображены горизонтальная плоскость β, __проходящая через горизонтальную прямую АВ__, и фронтальная пл.γ, __проходящая через фронтальную прямую CD__ (6: 55).

Собственно причастный оборот в научных текстах таит для иностранцев несколько основ-

ных проблем. Прежде всего, понимание, что это не отдельное предложение, живущее по «своим законам», как синонимичное ему уже изученное придаточное предложение со словом «который», а развёрнутое определение к одному из существительных/местоимений в предложении, а потому должно полностью соответствовать ему по форме, аналогично прилагательному.

*Если ротор генератора многополюсный, то каждой паре его полюсов соответствуют на статоре три **изолированные друг от друга катушки** трёхфазных обмоток. **Размещённые вдоль окружности статора** отдельные **катушки**, число которых равно числу пар полюсов каждой фазной обмотки, соединяются между собой последовательно или параллельно (8: 102).*

При этом следует обращать внимание учащихся на то, что слова в причастных оборотах связаны по законам грамматики русского языка, требуя определённого именного и глагольного управления.

*Пусть имеется **рамка** с подвижной «невесомой» перемычкой, **затянутая жидкой плёнкой** (14: 334). Для периодического тока средняя мощность потерь пропорциональна **площади** петли гистерезиса, **умноженной на объём магнитопровода** (10: 186).*

Если причастный оборот определяет какое-либо научное понятие, выраженное словосочетанием, то он относится к одному конкретному главному слову в данном словосочетании, которое также необходимо найти. Как и в случае с придаточными определительными предложениями, необходимо тренировать **стратегии нахождения в цепочке слов — словосочетании — главного слова,** к которому непосредственно относится причастный оборот.

***Замыкающая (часть, термин-субстантив)** этой линии, **проведённая** (= **прочерченная**, определение) из начала первого **слагаемого (числа**, термин-субстантив) в конец последнего, даёт **результирующий** (составная часть термина**) вектор**. (14: 16). Установлено, что существует функциональная **зависимость** между величинами y и x, **описывающая количественную сторону данного явления** (13: 210).*

6. Следует отметить, что деепричастия — особая глагольная форма — часто бывает мало известна даже хорошо говорящим и читающим по-русски иностранцам.

Поэтому прежде всего необходимо тренировать **стратегию идентификации деепричастий** как особой формы глагола, а также **деепричастных оборотов**.

***Действуя** (деепр., одновременное действие) на ролик 3, свободно вращающийся вокруг оси, цилиндр 1 **заставляет** звено 2 двигаться поступательно в направляющих С-С. **Действуя** (деепр., одновременное действие) на ролик 3, кулачок 1 **заставляет** звено 2 **вращаться** вокруг оси С. **Действуя** (деепр., одновременное действие) на ролик 5, кулачок 1 **заставляет** звено 2 **совершать** сложное движение (2: 511).*

Деепричастие и деепричастный оборот традиционно имеют два аспекта сложности понимания: во-первых, основное действие, выраженное глаголом-предикатом, и параллельное действие, обозначаемое деепричастием, совершаются одним субъектом действия; и во-вторых, параллельное действие может совершаться до основного (обозначаясь деепричастием совершенного вида) и одновременно с ним (обозначаясь деепричастием несовершенного вида).

Следует также тренировать **стратегию обнаружения места деепричастий и деепричастных оборотов** в предложении: они могут стоять в начале, в середине и в конце предложения.

Разделив** переменные, **получаем** уравнение. Способ сварки **выбирают**, **исходя** из размера соединяемых заготовок. В ходе обслуживания складов роботы, **действуя** по программе, **перемещаются** (18: 236п)**.

В аутентичных текстах научного стиля нахождение деепричастий усугубляется тем, что деепричастия и деепричастные обороты могут стоять перед основным глаголом-предикатом и после него.

*Жидкости, **занимая** промежуточное положение между газами и кристаллами, **сочетают** в себе черты обоих этих видов (14: 331). Большая часть электронов, инжектированных из эмиттера в базу, **втягивается** сильным электрическим полем, **образуя** ток в цепи коллектора (10: 242).*

Кроме того, в учебниках по дисциплинам инженерного профиля в одном предложении часто присутствуют по два и более деепричастных оборотов.

***Не вводя** в рассмотрение атомы и молекулы, **не входя** в микроскопическое рассмотрение процессов, термоди-*

*намика **позволяет** делать ряд выводов относительно их протекания (1: 208).*

Также очень важно тренировать **стратегии идентификации деепричастий НСВ и СВ**, образованных от двувидовых глаголов и имеющих большое фонетическое и орфографическое сходство.

***Заполняя** (НСВ) мастикой, дефектные места **очищают**. **Заполнив** (СВ) раковины мастикой, исправленное место **заглаживают** (4: 138).*

Важны также **стратегии идентификации деепричастий**, образованных от **однокоренных глаголов**:

***Используя** (использовать, нсв) понятие потенциальной энергии, можно выразить условие равновесия механической системы и его устойчивости (15: 163). Ограничимся главным образом рассмотрением функциональных возможностей различных типов триггеров, **пользуясь** (пользоваться, нсв) их условными изображениями (10: 311). **Воспользовавшись** (воспользоваться, св) дистрибутивностью векторного произведения, представим момент силы F относительно точки O (14: 87).*

При этом иностранцам важно понимать смысловую разницу использования этих форм, предназначенных для описания либо одновременных, либо последовательных действий.

***Подставляя** (подставлять, нсв) выражения производных в формулы, **получим** равенство (13: 183) (одновр.). **Подставив** (подставить, св) значение комплексной проводимости в показательной форме, **получим** комплексное значение тока (10: 76) (последов.).*

Иностранцам также необходимо выработать понимание, что глагол-предикат и деепричастие часто не совпадают по виду и по времени, поскольку, в отличие от глагола, деепричастие не имеет собственного времени, а только поддерживает время, выражаемое основным смысловым глаголом в предложении. Поэтому следует выработать **стратегии определения времени, в котором происходят описываемые действия**.

***Изучая** же движение искусственного спутника, Землю **надо рассматривать** как протяжённое тело **(наст. вр.)**. В дальнейшем наряду с термином материальная точка мы **будем использовать** термин «частица», **подразумевая** при этом макроскопическую частицу **(буд. вр.)** (14: 12).*

Крайне важно тренировать **стратегии определения субъекта**, который последовательно или параллельно выполняет **оба действия**: одно, выраженное глаголом-предикатом, и второе, выраженное деепричастием. Необходимо информировать иностранцев, что часто в научно-техническом подстиле субъект бывает выражен абстрактным неодушевлённым существительным.

***Применение** (субъект) пускового реостата значительно **улучшает** пусковые условия асинхронного двигателя, **повышая** пусковой момент **и уменьшая** пусковой ток (10: 445).*

Кроме того, обнаружение субъекта действия в инженерных текстах осложнено большим количеством бессубъектных предложений, где грамматический субъект может присутствовать только гипотетически.

*Для доказательства (мы) **перепишем** систему, **пользуясь** определением операций со столбцами (3: 165) (одновр.).*

Поэтому необходимо информировать иностранных учащихся о том, что деепричастные обороты могут присоединяться **ко всем типам предложений**, характерных для инженерных текстов, включая доминирующие бессубъектные: инфинитивным, определённо-личным, неопределенно-личным и даже безличным.

***Приняв** во внимание связи детали с другими деталями и её служебные функции, **установить** основную и вспомогательные конструкторские базы (12:255) (инфинитивн.). **Построив** горизонтальную проекцию горизонтали **и определив** радиус вращения, **проводим** окружность (6: 100) (определенно-личн.). Толщину резиновой плёнки на ткани **регулируют**, **изменяя** зазор между валками каландра (18: 531л) (неопределённо-личн.). **Исследуя** (одновременное действие) движение Земли вокруг Солнца, **можно считать** Землю материальной точкой (14: 11) (безличн.).*

В традиционных учебниках по русскому языку утверждается, что деепричастный оборот не может быть присоединён к безличному предложению, в то время как в текстах некоторых узкопрофильных инженерных дисциплин этот вариант крайне распространён. Доказано [2; 4], что спецификой именно инженерно-технического подстиля являются безличные предложения с деепричастными оборотами, в отличие от языка общего владения.

*В ряде случаев, также **опираясь** на данные справочной литературы, **можно** без использования эмпирических формул **определять** непосредственно по таблицам значения режимов резания (18: 331л). Чертёж детали **ре-***

***комендуется читать**, **переходя** от общих признаков к частным (5: 227)*

7. И последнее, что даётся иностранцам крайне трудно при чтении аутентичных текстов научного стиля, это понимание, что в русском языке одна и та же информация может быть оформлена на письме при помощи разных языковых средств (различных лексико-грамматических конструкций, включающих однокоренные слова), в общем синонимичных, но в частности отличающихся нюансами друг от друга.

*После определения линейного тока и фазного напряжения эквивалентного приёмника **можно найти** фазные токи всех приёмников (10: 113) (безличн.). **Найдём** скорость и ускорение точки (16: 105) (опр.-личн.).*

*На продольно-строгальных станках **можно** одновременно **проводить обработку** горизонтальной и вертикальной плоскостей. **Обработку проводят** специальной концевой фрезой. Пространственно-сложные поверхности **обрабатывают** на копировально-фрезерных полуавтоматах (18: 321п).*

Поэтому важным аспектом работы с иностранными учащимися является обучение их **стратегиям определения структур предложений и возможностям трансформаций** на всех уровнях: морфологическом, синтаксическом, стилистическом.

Как видим, все вышеперечисленные стратегии обучения чтению аутентичных текстов учебников по инженерным дисциплинам можно разделить на:

1) стратегии нахождения/обнаружения места какого-либо явления;
2) стратегии идентификации/распознавания какого-либо явления;
3) стратегии определения функции какого-либо явления;
4) стратегии сравнения/различения каких-либо явлений;
5) стратегии анализа, т. е. выделения составных и главной частей какого-либо явления;
6) стратегии мысленной подстановки какой-либо недостающей части явления;
7) стратегии возможной/невозможной трансформации какого-либо явления;
8) стратегии определения смысловой нагрузки какого-либо явления.

При этом очевидны прямые параллели с когнитивными стратегиями, необходимыми для освоения инженерной деятельности [2].

Для выработки вышеописанных стратегий учения, актуальных при обучении чтению аутентичных текстов учебников по дисциплинам инженерного профиля, был создан учебный комплекс «Русский язык для иностранных учащихся инженерного профиля: Лексика. Грамматика» [8; 9].

ПРИМЕЧАНИЕ

* После примеров в круглых скобках приводятся ссылки на проанализированные учебники по инженерным дисциплинам (см. список источников).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеева И. Б.* Иллюзии и реальность при обучении иностранцев научному стилю речи. // Цивилизация знаний: Проблемы и перспективы социальных коммуникаций: Тринадцатая Междунар. науч. конф. Москва, 20–21 апр. 2012 года, Российский Новый ун-т (РосНОУ). М., 2012. С. 146–148.

2. *Авдеева И. Б.* Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М., 2005.

3. *Авдеева И. Б.* Основные трудности при обучении иностранных учащихся чтению аутентичных текстов (научный стиль) // Междунар. образование и сотрудничество. М., 2012. С. 8–14.

4. *Васильева Т. В.* Отбор и описание лексико-грамматического материала: подъязыки специальности для иностранных учащихся инженерного профиля. Монография. М., 2005.

5. *Медведева И. Л.* Опора на внутреннюю форму слова при овладении иностранным языком // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992. С. 73–80.

6. *Медведева И. Л.* Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова. Тверь, 1999.

7. *Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.

8. Русский язык для иностранных учащихся инженерного профиля: лексика и грамматика. Рабочая тетрадь: В 4 ч. 16 вып. / Под ред. И. Б. Авдеевой. СПб., 2014.

9. Русский язык для иностранных учащихся инженерного профиля: лексика и грамматика. Ч. 5. Приложения: тесты, справочные матер. / Под ред. И. Б. Авдеевой. СПб., 2014.

10. *Филд Дж.* Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / Общ. ред. И. В. Журавлева. М., 2012.

11. *Greenberg J. H.* Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements // Universals of Language / Ed. by J. H. Greenberg. Cambridge, MA, 1966. P. 73–113.

12. *Krantz G.* Learning Vocabulary in a foreign language: A study of reading strategies // Acta Universitatis Gothoburgensis. Göteborg, 1991.

13. *Scholfield P.* Vocabulary reference works in foreign language learning // Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy / N. Schmitt, M. McCarthy. Cambridge, 1997. P. 279–302.

ИСТОЧНИКИ

1. *Александров А. В., Потапов В. Д., Державин Б. П.* Сопротивление материалов: учеб. для вузов. М., 2007.

2. *Артоболевский И. И.* Теория механизмов и машин. М., 1988.

3. *Беклемишев Д. В.* Курс аналитической геометрии и линейной алгебры. М., 1984.

4. *Борисов Ю. М. и др.* Электротехника. М., 1985.

5. Геометрическое черчение в инженерной графике: учеб. пособие / Г. В. Буланже, И. А. Гущин, В. А. Гончарова и др. М., 1999.

6. *Гордон В. О., Семенцов-Огиевский М. А.* Курс начертательной геометрии: учеб. пособие для втузов / Под ред. В. О. Гордона и Ю. Б. Иванова. М., 2000.

7. *Горшков А. Г., Трошин В. Н., Шалашилин В. И.* Сопротивление материалов: учеб. пособие. М., 2008.

8. *Добронрвов В. В., Никитин Н. Н., Дворников А. Л.* Курс теоретической механики: учеб. для вузов. М., 1974.

9. *Заславский Б. В.* Краткий курс сопротивления материалов: учеб. для авиационных специальностей вузов. М., 1986.

10. *Касаткин А. С.* Электротехника: учеб. для вузов. М., 2007.

11. *Колесников К. С.* Курс теоретической механики: учеб. для вузов. М., 2000.

12. Машиностроительное черчение: учеб. для студентов машиностроительных и приборостроительных специальностей вузов / Г. П. Вяткин, А. Н. Андреева, А. К. Болтухин и др.; под ред. Г. П. Вяткина. М., 1985.

13. *Пискунов Н. С.* Дифференциальное и интегральное исчисления: учеб. для втузов: В 2 т. Т. 1. М., 2000.

14. *Савельев И. В.* Курс физики: Учеб.: В 3 т. Т. 1: Механика. Молекулярная физика. М., 1989.

15. *Сивухин Д. В.* Общий курс физики. Механика. М., 1979.

16. *Тарг С. М.* Краткий курс теоретической механики: учеб. для втузов. М., 1995.

17. Теория механизмов и механика машин: учеб. для втузов / К. В. Фролов, С. А. Попов, А. К. Мусатов и др.; под ред. К. В. Фролова. М., 1998.

18. Технология конструкционных материалов: учеб. для студентов машиностроительных специальностей вузов / А. М. Дальский, Т. М. Барсукова, А. Ф. Вязов и др. М., 2005.

19. *Феофанов А. Н.* Основы машиностроительного черчения: учеб. пособие. М., 2007.

REFERENCES

1. Avdeyeva I. B. (2012) Illiuzii i real'nost' pri obuchenii inostrantsev nauchnomu stiliu rechi [Illusions and reality in the training of foreigners to the scientific style of speech]. In: Proceedings of the 13th International Conference *«Tsivilizatsiia znanii: Problemy i perspektivy sotsial'nykh kommunikatsii» [Civilization of knowledge: Problems and prospects of social communications]* (Moscow, April 20–21, 2012). Moscow, pp. 146–148. (in Russian)

2. Avdeyeva I. B. (2005) *Inzhenernaia kommunikatsiia kak samostoiatel'naia rechevaia kul'tura: kognitivnyi, professional'nyi i lingvisticheskii aspekty (teoriia i metodika obucheniia russkomu iazyku kak inostrannomu) [Communication engineering as an independent language culture: cognitive, professional and linguistic aspects (theory and methodology of the Russian as a foreign language teaching)]*. Moscow. (in Russian)

3. Avdeyeva I. B. (2012) Osnovnye trudnosti pri obuchenii inostrannykh uchashchikhsia chteniiu autentichnykh tekstov (nauchnyi stil') [The main difficulties in the foreign students teaching of reading of the authentic texts (scientific style)]. In: *Mezhdunarodnoe obrazovanie i sotrudnichestvo [International education and cooperation]*. Moscow, pp. 8–14. (in Russian)

4. Vasil'eva T. V. (2005) *Otbor i opisanie leksiko-grammaticheskogo materiala: pod"iazyki spetsial'nosti dlia inostrannykh uchashchikhsia inzhenernogo profilia. Monografiia [Selection and description of lexical and grammatical material: sublanguages of specialties for students of engineering profile. Monograph]*. Moscow. (in Russian)

5. Medvedeva I. L. (1992) Opora na vnutrenniuiu formu slova pri ovladenii inostrannym iazykom [Reliance on the internal form of the word in the foreign language acquisition]. In: *Slovo i tekst v psikholingvisticheskom aspekte [Word and text in psycholinguistic aspect]*. Tver, pp. 73–80. (in Russian)

6. Medvedeva I. L. (1999) *Psikholingvisticheskie aspekty funktsionirovaniia inoiazychnogo slova [Psycholinguistic aspects of the foreign language word]*. Tver. (in Russian)

7. Pumpianskii A. L. (1974) *Informatsionnaia rol' poriadka slov v nauchnoi i tekhnicheskoi literature [The information role of the word order in the scientific and technical literature]*. Moscow. (in Russian)

8. Avdeyeva I. B., ed. (2014) *Russkii iazyk dlia inostrannykh uchashchikhsia inzhenernogo profilia: leksika i grammatika. Rabochaia tetrad' [Russian language for foreign students of engineering profile: vocabulary and grammar. Workbook]*, in 4 parts, iss. 16. St. Petersburg (in Russian)

9. Avdeyeva I. B., ed. (2014) *Russkii iazyk dlia inostrannykh uchashchikhsia inzhenernogo profilia: leksika i grammatika [Russian language for foreign students of engineering profile: vocabulary and grammar]*, part 5. Prilozheniia: testy, spravochnye materialy [Application: tests, reference material]. St. Petersburg. (in Russian)

10. Fild Dzh. (2012) *Psikholingvistika: Kliuchevye kontsepty. Entsiklopediia terminov (s angliiskimi ekvivalentami) [Psycholinguistics: the Key concepts. Encyclopedia of terms (with English equivalents)]*. Moscow. (in Russian)

11. Greenberg J. H. (1966) Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements. In: Greenberg J. H., ed. *Universals of Language*. Cambridge, pp. 73–113. (in English)

12. Krantz G. (1991) Learning Vocabulary in a foreign language: A study of reading strategies. In: *Acta Universitatis Gothoburgensis*. Göteborg. (in English)

13. Scholfield P. (1997) Vocabulary reference works in foreign language learning. In: Schmitt N., McCarthy M. *Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy*. Cambridge, pp. 279–302. (in English)

А. В. Костин, Е. С. Антипина, О. В. Сапожникова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

ALEKSEY V. KOSTIN, ELENA S. ANTIPINA, OLGA V. SAPOGNIKOVA
LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF LITERARY TEXT BY FOREIGN AUDIENCE

Статья посвящена проблеме познания иностранными учащимися русской культуры. В ней предлагается технология интерпретации художественного текста как эффективный способ раскрытия его лингвокультурологического потенциала.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурологический потенциал художественного текста; лингвокультурологическая интерпретация; познавательная деятельность.

The article addresses the problem of Russian culture perception by foreign students, and offers the technology of a literary text interpretation as an effective way of its linguocultural potential disclosure.

Keywords: cultural linguistics; linguocultural potential of a literary text; linguocultural interpretation; perception activity.

Алексей Валерьевич Костин
Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой практического русского языка
► kostin.aleksey7@yandex.ru

Елена Сергеевна Антипина
Кандидат филологических наук, преподаватель
► antipina418@yandex.ru

Ольга Валерьевна Сапожникова
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры практического русского языка
► ol_sapozgnikova@mail.ru

Ивановский государственный университет
ул. Ермака, д. 39, г. Иваново, 153025, Россия

Aleksey V. Kostin, Elena S. Antipina, Olga V. Sapognikova
Ivanovo State University
39, ul. Ermaka, Ivanovo, 153025, Russia

Постижение русского менталитета, приобщение к русской культуре является одной из актуальных проблем в сфере обучения иностранных магистрантов в российских вузах. Ее решение определяет успешность овладения иностранными учащимися русским языком и способствует осознанию ими своей национально-культурной принадлежности и места в мировой культуре.

В лингводидактике применяются различные подходы, позволяющие иностранным студентам познавать русскую культуру. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в своих работах по лингвострановедению предложили и реализовали идею соизучения языка и культуры. С их точки зрения, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [1: 4]. Н. В. Кулибина создала методику работы с художественными текстами, обеспечивающую их восприятие и понимание инофонами, для решения страноведческих задач в процессе обучения русскому языку как иностранному. А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова, Е. И. Пассов разработали практическую методику межкультурного образования средствами РКИ, состоящую в непосредственном усвоении обучающимися модели русской культуры в процессе овладения русским языком как иностранным.

В последние годы все большую популярность приобретает лингвокультурологический подход, который дает возможность непосредственно познавать культуру через анализ фактов языка. Он успешно реализуется в исследованиях В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина, Ю. Е. Прохорова, Г. В. Токарева и других ученых, рассматривающих разные источники лингвокультурной информации как единицы, синтезирующие в себе элементы языка и культуры. Исследовательская парадигма лингвокультурологии открывает широкие перспективы в решении проблемы познания инофонами русской культуры.

Система профессиональной подготовки иностранных магистрантов-филологов в Ивановском государственном университете включает дисциплины лингвокультурологической направленности, развивающие умения и навыки выявления, постижения и использования информации о культуре и обеспечивающие готовность вести межкультурный диалог как в России, так и на родине. Одной из них является «Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста».

Цель данной дисциплины — создание условий для формирования у иностранных учащихся представлений о фактах русской культуры, вербально воплощенных в художественном тексте, через постижение его смысловой структуры и анализ ключевых слов, для приобретения умений творчески осмысливать информацию о культуре, выражая устно и письменно свое отношение к ней, а значит — для формирования индивидуальной картины мира магистрантов.

Лингвокультурологическая интерпретация основывается на рассмотрении художественного текста как феномена языка, речи и культуры, отражающего ментальность носителей языка и их национальную языковую картину мира, и предполагает выявление специфической информации — знаний, представлений, фактов, понятий, реалий, речевых формул, относящихся к конкретной культуре. Поэтому при лингвокультурологической интерпретации художественный текст понимается как «хранилище» информации, содержащее сведения о культуре народа, его быте и нравах.

Интерпретацией (от лат. *interpretatio* — ‘объяснение’) называется истолкование, трактовка, раскрытие смысла текста. Именно так понимают ее многие ученые, в частности К. А. Рогова [8], которая рассматривает интерпретацию как восприятие текста, то есть творческую деятельность читателя.

С точки зрения В. В. Красных, путь, который проходит читатель при восприятии текста, может быть представлен в виде следующей цепочки: физическое восприятие текста → понимание прямого «поверхностного» значения → соотнесение с контекстом (в широком смысле этого слова) → понимание «глубинного» значения → соотнесение с фоновыми знаниями → интеллектуально-эмоциональное восприятие текста → осознание смысла текста [3: 227]. Понимание, в свою очередь, есть процесс постижения целостного смысла текста и в то же время диалог между создателем произведения и читателем. Такой диалог предполагает несовпадение картин мира автора и интерпретатора, поскольку понимание любого художественного произведения обусловлено различными факторами, в том числе социально-психологическими и культурно-языковыми.

А. А. Потебня считает интерпретацию художественного текста не просто аналитическим процессом, но сотворчеством, требующим от читателя не только вдумчивости, точности, способности наблюдать, сопоставлять и делать выводы, но и творческой интуиции. Он писал: «Понимание есть повторение процесса творчества в измененном порядке» [7: 549].

В. А. Кухаренко определяет интерпретацию как «освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности» [4: 6]. Ученый справедливо замечает, что интерпретация текста — «это и процесс постижения произведения, и результат этого процесса, выражающийся в умении изложить свои наблюдения, пользуясь соответствующим метаязыком...» [Там же: 14].

Т. А. Павлишак утверждает, что лингвокультурологическая интерпретация «представ-

ляет собой самостоятельный вид исследования, одной из основных задач которого является разбор элементов художественного текста, имеющих культурный компонент значения, с целью раскрытия смысла текста и замысла автора» [6]. Она, по мнению ученого, напоминает лингвистический и литературоведческий анализ, но не повторяет их. Важное отличие между этими видами анализа Т. А. Павлишак видит в том, что «лингвокультурологическая интерпретация является, по сути, творческой деятельностью, поскольку направлена на создание нового текстового продукта, а обучение лингвокультурологической интерпретации представляет собой обучение творчеству, поскольку ориентирует на открытие для себя культуры через инофонный текст» [Там же].

Иными словами, интерпретация содействует развитию творческих способностей и требует таких коммуникативных и профессионально ориентированных умений, как осмысление и переработка лингвокультурной информации, продуцирование нового текста и других.

В процессе лингвокультурологической интерпретации художественный текст рассматривается с разных сторон. В. М. Шаклеин [11] считает, что в центре внимания исследователя оказывается прежде всего обусловленная культурой тематика текста с точки зрения его структуры (структурная сторона).

Лингвокультурологическому анализу подвергается также его содержательная сторона. Общеизвестно, что текст является информационной структурой, то есть несет информацию того или иного плана. По прагматическому назначению И. Р. Гальперин [2] предложил различать содержательно-фактуальную («передний план» текста), содержательно-подтекстовую («второй план») и содержательно-концептуальную (глубинный смысл) информацию текста. Наибольший интерес вызывает содержательно-концептуальная информация, так как она относится к основной идее, замыслу текста.

Кроме того, с позиций лингвокультурологии исследованию подвергается прагматическая сторона текста, поскольку для него характерна «пропаганда тех или иных идей», ориентация на целенаправленное управление читательским восприятием. Для реализации прагматических установок автор использует номинативные, изобразительно-выразительные ресурсы языка, аксиологические средства и стереотипы конкретного социума.

Лингвокультурологическая интерпретация осуществляется и на уровне языковой составляющей текста. Речь идет о лингвокультурологическом подходе к изучению отобранных для описания того или иного события языковых средств с точки зрения семантики, синтактики, прагматики.

В процессе лингвокультурологической интерпретации художественного текста необходимо учитывать тот факт, что этническая культура неоднородна. Согласно теории Н. И. Толстого, внутри единой национальной культуры сосуществует несколько основных пластов, каждый из которых имеет свой язык: первый из них элитарная, или «книжная», культура образованных слоев общества (формой ее языкового воплощения является литературный язык); второй — самый мощный пласт — народная, в основе своей, — крестьянская культура (ей соответствует язык фольклора, территориальные диалекты и говоры); между ними помещается промежуточный пласт, получивший название «третья культура» или «лубочная культура» (форма ее языкового выражения — городское просторечие) и, наконец, последний, во многом «фрагментарный и несамостоятельный пласт», — традиционно-профессиональная культура, проявляющаяся в профессиональных арго пастухов, пчеловодов, ткачей, торговцев, ремесленников и т. п. [10: 15–26]. Еще одним существенным звеном в «структуре культуры» были носители идиолекта. Представителями этой индивидуальной культуры являются отдельные личности, в народной культуре — знахари, колдуны, ворожеи, сказочники, а в культуре элитарной — писатели, художники, актеры [9: 17]. Предложенная ученым культурно-языковая парадигма имеет огромное практическое значение для реконструкции и изучения этнической культуры не только прошлого, но и настоящего, правда, в последнем случае она нуждается в некото-

рых уточнениях, связанных с уровнем развития современного общества. Теория Н. И. Толстого о стратовом характере этнических культур может стать методологической основой для лингвокультурологических изысканий учащихся.

Лингвокультурологическая интерпретация заключается в выявлении информации о фактах русской культуры через анализ детерминированности художественного текста действительностью, структуры художественного текста и плана-выражения (языковой стороны текста/языковых единиц, выбранных автором для воплощения творческого замысла) авторского восприятия мира, творческом истолковании данного текста.

Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста подразумевает работу с текстом как единицей культуры в коммуникативном, культуроведческом и мировоззренческом планах; способствует раскрытию лингвокультурологического потенциала текста и авторского замысла; ориентирована на понимание и интерпретацию как поверхностных, так и глубинных смыслов художественного текста; реализует аналитический и синтетический взгляд на текст; является одним из видов текстовой деятельности учащихся, в результате которой порождается новый текст на основе первичного; отличается оценочностью и эмоциональностью.

Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста позволяет, с одной стороны, работать со смыслами текста, обусловленными и объективной семантикой использованных языковых единиц, и экстралингвистическими факторами, в том числе семиотическими, с другой стороны, давать тексту оценку с определенной точки зрения, позволяя иностранцам открыть для себя неродную культуру.

Цель лингвокультурологической интерпретации художественного текста — выявить представления о фактах русской культуры, вербально воплощенные в художественном тексте, через постижение его смысловой структуры и анализ ключевых слов.

Лингвокультурологическая интерпретация текста рассматривается нами вслед за О. Н. Левушкиной [5] как вторичная коммуникативная деятельность и предполагает в качестве обязательных такие этапы, как:

Прогнозирующий этап:
- предугадывание содержания текста при первичном восприятии заголовка и эпиграфа.

Этап восприятия:
- чтение текста;
- осмысление прочитанного текста;
- эмоциональный отклик на текст.

Аналитический этап:
- анализ смысловой структуры текста;
- семантический анализ (работа с ключевыми словами текста);
- этнопсихолингвистический анализ;
- ассоциативный анализ;
- культурологический анализ (выявление культурных смыслов, заложенных в образных средствах текста).

Этап рефлексии, оценки:
- формулирование учащимися собственного представления о смыслах текста и о внетекстовой действительности.

Этап продуктивной деятельности:
- продуцирование текста, раскрывающего лингвокультурологический потенциал художественного произведения.

Прогнозирующий этап используется в том случае, если у текста есть заголовок и эпиграф. На этом этапе иностранные учащиеся, опираясь на заголовок и эпиграф, высказывают предположения о связи содержания текста с его языковым выражением и об обусловленных авторским замыслом фрагментах действительности, нашедших отражение в художественном тексте, а также выстраивают ассоциативные связи текста с внетекстовой действительностью.

На этапе восприятия иностранные учащиеся читают текст, формулируют его тему, идею и описывают свое эмоциональное восприятие при первичном знакомстве с ним.

На аналитическом этапе используются разные виды анализа художественного текста для выявления его смысла и получения сведений о фактах культуры.

Анализ смысловой структуры предполагает деление художественного текста на композиционные части с целью постижения его смысла. Смысловая структура текста анализируется с учетом наличия объективного смысла, обусловленного фактуальной информацией, и субъек-

тивных смыслов, порожденных субъективным восприятием.

Семантический анализ основывается на работе с ключевыми словами, которые служат пониманию текста и являются средством его интерпретации. Ключевые слова рассматриваются как источник сведений о культуре. Их анализ позволяет обнаружить связь содержания текста с его языковым воплощением, помогает понять культурную значимость текста и увидеть его детерминированность действительностью.

Этнопсихолингвистический анализ текста предполагает выявление иностранными учащимися этнокультурной обусловленности мировосприятия героев, их поведения и речи.

Ассоциативный анализ текста — это рассмотрение ассоциативных связей ключевых слов для постижения его смысла и выявления фоновых знаний.

Культурологический анализ текста направлен на выявление культурных смыслов, заложенных в его образных средствах. Именно этот вид анализа позволяет переосмыслить ключевые слова как образы или символы. В ходе анализа выявляются национально-культурные составляющие значений слов, комментируются культурные смыслы использованных в тексте фразеологизмов и символов.

Каждый вид анализа на аналитическом этапе обеспечивает все более глубокое погружение иностранных учащихся в содержание текста, многообразие его смыслов и позволяет делать выводы о его лингвокультурологическом потенциале.

Синтез полученной на аналитическом этапе информации создает базу для осознания текста как единицы языка, речи и культуры и обеспечивает объективность его интерпретации.

На этапе рефлексии, оценки иностранные учащиеся формулируют собственное представление о лингвокультурологическом потенциале рассматриваемого текста, продолжают приобщаться к русской системе ценностей. При этом у них складывается определенное впечатление о содержании прочитанного текста.

На этапе продуктивной деятельности иностранные учащиеся пишут сочинение-рассуждение, в котором раскрывается лингвокультурологический потенциал художественного текста.

Интерпретация текста отличается от его устного или письменного изложения тем, что содержит не пересказ, а индивидуальное толкование его смыслов. Интерпретация является ключевым этапом творческой деятельности иностранных учащихся на основе текста и представляет собой сложный процесс. Иностранные учащиеся, интерпретируя чужой текст, должны сначала обратиться к мысли, заключенной в тексте, понять авторский замысел, а затем выразить, сформулировать собственную мысль на основе авторской.

Названные этапы учебной деятельности составляют содержание лингвокультурологической интерпретации художественного текста. Рассмотрим последовательность лингвокультурологической интерпретации применительно к рассказу И. А. Бунина «Русь».

Старуха приехала в Москву издалека. Свой северный край называет Русью. Большая, бокастая, ходит в валенках, в теплой стеганной безрукавке. Лицо крупное, желтоглазое, в космах толстых седых волос, — лицо восемнадцатого века.

Спросил ее как-то:

— А сколько вам лет будет?

— Семьдесят семь, господин милый.

— А вы, дай Бог не сглазить, еще совсем хоть куда!

— А что ж мне? Это года не велики. Наш родитель до ста лет дожил.

Чаю она не пьет, сахару не ест. Пьет горячую воду с черным хлебом, с селедкой или солеными огурцами.

— Вы никогда, небось, не хворали?

— Нет, трясовица была на мне, порча на мне была. Мужа страшилась: как он ко мне с любовным чувством, меня и начинало трясти, корежить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно из ее любимых. Про большевиков говорит очень строго:

— Не смеют они так про Бога говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!

Ее рассказы о родине величавы. Леса там темны, дремучи. Снега выше вековых сосен. Бабы, мужики шибко едут в лубяных санках, на кубастых лохматых коньках, все в лазоревых, крашеных тулупах со стоячими аршинными воротами из жесткого псиного меху и в таких же шапках. Морозы грудь насквозь прожигают. Солнце на закате играет как в сказке: то блещет лиловым, то кумачовым, а то все кругом рядит в золото или зелень. Звезды ночью — в лебяжье яйцо.

(1930 г.)

Последовательность лингвокультурологической интерпретации

Прогнозирующий этап

Вопросы и задания:

1. Прочитайте название рассказа И. А. Бунина и выскажите ваши предположения о его содержании.

1.1. Предположите по названию, о чем этот текст.

1.2. Скажите, какие ассоциации возникают у вас при прочтении заголовка.

1.3. Сопоставьте свои предположения с данными ассоциативных словарей русского языка.

1.4. Назовите тему рассказа по его названию.

2. Скажите, на какие факты культуры указывает слово *Русь*, использованное в названии.

2.1. Скажите, что обозначает слово *Русь*. Сопоставьте свои выводы с данными толковых, лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей русского языка.

2.2. Скажите, какие этнические знания заключены в слове *Русь*.

Этап восприятия

Вопросы и задания:

1. Прочитайте рассказ. Сформулируйте тему рассказа после его прочтения.

2. Скажите, о чем вас заставляет задуматься рассказ. Сформулируйте его идею.

3. Какие чувства вызывает у вас этот текст?

Аналитический этап

Вопросы и задания:

1. Разделите текст на смысловые части, определите тему каждой из них.

2. Назовите и охарактеризуйте главных героев рассказа и прокомментируйте их принадлежность к этнической культуре.

2.1. Скажите, почему у героев рассказа нет имен.

2.2. Назовите социальные роли героев.

2.3. Определите, носителями какой культуры по теории Н. И. Толстого (народной, элитарной или др.) они являются. Скажите, почему вы так считаете.

2.4. Выпишите из текста языковые средства, которые характеризуют внешний облик главной героини и ее душевные качества. Почему в рассказе речь идет не о Руси, а о старухе, с которой беседует герой-рассказчик? Скажите, почему автор наделяет ее именно такими чертами. Скажите, как он к ней относится.

2.5. Объясните поведение героини с точки зрения обусловленности национальной культурой и менталитетом. Скажите, каковы ее представления о жизни. Можно ли ее считать суеверным человеком? Почему? Назовите, какие народные представления и суеверия нашли отражение в рассказе. В чем смысл выражений: *дай Бог не сглазить* и *трясовица была на мне, порча на мне была*? Типично ли такое поведение героини для представителя русской культуры?

2.6. Охарактеризуйте язык главной героини. Почему, как замечает герой-рассказчик, слово *сжечь* — одно из ее любимых? Объясните, почему он говорит на языке главной героини?

2.7. Опишите, какие чувства вызывает у вас героиня. Объясните, почему.

3. Охарактеризуйте события и ситуации, участницей которых становится героиня текста.

3.1. Найдите в тексте слова и выражения, которые указывают на место действия (в частности, прежнее место жительства героини). Предположите, почему героиня с севера оказалась в Москве. Объясните, почему автор выбрал именно это место действия.

3.2. Найдите в тексте слова и выражения, которые указывают на время действия. Назовите эпоху, когда происходят события, упомянутые в тексте. Вспомните из истории, чем характеризуется эта эпоха. Объясните, почему автор выбрал именно это время действия для раскрытия своего идейного замысла.

3.3. Опишите, как складываются взаимоотношения участников ситуаций, упомянутых в тексте. Происходят ли между ними конфликты? Если да, то почему?

3.4. Объясните, значимы ли эти события и ситуации с точки зрения национальной культуры. Типичны они или нет? Выскажите предположения о том, могли ли такие события произойти в вашей стране. Почему вы так считаете?

4. Укажите, в какое время было написано данное художественное произведение.

4.1. Кратко охарактеризуйте эпоху создания художественного произведения.

4.2. Укажите, как отразились в тексте реалии того времени.

5. Выявите путем буквального прочтения текста прототипические ситуации, положенные в основу рассказа.

5.1. Опишите эти ситуации реальной действительности (место, время, участники, социальные роли участников, взаимоотношения между ними).

5.2. Объясните поведение участников ситуаций с точки зрения русского мировосприятия.

6. Проанализируйте ключевые слова текста, выявив его связь с этнической культурой.

6.1. Выпишите из текста лексемы и словосочетания, которые являются наиболее употребительными в речи героев.

6.2. Укажите лексемы, с которыми сочетаются наиболее употребительные слова в тексте.

6.3. Проанализируете синонимические и антонимические отношения ключевых слов в пределах текста.

6.4. Назовите основные тематические группы, в которые можно объединить наиболее употребительные слова текста.

6.5. Найдите в тексте и прокомментируйте слова, характеризующие образ жизни русского человека.

Обращайтесь при этом к лингвострановедческим и лингвокультурологическим словарям, а также к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля.

6.6. Обратившись к ключевым словам, выявите в тексте образы и символы, раскройте их содержание. Сопоставьте свои выводы с данными словарей символов. Объясните, почему автор использует именно эти образы и символы для реализации своего идейного замысла.

6.7. Объясните, как эти образы и символы обусловлены познавательным опытом русского народа. Укажите, к каким знаниям о мире и ценностным установкам русских отсылают эти образы и символы. Опирайтесь при этом на данные лингвострановедческих словарей. Сделайте выводы о традиционных ценностях русской культуры.

6.8. Укажите, есть ли такие образы и символы (или подобные им) в культуре вашей страны.

Этап рефлексии, оценки

Вопросы и задания:

1. Объясните, почему текст назван именно так. Как бы вы его озаглавили и почему?

2. Сформулируйте впечатление о содержании прочитанного текста.

Этап продуктивной деятельности

Задание:

Напишите сочинение-рассуждение на тему: «Представления о России и русском человеке в рассказе И. А. Бунина „Русь“». В сочинении нужно раскрыть отношение автора к главной героине, символизирующей Россию и русский народ.

Использование рассмотренной последовательности лингвокультурологической интерпретации художественного текста в учебном процессе содействует формированию умений, навыков и способностей, необходимых для осуществления самостоятельной интерпретационной деятельности.

Таким образом, предлагаемая нами технология лингвокультурологической интерпретации художественного текста может служить средством организации познавательной и речемыслительной деятельности иностранных учащихся и в то же время выступать в качестве «инструмента постижения» смысла художественного текста, выявления содержащейся в нем информации о культуре. Иными словами, она становится ключом, открывающим иностранному учащемуся дверь в русское культурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.

3. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.

4. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. М., 1988.

5. *Левушкина О. Н.* Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2014.

6. *Павлишак Т. А.* Обучение лингвокультурологической интерпретации в процессе профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка // Язык и текст langpsy.ru. 2014. № 2. URL: http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml.

7. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

8. *Рогова К. А.* Интерпретация современного художественного текста (лингвистический аспект) // Glossos, The Slavic and East European Language Resource Center: Issue 2, Winter, 2002.

9. *Толстой Н. И.* Избр. тр.: В 2 т. М., 1998.

10. *Толстой Н. И.* Славянские верования // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 15–26.

11. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурология: традиции и инновации. М., 2012.

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (1990) *Iazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo [Language and culture: linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]*. Moscow. (in Russian)

2. Gal'perin I. R. (2007) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [The text as object of linguistic research]*. Moscow. (in Russian)

3. Krasnykh V. V. (1998) *Virtual'naia real'nost' ili real'naia virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiia) [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communication)]*. Moscow. (in Russian)

4. Kukharenko V. A. (1988) *Interpretatsiia teksta [The interpretation of the text]*. Moscow. (in Russian)

5. Levushkina O. N. (2014) *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki teksta v shkol'nom obuchenii russkomu iazyku: teoriia i praktika [Linguistic and cultural features of a text in a school teaching the Russian language: theory and practice]* (Doctor's Thesis, Pedagogy). Moscow, Moscow Pedagogical State University. (in Russian)

6. Pavlishak T. A. (2014) Obuchenie lingvokul'turologicheskoi interpretatsii v protsesse professional'noi podgotovki prepodavatelia inostrannogo iazyka [Teaching of the linguistic and cultural interpretations in the process of professional training of foreign language teacher]. *Iazyk i tekst [Language and text]*, no. 2. Available at: http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml. (accessed 10.04.2017) (in Russian)

7. Potebnia A. A. (1976) Iz lektsii po teorii slovesnosti [From lectures on theory of literature]. In: Potebnia A. A. *Estetika i poetika [Aesthetics and poetics]*. Moscow. (in Russian)

8. Rogova K. A. (2002) Interpretatsiia sovremennogo khudozhestvennogo teksta (lingvisticheskii aspekt) [The interpretation of a modern literary text (the linguistic aspect)]. *Glossos, The Slavic and East European Language Resource Center*, iss. 2, Winter. (in Russian)

9. Tolstoi N. I. (1998) *Izbrannye trudy [Selected works]*, in 2 vols. Moscow. (in Russian)

10. Tolstoi N. I. (1995) Slavianskie verovaniia [Slavic beliefs]. In: *Slavianskaia mifologiia. Entsiklopedicheskii slovar' [The Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]*. Moscow, pp. 15–26. (in Russian)

11. Shaklein V. M. (2012) *Lingvokul'turologiia: traditsii i innovatsii [Cultural linguistics: traditions and innovations]*. Moscow. (in Russian)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА: ХРОНИКА ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

TWENTY YEARS AS A REFERENCE POINT:
THE CHRONICLE OF RUSSIAN RHETORIC ASSOCIATION JUBILEE CONFERENCE

(Продолжение на с. 105, 111, 114)

1–3 февраля 2017 года в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина состоялась XXI Международная конференции Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики, приуроченная к 20-летию создания Ассоциации. Многим участникам памятны январские дни 1997 года, когда в МГУ имени М. В. Ломоносова собрались инициаторы возрождения и развития риторики в нашей стране — именно тогда было принято решение о создании Риторической ассоциации, подготовлен внушительный сборник статей, обсужден широкий спектр научных и педагогических вопросов, связанных с перспективами развития риторики и культуры речи. Среди основателей Ассоциации, вошедших в состав ее Совета, были известные ученые: Ю. В. Рождественский, Н. М. Шанский, Т. А. Ладыженская, О. Б. Сиротинина, Л. К. Граудина, А. П. Сковородников, С. Ф. Иванова, С. А. Минеева, А. К. Михальская, А. А. Волков и др. Сегодня можно с уверенностью сказать, что импульс, данный двадцатилетие назад нашими авторитетными коллегами, принес значительные результаты.

Конференция на тему «Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике» не только подвела итоги научной и педагогической деятельности риторов России, что делается ежегодно на конференциях Ассоциации, но и наметила пути напряженной и непростой работы, которую предстоит сделать коллегам-русистам, ответственным за развитие риторики как науки и искусства убедительной и эффективной речи. В приветственных словах риторам России коллеги справедливо говорили об итогах деятельности Ассоциации, которыми являются возрождение и развитие риторики как науки и учебного предмета в вузах и школах России, утверждение интереса к грамотной и хорошей речи в разных областях общественной и профессиональной жизни, совершенствование разных форм пропаганды и борьбы за культуру русской речи. Впрочем, на фоне праздничных речей, конечно, не забывалось о проблемах и перспективах, ради которых и собираются риторы России на ежегодные форумы.

Высокую оценку деятельности Ассоциации высказала в приветственном слове ректор Гос. института русского языка имени А. С. Пушкина М. Н. Русецкая, которая не только одобрила деятельность Риторической ассоциации по распространению риторики и культуры речи в российском образовательном пространстве, но и сделала ряд перспективных предложений. В частности, специалисты Института Пушкина в сотрудничестве с коллегами из других организаций намерены создать Школу русского слова, которая занималась бы рас-

---

1 по 11 февраля 2017 года в Санкт-Петербургском государственном университете на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания силами участников научной школы анализа текста, уже более 25 лет осуществляющей свои исследования, была проведена дополнительная образовательная профессиональная программа «Текст — объект языка, речи, коммуникативно ориентированного обучения русскому языку как родному и как иностранному», которая имела целью сфокусировать внимание слушателей на достижениях современной науки о языке, осмыслить их прикладное значение и определить конкретные пути их эффективного внедрения в практику преподавания русского языка.

Программа, проводившаяся впервые и с отрывом от основной работы на 10 дней, до предела заполненных напряжённым трудом, сразу же привлекла внимание коллег из университетов России, Австрии, Китая, Латвии, Чехии, причём как магистров, аспирантов или начинающих преподавателей, так и доцентов и профессоров с немалым опытом деятельности в сфере РКИ.

Чем же эта программа заинтересовала столь разный контингент слушателей? Думается, прежде всего, своей интенсивностью и нацеленностью на соединение теории с практикой, нашедшей отражение в разнообразии форм проведения занятий, где лекции, представляющие базовые теоретические установки, сменялись обсуждением основополагающих фрагментов научных трудов на семинарах, затем следовали мастер-классы, демонстрирующие реализацию теории в педагогическом мастерстве, и практические занятия, оттачивающие навыки анализа текстов учащимися с целью использования их в обучении. Всё это стимулировало лингвометодическую мысль слушателей и выливалось в плодотворный обмен мнениями в исследовательских группах, где слушатели под патронатом своих научных руководителей разрабатывали и готовили к защите перед комиссией собственные коллективные проекты, выявляющие лингвометодический потенциал текстов определенного типа и актуальной тематики. Основные результаты работы двух таких групп публикует сегодня «Мир русского слова».

Т. Б. Авлова, Т. В. Бурова, М. Г. Добровольская,
С. А. Карташева, Л. В. Московкин, И. В. Реброва

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИКОДОВОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ «АНАТОМИЯ ПЕТЕРБУРГА»)

TATIANA B. AVLOVA, TATIANA V. BUROVA, MARINA G. DOBROVOLSKAYA,
SVETLANA A. KARTASHEVA, LEONID V. MOSKOVKIN, IRINA V. REBROVA

THE LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE POLYCODE PUBLICISTIC TEXT: AS EXEMPLIFIED IN "THE ANATOMY OF ST. PETERSBURG" TEXTS

Татьяна Борисовна Авлова
Кандидат педагогических наук, доцент
► t.avlova@spbu.ru
Татьяна Владимировна Бурова
Преподаватель
► t.uchaikina@mail.ru
Светлана Андреевна Карташева
Преподаватель факультета политологии
► avrets@yandex.ru
Леонид Викторович Московкин
Доктор педагогических наук, профессор
► moskovkin.leonid@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
Марина Георгиевна Добровольская
Кандидат педагогических наук, доцент
МГИМО Университет
Вернадского проспект, 76, Москва, 119454, Россия
► marindo14@yandex.ru
Ирина Витальевна Реброва
Кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель
Зальцбургский государственный университет
► irina.rebrova@sbg.ac.at, jrrem@mail.ru

Tatiana B. Avlova, Tatiana V. Burova, Svetlana A. Kartasheva, Leonid V. Moskovkin
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
Marina G. Dobrovolskaya
MGIMO University
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
Irina V. Rebrova
Salzburg State University
1, Erzabt-Klotz-Str., 5020 Austria, Salzburg

В статье рассматривается лингвометодический потенциал поликодовых публицистических текстов О. Приваловой и Ф. Шумилова «Анатомия Петербурга. Как устроен город». Предлагаются варианты работы с текстом «Нева — почти магистраль» в группах иностранных учащихся с разным уровнем владения русским языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика обучения, поликодовый текст, речевые жанры, система заданий.

The article deals with the questions of linguistic and methodological potential of the O. Privalova and F. Shumilov's polycode "The Anatomy of St. Petersburg" texts, and offers some variants of the work with the polycode text "Neva is Almost a Highway" in the groups of foreign students with different levels of Russian language proficiency.

Keywords: Russian as a foreign language, methods of teaching; polycode text; speech genres; system of tasks.

Поликодовый текст — это текст, включающий вербальные и невербальные (изобразительные) компоненты. Под невербальными компонентами понимаются рисунки, схемы, знаки, символы, таблицы, шрифт, которые в своем единстве усиливают воспринимаемость текста и его коммуникативную функцию. Поликодовые тексты широко представлены в интернет-пространстве и в отдельных печатных СМИ, и в силу этого могут быть интересны как учебный материал для иностранных учащихся, изучающих русский язык.

Поликодовые тексты исследуются лингвистами [7; 2; 5; 3; 9; 6], однако научных трудов об их использовании в процессе обучения немного (одна из интересных методических работ — [10]). В данной статье будут описаны варианты работы с поликодовым публицистическим текстом при обучении русскому языку разных категорий иностранных учащихся.

Материалом исследования послужили поликодовые тексты сотрудников студии инфографики «Паровоз» Ольги Приваловой и Федора Шумилова, представленные в книге «Анатомия Петербурга. Как устроен город» [1], а также в одноименных рубриках на интернет-сайте http://piters.in/ap и в журнале «Город 812». Выбор именно этих текстов был обусловлен тем, что тема «Город» изучается на всех этапах обучения русскому языку как иностранному и включена в требования ко всем уровням владения русским языком.

Для отбора учебных текстов необходимо было выделить наиболее типичные черты фрейма «город», что потребовало обращения к материалам толковых и ассоциативных словарей. Анализ словарной статьи «город» в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [4] и в «Русском сопоставительном ассоциативном словаре» [8] позволил установить, что фрейм «город» может быть представлен следующими слотами: расположение в пространстве, культура, торговля, транспорт, население, тип горожанина (житель города, известные люди этого города), достопримечательности, символы города (гимн, герб), еда (особенности кухни).

Именно эти наиболее типичные черты фрейма «город» стали основными ориентирами для отбора текстов цикла «Анатомия Петербурга». Они позволили отобрать тридцать поликодовых текстов, в которых представлена информация об истории города, гимне, горожанах как о собирательном образе петербуржца, так и конкретных жителях Петербурга, о символах и мифах, транспорте, достопримечательностях, типичных блюдах. Все эти тексты можно рассматривать как особый дискурс, за которым встают общие представления и оценки, хранящиеся в когнитивной базе жителей Санкт-Петербурга, общий язык (в том числе и невербальный) и три общие композиционные составляющие: название цикла текстов «Анатомия Петербурга», исходящий номер, логотип студии инфографики «Паровоз».

Анализ текстов «Анатомия Петербурга» показал, что они содержат типичные элементы публицистического стиля: социальную оценочность (*самый респектабельный, прекрасная и вредная еда);* номинативные конструкции (*номинации знаковых объектов Петербурга)*; метафорические и оценочные названия (*народный символ с дыркой)*; высказывания известных людей (например, В. М. Матвиенко о пышках как типично петербургском феномене); прецедентные феномены (*«Нос», «Караул устал», «Мойдодыр»*), в том числе и трансформированные (*«Сообразили на троих»).*

В корпусе отобранных текстов были выделены вторичные речевые жанры, цель которых проинформировать, рассказать об исторических фактах и событиях, объяснить городские феномены, проинструктировать жителей и туристов, а также аргументировать определённую позицию. Интенции, выявляющиеся в текстах, свидетельствуют о соединении в их структуре различных вторичных речевых жанров, представленных в форме функционально-смысловых типов речи.

В текстах присутствуют все функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, объяснение, аргументация, инструкция), при этом было установлено, что преобладание какого-либо из них связано с темой текста и определённым слотом фрейма «город». Описание в большей степени характерно для такой семантической зоны, как достопримечательности, а также для типичного представления петербургских номинаций *(пышка).* Для последнего характерно и объяснение, так как приводятся дефиниции определённых типично петербургских номинаций.

При представлении в тексте исторических событий и людей, которые имеют к ним непосредственное отношение, основными речевыми жанрами наряду с описанием выступают также повествование и объяснение. В текстах встречается и речевой жанр инструкции, например: «Как заработать на ностальгии» в тексте о пышке.

Обратимся к поликодовому тексту «Нева — почти магистраль» (рис.). Он содержит несколько дескриптивных фрагментов. Один из них выражен невербальными средствами и представлен в виде схемы маршрута, включающего одновременно все водные артерии Санкт-Петербурга и главные мосты через Неву. Таким образом, из текста вычитываются все знаки водного пространства Петербурга:

> *Нева — Благовещенский мост — Адмиралтейский канал — Троицкий мост — Дворцовый мост — Крюков канал — Лебежья — Зимняя канавка — канал Грибоедова — Мойка — Прачечный мост — Пантелеймоновский мост — Фонарный мост — Фонтанка.*

Эта схема актуализирует известное представление о Петербурге как о городе на Неве и о Северной Венеции, наполненной реками, каналами, канавками. Вторичные номинации *город на Неве* и *Северная Венеция* в текстовом пространстве не вербализуются, так как представи-

тели русского лингвокультурного пространства хорошо знают эти названия города.

Описание соединяется с объяснением:

По этой схеме движутся по Петербургу сегодня самые многочисленные суда — маломерные. Для жителя Петербурга так выглядит карта города: улицы ему не важны.

В тексте присутствуют и другие примеры невербального описания: картина П. П. Верещагина «*Вид на набережную Невы у Академии художеств летним днём. 1870-е гг.*» и изображения речных судов.

Выявлены элементы повествования:

Власти города давно пытаются внедрить в городе регулярный общественный водный транспорт. Летом 2008 г. были запущены две экспериментальные речные линии: с Елагина острова к Медного всаднику и обратно, а также до Кронштадта и Ломоносова. В нынешнем году проект приостановлен.

В тексте можно найти ещё один пример объяснения, в котором даётся дефиниция водным экскурсиям (модель *что — это что*):

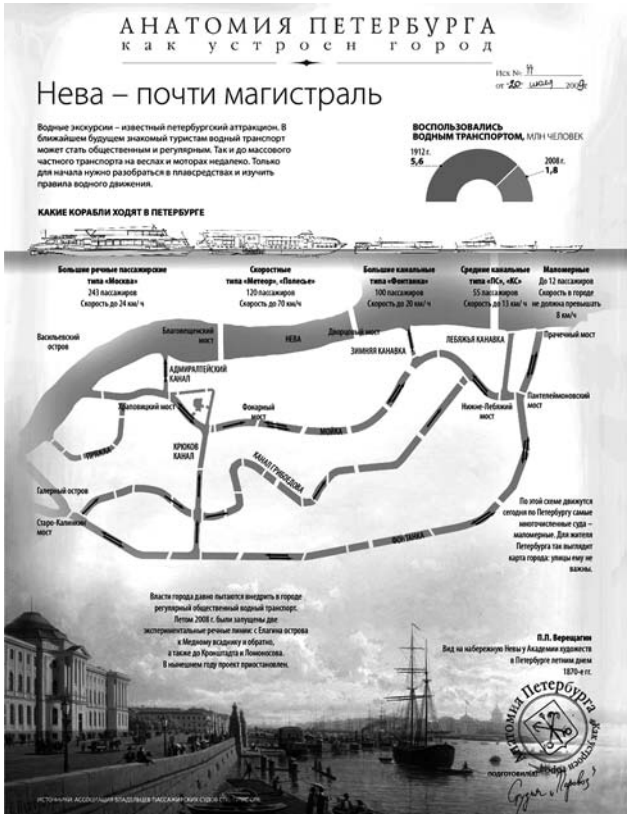


Рис. Поликодовый текст «Нева — почти магистраль».

Водные экскурсии — известный петербургский аттракцион. В ближайшем будущем знакомый туристам водный транспорт может стать общественным и регулярным. Так и до массового частного транспорта на веслах и моторах недалеко. Только для начала нужно разобраться в плавсредствах и изучить правила водного движения.

В этом фрагменте дается информация о фактах, которая может быть преобразована в цепочку последовательных нарративных событий: *водный транспорт станет общественным, а затем появится частный транспорт на вёслах и моторах*. Последняя фраза этого фрагмента представляет собой инструкцию.

Наличие диаграммы позволяет читателю самому сделать вывод об истории водного транспорта в Петербурге. Факты, которые даны в диаграмме, становятся аргументами за или против такого вида транспорта:

Воспользовались водным транспортом в 1912 году 5,6 млн человек, а в 2008 году — 1,8 млн человек.

Таким образом, текст «Нева — почти магистраль» соединяет различные семиотические средства: язык живописи, буквенное выражение, графическое изображение, а также рисунки речных судов. Но при этом он сохраняет все функционально-смысловые типы речи, вторичные речевые жанры, синтезируя их в единое целое.

Данные анализа этого текста учитывались при составлении учебных заданий для иностранных учащихся. Представим возможные варианты заданий по работе с текстом «Нева — почти магистраль» для разных уровней владения русским языком.

Уровни А1, А2

Предтекстовые задания:

1.Посмотрите на картинку и скажите, что вы видите.

2. Вы знаете слова: ***река, канал,*** *... ?*

Притекстовые задания:

Читая текст, подчеркните слова, относящиеся к теме «река».

Послетекстовые вопросы:

Как называется главная река Петербурга?
Какие ещё реки есть в Петербурге?
Какие мосты в Петербурге вы знаете?
Какие каналы в Петербурге вы знаете?

Таким образом, проанализированный выше текст о Неве как о водной магистрали может быть сведён только к описанию и редуцирован до вопросов по моделям *что есть где, что находится где*. На уровне А2 можно попросить студентов после анализа схемы, которая обозначает водные артерии Петербурга, составить связный рассказ с использованием глаголов движения со значением совершенного вида: *Вы вышли из дома и пошли по Фонтанке. Сначала вы зашли в ..., затем сели на корабль и поплыли...*

Уровень В1

Предтекстовые задания

1. Прочитайте название текста и скажите, о чем, по вашему мнению, может в нем пойти речь.

2. Обратите внимание на схему и скажите, какие реки и мосты Санкт-Петербурга вам знакомы.

3. Что изображено в нижней части этого текста? Были ли вы в этом месте?

Притекстовые задания

1. Разделитесь на группы и прочитайте разные фрагменты текста.

2. Разделите текст на смысловые блоки. Для каждого смыслового блока подберите вопрос, на который он отвечает.

Послетекстовые задания

1. Обменяйтесь информацией о том, что вы узнали о Неве, речных судах и водном транспорте в Петербурге.

2. Расскажите (напишите) своему другу, который никогда не был в Петербурге, как можно передвигаться по городу.

3. Подготовьте рассказ о водном транспорте в вашей стране/в вашем городе.

Поликодовый текст «Нева — почти магистраль» будет интересен студентам инженерного профиля, чья будущая профессия связана с судостроением. В зависимости от уровня студентов и их будущей специальности можно использовать более сложные вопросы и задания, которые касаются описания речных судов и их технических характеристик:

1. Посмотрите на картинку и скажите, какие речные суда ходят по рекам и каналам в Санкт-Петербурге.

2. Дайте их технические характеристики.

3. С какой скоростью передвигаются эти суда по городу?

4. Как вы думаете, какие плавсредства оптимальны для передвижения в водном пространстве города?

Диаграммы, включенные в поликодовый текст, могут быть использованы как материал для продуцирования собственного текста с элементами аргументации. Они содержат статистические данные и изображения, которые позволяют студенту формулировать своё собственное мнение и отстаивать его. На уровне В2 они могут быть важной частью подготовки к ролевой игре. На уровне С1 студенты способны устанавливать ассоциативные связи и гиперсвязи между различными визуальными фрагментами текста, что позволяет им понять глубинную структуру текста для написания эссе и проведения дискуссии на одну из социально-значимых тем: «Стоит ли возрождать водный транспорт?», «Решит ли водный транспорт проблему пробок в современном мегаполисе?», «Возможен ли водный транспорт в современном мегаполисе?» и пр. Можно предложить следующие задания, развивающие речевые умения студентов.

1. Вам предлагается принять участие в обсуждении социально значимой проблемы «Возможен ли водный транспорт в современном мегаполисе?». В ходе дискуссии вам нужно будет не только высказать, но и отстоять свою точку зрения. Посмотрите на диаграмму. Подумайте, для каких аргументов вы можете её использовать.

2. Напишите эссе о водном транспорте и необходимости его использования в современной инфраструктуре мегаполиса. Выскажите свою точку зрения и используйте аргументы. Пользуйтесь материалами диаграммы.

Более сложные задания могут быть предложены студентам-филологам (уровни С1 и С2).

1. Определите стратегическую задачу автора и объясните, с помощью каких тактических приемов он ее решает?

2. Отметьте приемы организации текста (построение начального фрагмента, взаимодействие точек зрения, способ развития мысли — от общего к частному, от частного к общему, использование контраста, цитация, вводные слова, риторические вопросы и т. д.) и особенности выбора слов (выразительные средства, прежде всего метафору и гиперболу, вкрапления разговорного стиля, показательные для понимания авторской точки зрения номинации, оценочные слова).

3. Найдите в тексте примеры описания, повествования, объяснения, аргументации, инструкции. Какие языковые средства позволяют нам отнести фрагменты этого текста к указанным функционально-смысловым типам речи?

Как показывают примеры заданий, поликодовые тексты могут использоваться как на на-

чальном, так и на продвинутом этапе обучения, при работе как с филологами, так и с нефилологами. Работа с ними может быть направлена на развитие речевых умений учащихся, расширение страноведческих и краеведческих знаний, формирование умения самостоятельно работать с поликодовым текстом, включая и умение искать необходимую внетекстовую информацию в других источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анатомия Петербурга. Как устроен город. Коллекция заблуждений. СПб., 2016.

2. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на матер. креолизованных текстов). М., 2003.

3. *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2008. № 4 (63). С. 19–24.

4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

5. *Добросклонская Т. Г.* Медиатекст: теория и методы изучения // Вестн. Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28–35.

6. *Рогова К. А.* Лингвистический аспект креолизованного текста. Ю. Рост «Групповой портрет на фоне века» // Русский язык за рубежом. 2012. № 3. С. 54–61.

7. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.

8. *Черкасова Г. А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. Электронный словарь. М., 2008. URL: http://it-claim.ru/Projects/ ASIS/RSPAS/zapusk.htm

9. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

10. *Чичерина Н. В.* Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. М., 2008.

REFERENCES

1. *Anatomiia Peterburga. Kak ustroen gorod. Kollektsiia zabluzhdenii [Anatomy of Petersburg. What is the structure of the city. Collection of delusions]* (2016). St. Petersburg. (in Russian)

2. Anisimova E. E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Text Linguistics and Intercultural Communication (on the material of creolized texts)]*. Moscow. (in Russian)

3. Bol'shakova L. S. (2008) O soderzhanii poniatiia «polikodovyi tekst» [About the content of the concept "polycode text"]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Samara State University]*, no. 4 (63), pp. 19–24. (in Russian)

4. Kuznetsov S. A., ed. (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Great Dictionary of Russian language]*. St. Petersburg. (in Russian)

5. Dobrosklonskaia T. G. (2005) Mediatekst: teoriia i metody izucheniia [Mediatext: Theory and methods of study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Seriia 10. Zhurnalistika [Series 10. Journalism], no. 2, pp. 28–35. (in Russian)

6. Rogova K. A. (2012) Lingvisticheskii aspekt kreolizovannogo teksta. Iu. Rost «Gruppovoi portret na fone veka» [Linguistic aspect of the creolized text. Yu. Rost "Group portrait on the background of the century"]. *Russkii iazyk za rubezhom [Russian language abroad]*, no. 3, pp. 54–61. (in Russian)

7. Sorokin Iu. A., Tarasov E. F. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia funktsiia [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia [Optimization of speech exposure]*. Moscow, pp. 180–181. (in Russian)

8. Cherkasova G. A. (2008) *Russkii sopostavitel'nyi assotsiativnyi slovar'. Elektronnyi slovar' [Russian comparative associative dictionary. Electronic dictionary]*. Moscow. Available at: http://it-claim.ru/Projects/ ASIS/RSPAS/zapusk.htm (accessed 10.05.2017) (in Russian)

9. Cherniavskaia V. E. (2009) *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Text Linguistics: Polycode character, intertextuality, interdiscourse character]*. Moscow. (in Russian)

10. Chicherina N. V. (2008) *Mediatekst kak sredstvo formirovaniia mediagramotnosti u studentov iazykovykh fakul'tetov [Mediatext as a mean of formation of media literacy among the students of language faculties]*. Moscow. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Малышев Г. Г. **Практический русский язык в ситуациях и иллюстрациях: учебник русского языка для иностранцев, начинающих изучать русский язык.** — М.: Русский язык. Курсы, 2017. — 296 с.

Книга представляет собой оригинальный курс русского языка, предназначенный для иностранных учащихся, начинающих изучать русский язык.

Отличительной особенностью курса является наглядность и красочность иллюстративного материала, тщательно подобранные образцы диалогов из живой разговорной речи, а также структурированный грамматический материал, представленный в виде таблиц и схем.

Курс состоит из 48 уроков, каждый из которых рассчитан приблизительно на 2 часа, а весь курс — примерно на 100 часов занятий. Лексико-грамматический материал первой части способствует развитию речи учащихся, а тексты и диалоги, включенные во вторую часть книги, позволяют успешно подготовиться к речевому аспекту уровневого тестирования.

Материал книги тщательно отобран в соответствии с государственными стандартами. Курс может использоваться как для самостоятельной работы учащихся, так и для работы под руководством преподавателя.

К книге прилагается диск с аудиоматериалами.

Л. Г. Беликова, Н. Е. Боева, Ван Хуэй,
Л. Б. Василенкова, И. Н. Ерофеева, Л. Я. Мачковская

ТЕКСТЫ ПЛАКАТОВ ПРИРОДООХРАННОЙ ТЕМАТИКИ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В АСПЕКТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

LUBOV G. BELIKOVA, NATALIYA E. BOEVA, WANG HUI, LARISA B. VASILENKOVA, INNA N. EROFEEVA, LUDMILA YA. MACHKOVSKAIA

POSTER TEXTS ON ENVIRONMENTAL SUBJECTS: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL POTENTIAL FOR TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Любовь Григорьевна Беликова
Кандидат педагогических наук, доцент
► lbelikova@yandex.ru

Наталия Евгеньевна Боева
Старший преподаватель
► n9452818@yandex.ru

Ван Хуэй
Студент магистратуры

Инна Николаевна Ерофеева
Кандидат педагогических наук, доцент
► inna.erofeeva@inbox.ru

Людмила Яковлевна Мачковская
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
► fialka1204@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Лариса Борисовна Василенкова
Преподаватель русского языка как иностранного
Державинский Институт
наб. Фонтанки, 118, Санкт-Петербург, 190005, Россия
► laravasilenkova@mail.ru

Lubov G. Belikova, Nataliya E. Boeva, Wang Hui, Inna N. Erofeeva, Ludmila Ya. Machkovskaia
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Larisa B. Vasilenkova
Derzhavin Institute
118, nab. Fontanki, St. Petersburg, 190005, Russia

В статье описываются возможности поликодовых регулятивных текстов быть средством формирования коммуникативной и экологической компетенций иностранных учащихся на занятиях по русскому языку (уровни B2–C2). Предлагается система работы, учитывающая наличие в них иконического и вербального компонентов и раскрывающая их лингвометодический и воспитательный потенциал.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; экология; плакат; поликодовый текст; регулятивный текст; жанр.

The article describes the possibilities of policode regulatory texts on environmental subject as the means of developing foreign students' communicative and ecological competence at Russian language lessons (levels B2–C2), and offers the teaching system, which takes into account the presence of iconic and verbal components and discloses the linguistic, methodological and educational potential.

Keywords: Russian as a foreign language; ecology; poster; policode texts; regulatory codes; genre.

2017 год объявлен в России Годом экологии, проведение которого намечено «в целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности» [5]. Плакаты природоохранной тематики как образцы поликодовых текстов русской массовой регулятивной коммуникации могут быть использованы в системе образования в целях одновременного формирования экологической и коммуникативной компетенций. Подчеркнём, что текст плаката позволяет реализовать в образовательном процессе принцип наглядности, особо значимый в наши дни, поскольку «современная культура — визуальная по своей сущности» [3: 42]. Плакат как поликодовый текст играет важную роль и в межкультурной коммуникации, поскольку его иконическая часть может облегчить инофонам понимание русской вербальной части плакатного текста, что указывает на целесообразность его

использования в области преподавания русского языка как иностранного.

Методологической основой лингвистического «портретирования» поликодового плакатного текста природозащитной тематики в нашем исследовании стала опора на теорию речевых жанров М. М. Бахтина [1], на учёт положения Н. С. Валгиной о разной степени семантической спаянности иконического и вербального компонентов в поликодовом тексте [2: 251–253], на критерий стандартизированности / нестандартизированности иконического и вербального компонентов, введённый О. В. Хорохординой [7], а также на её опыт типологизации вербальных способов выражения содержания инструктивного текста [6].

Типовая композиция плакатного текста природоохранной тематики состоит из картинки и вербального компонента. Содержательную, смысловую, формальную и функциональную целостность вербального и невербального компонентов поликодового текста плаката обеспечивает в первую очередь авторская интенция.

Типовая интенция плаката экологической тематики заключается в побудительном воздействии на адресата с целью изменения его жизненной установки, и, как результат, ожидаемая автором типовая ответная реакция — следование адресата призыву сохранять природу или же соблюдение адресатом запрета на совершение действий, направленных на уничтожение природы. В тексте плаката содержательно-интенциональная основа (термин О. В. Хорохординой [Там же]) может выражаться как эксплицитно, так и косвенно, с расчётом на привлечение в процессе интерпретации определённых ситуативных и / или культурно значимых подтекстов и с учётом адресата подобного текста, которым могут быть или все граждане, или отдельные возрастные группы населения.

На использование плакатов на занятиях по РКИ, безусловно, влияет языковая составляющая поликодовых текстов. Наиболее частотными синтаксическими конструкциями в текстах рассматриваемого типа являются императивные предложения, преимущественно с глаголами НСВ, в том числе и с отрицанием *(Берегите природу! Не бросайте мусор!)*. Кроме императива второго лица, в них активно используется императив совместного действия (*Сохраним родной лес!*). В вербальной части плаката также нередко встречаются безличные предложения с предикативами обязующей (*Лес надо беречь!*) или запретительной семантики (*Так жить нельзя!*); а также двусоставные предложения со значением оценочной квалификации действия (*Поджёг сухой травы — это не хулиганство, это — экологическое преступление*!).

Обращает на себя внимание тот факт, что с целью акцентирования регулятивной функции плакатного текста природоохранной тематики широко употребляются различные приёмы диалогизации, демонстрирующие прямую направленность сообщения (призыва) на воспринимающего, включённость высказывания в режим непосредственного речевого общения. Среди приёмов диалогизации наиболее частотными являются использование определённо-личных предложений (*Сохрани мир вокруг себя!*), местоимений 1-го и 2-го лица (*Что выбираешь ты? Нам нужна такая планета?).*

Авторы стремятся усилить экспрессию плакатного текста за счёт использования восклицательных предложений (*Будущее леса зависит от вас! Вода — это жизнь!*), фразеологизмов (*Лучше поздно, чем никогда*!), прецедентных феноменов (*Человек — это звучит гордо! Вот только природе от этого не легче*), стихотворно-рифмованной формы изложения (*Если любишь край родной,/ Береги природу./ Для потомков сохраним/ Чистым лес и воду).*

Регулятивные поликодовые тексты могут быть классифицированы по разным основаниям: по адресной принадлежности, по характеру авторской интенции, по тематике и др. Однако, на наш взгляд, своеобразие рассматриваемых текстов выявляется лучше всего при анализе их с точки зрения стандартизированности (использование стандартизированных иконического и вербального компонентов) и нестандартизированности (отступление от стандарта, обусловливающее повышение экспрессивности) поликодового текста [7]. Отмеченная оппозиция тесно связана со степенью семантической спаянности компонентов

поликодового текста: либо синсемантической (высокой, дублирующей), либо автосемантической (относительно свободной, взаимодополняющей) (в терминологии Н. С. Валгиной [2]). Полагаем, что для РКИ наиболее существенное значение имеет такое противопоставление: стандартизированные поликодовые тексты регулятивной массовой коммуникации с синсемантическим отношением вербального и иконического компонентов — нестандартизированные поликодовые тексты регулятивной массовой коммуникации с автосемантическим отношением вербального и иконического компонентов.

Отметим, что данная оппозиция не носит абсолютного характера: случается, что один плакат сочетает в себе сразу несколько разнотипных компонентов. Например, плакат «Берегите лес от пожара!» (рис.) состоит из трех компонентов: стандартизированного вербального компонента, трёх стандартизованных запретительных знаков и нестандартизированного иконического компонента. Интенция автора ясно выражена содержанием запретительных знаков и собственно прескриптивной конструкцией «Берегите лес от пожара!». Для усиления экспрессии использованы, с одной стороны, паралингвистические средства: буквы окрашены в нижней части красным цветом, переходящим в верхней части в чёрный, что вызывает образ полыхающего огня и обугленного после пожара леса; с другой стороны, представленной как фон картинкой, на которой половина леса зеленеет, тогда как другая его часть охвачена огнём. Авторская креативность ясно проявляется в иконическом компоненте, апеллирующем к эмоционально-интеллектуальному воздействию на адресата.

В настоящее время становится всё более заметным уход от стандартности построения текстов в сторону креативности, апелляции не только к разуму, но и чувствам людей. Наибольшим воздействующим потенциалом, несомненно, обладают тексты, где вербальный компонент представлен типовыми способами языкового оформления, а невербальный — нестандартизированными. Он дополняет, конкретизирует содержание вербального. Такие тексты наряду с регулятивной функцией реализуют функции

Рис. Плакат «Берегите лес от пожара!»

разъяснения и экспрессивно-эмоционального воздействия. Типологические черты поликодовых текстов, в том числе особенности их языкового компонента, позволяют сделать значимый для методики вывод о том, что такие тексты целесообразно включать в систему обучения РКИ, начиная с уровня В2; нестандартизированные же регулятивные тексты, особенно те, которые содержат прецедентные феномены, соотносимы с языковыми и речевыми возможностями учащихся лишь на уровнях С1 и С2.

Рассмотрим возможности использования плакатов на занятиях по РКИ. Так как вербальная составляющая поликодовых текстов может вызвать затруднения на разных этапах обучения (преимущественно на уровне В2), то следует включить в систему занятий работу по снятию языковых трудностей.

На этапе предтекстовой работы или в ходе неё плакаты дают возможность на основе визуально представленной информации семантизировать лексические единицы (например: *животные, птицы, насекомые, огонь, костёр, мусор, банка, бутылка, пластик, контейнер (мусорный); чистый, грязный, живой, мёртвый, дикий, опасный; чисто, грязно, опасно, осторожно; загрязнять(ся), бросать-бросить, убирать-убрать; гореть, зажигать-зажечь, спасать-спасти, охранять, защищать-защитить* и т.п), формировать и актуализировать в речи лексические и грамматические навыки.

Использование плакатов позволит:

– проводить интересную работу по словообразованию: *грязь-грязный-загрязнять-загрязнение;*

мусор-мусорить-мусорный (контейнер) и т. п., развивая у иностранных учащихся потенциальный русский словарь;
– заниматься глагольным управлением: *бросать-бросить что? куда?; защищать-защитить кого? что? от кого? от чего?* и т. п., формируя представления о потенциале лексических единиц выступать компонентом словосочетаний в определённых моделях;
– заниматься образованием разных форм императива: императива 2-го лица: *Берегите природу!*; императива совместного действия: *Сохраним лес!*; императива 3-го лица: *Пусть всегда будет воздух!*;
– использовать в речи предложения со сказуемым в форме императивов НСВ и СВ, в частности, при выражении призыва — императив НСВ: *Берегите природу!*; при выражении запрещения — императив НСВ с отрицательной частицей не: *Не бросайте мусор!*; при выражении предостережения — императив СВ с отрицательной частицей *не*: *Не опоздай!; Не навреди!*;
– образовывать и использовать в речи конструкции с активными и пассивными причастиями и отглагольными прилагательными (*горящий костёр; погибающая природа; руки, держащие земной шар; брошенная спичка; сорванные цветы; изображён лес, нарисована бабочка...*);
– образовывать и использовать в речи различные варианты конструкций:
  а) с семантикой цели: *С какой целью художник нарисовал этот плакат? — Чтобы призвать людей сохранить природу; — Чтобы люди берегли природу; — Для призыва к сохранению / охране природы; — Ради сохранения / охраны природы;*
  б) с причинно-следственной семантикой: *Почему нужны такие плакаты? — Потому что люди не берегут природу. Из-за чего начался пожар? — Из-за того что мальчики разожгли в лесу костёр. Благодаря чему могут быть сохранены дикие животные? От чего погибают животные, птицы, насекомые в лесу?*
  в) с семантикой условия: *Что произойдёт, если люди будут бросать мусор на землю, в море..? Что было бы, если бы мальчики не погасили костёр в лесу?*
  г) с семантикой уступки: *Хотя / несмотря на то что люди видят такие плакаты, смотрят фильмы о природе, они продолжают оставлять мусор в лесу;*
– работать над различением и корректным использованием стилистически маркированных средств выражения различных интенций: *Не бросайте мусор! — Просьба не бросать мусор. — Мусор не бросать!;*
– работать над стилистически значимым и смыслоразличительным порядком слов, инверсией: *Что ты сделал для сохранения природы? — Что сделал для сохранения природы ты?;*
– распознавать текстообразующую функцию парцелляции: *Человек — это звучит гордо. Вот только природе от этого не легче*;
– распознавать адресата поликодового текста на основе стилеобразующих вербальных и невербальных маркеров: *Берегите природу — мать вашу; Паркам — быть! Цветам — цвести! Нам — здоровыми расти!* и др.

Следует помнить, что единицей обучения РКИ является текст. Это означает, на наш взгляд, что данные конструкции должны стать частью производимых учащимися текстов — разных типов и уровня сложности на разных этапах обучения (B2, C1, C2). Воспринимая плакат как текст, учащиеся должны увидеть в нём прежде всего реализацию стратегической интенции автора, распознавать цель создания такого плаката. Такой типовой целью можно считать желание спасти природу от разрушительных действий человека.

Чтобы работа по созданию текста, соответствующего уровню сложности плаката, была коммуникативно значимой, необходимо сделать плакат частью ситуации общения. Создать репертуар таких ситуаций — методическая задача преподавателя. По нашему мнению, плакат на занятиях по РКИ в большинстве случаев следует использовать как компонент работы над темой, в частности по экологии.

Следует обратить внимание на то, что плакат сам представляет собой текст (поликодовый), который необходимо «прочитать», то есть осмыслить, как в нём реализованы такие текстовые категории, как интенциональность, целостность, связность, ситуативность, информативность, воспринимаемость, интертекстуальность (см. теорию и примеры анализа русских текстов с точки зрения категорий текстуальности в [4]), а также выявить его модальность, эмотивность, темпоральность,

локативность, национально-культурное своеобразие. Следующей задачей на занятии является создание «вторичного» текста самими учащимися в соответствии с параметрами заданной на занятии ситуации общения. Текстовые категории должны получить своё полноценное воплощение и в этом вторичном тексте, созданном учащимися с использованием возможностей плаката.

Итак, каков учебный потенциал плакатов как поликодовых текстов в работе над темой по экологии?

На всех уровнях плакат становится средством введения в тему, стимулом начать разговор в заданном плакатом направлении.

Шаг 1. Учащимся предъявляется первый плакат и даётся задание высказать предположение о том, какова тема будущего разговора (например, *охрана природы, проблемы экологии*). На данном этапе на всех уровнях предлагаются плакаты, представляющие собой стандартизированные поликодовые тексты.

Шаг 2. Демонстрируя следующий плакат, преподаватель предлагает учащимся конкретизировать тему (например, *проблема мусора или разжигание костров в лесу*), сформулировать проблемную ситуацию (в общем виде). На данном этапе плакаты подбираются с учётом возможностей учащихся раскодировать их содержание средствами русского языка. Так, на уровне С1 уже возможно использование плакатов с нестандартизированными компонентами, а на уровне С2 — также и с текстами, включающими прецедентные феномены. Важно, чтобы уже на данном «шаге» плакат «прочитывался» учащимися как текст, в частности, чтобы учащийся мог распознать интенцию автора плаката, определить адресата, «раскодировать» вербальными средствами содержание иконического компонента плаката.

Шаг 3. Следующий этап — работа над снятием языковых трудностей при переходе к речевым упражнениям, выработка языковых навыков. На разных этапах выделяются соответствующие уровню лексические, грамматические трудности и составляются упражнения. Так, на уровне В2, например, уместны упражнения по составлению тематического словаря, образованию и использованию форм императива, отработке норм глагольного управления, образованию безличных модальных предложений, выражающих запрет или призыв к действию; образованию различного типа предложений с целевой, условной, причинно-следственной семантикой.

Шаг 4. Знакомство с учебным (возможно на уровне В2) или оригинальным (В2, С1, С2) текстом соответствующей тематики, соотносимым с содержанием «ключевых» плакатов. Работа по распознаванию интенции автора текста, по выявлению и актуализации средств внутритекстовой связи, в том числе и вариантов порядка слов.

Шаг 5. Работа по формированию умений выражения интенций. В нашем случае самыми частотными можно считать интенции *запрещения, призыва, порицания, возмущения, удивления, недоумения, предостережения* и т. п. На уровне С1, С2 полезны упражнения на выбор стилистически маркированных форм выражения перечисленных интенций, учёт адресата сообщения (взрослые — дети разного возраста), ситуации общения (бытовая сфера — сфера научного или официально-делового общения).

Шаг 6. Работа по формированию умений строить тексты типа *рассуждение* (в том числе, *объяснение, инструкция*). Актуализация умений демонстрации логики высказывания: выражение различными средствами собственного мнения, ссылки на мнение третьего, в том числе авторитетного, лица, введение в текст статистических данных, выражение предположения, перечисление аргументов в защиту своего мнения, формирование вывода и т. п.

Шаг 7. Вторичное обращение к уже знакомым плакатам; привлечение новых плакатов, дополняющих, уточняющих, расширяющих, проблематизирующих идею первичных плакатов. Плакаты для уровней С1 и С2 могут содержать прецедентные высказывания, цитаты, парафразы, мини-диалоги комиксного типа и другие вербальные и невербальные средства, призванные создать косвенную прескриптивность через апелляцию к разуму, совести и т. д. Они должны иметь разных адресатов с точки зрения возраста, социальных характеристик. Составление каталога вер-

бальных средств на основе анализа вербальной составляющей поликодовых текстов: *Берегите лес! Берегите лес от пожара! Сохрани природу! Сохраним природу вместе! Не убивай! Будь природе другом! Природу надо охранять! Выбор за тобой! За чистый воздух! Земля тоже плачет!* и т. д. Выявление компонентов текста, которые служат их диалогизации.

Шаг 8. Соотнесение вербальной и невербальной частей плаката. Например: На плакате написано: «*Выбор за тобой*!» На плакате изображён *земной шар, расколотый пополам: одна половина — зелёная, цветущая, а вторая — погибающая, разрушающаяся.*

При работе на разных уровнях необходимо учитывать тот факт, что в некоторых случаях мы имеем довольно простую вербальную конструкцию, но довольно сложное для описания иконическое изображение. А в других случаях простое изображение сопровождается непростым для понимания текстом.

Шаг 9. Соединение вербальной и иконической частей плаката с целью выявления намерения автора, адресата плаката и описания средств достижения целей создания плаката. Критическая оценка плакатов. Выявление наиболее удачных соответствий. Обоснование своего мнения по поводу удачных и менее удачных соотношений вербального и иконического компонентов текста.

Шаг 10. Упражнения на соотнесение вербальной и иконической частей плаката.

1. Демонстрация учащимся плакатов без текстовой составляющей. Задание: подобрать соответствующую изображению надпись. Доказать, почему эта надпись наилучшим образом соответствует изображению. Описать цель, которая может быть достигнута с помощью этого плаката. Объяснить, каким образом представленный поликодовый текст может служить средством достижения цели.

2. Предъявление учащимся текстовой части плаката. Задание: подобрать подходящее надписи изображение (уже виденное или созданное воображением учащихся). Объяснить, почему эта надпись наилучшим образом соответствует изображению. Описать цель, которая может быть достигнута с помощью такого плаката. Объяснить, каким образом представленный поликодовый текст может служить средством достижения цели.

Шаг 11. Использование поликодовых текстов в качестве организующего звена ситуации общения. Цель работы — построение на основе предъявленных первичных поликодовых текстов вторичных текстов, в которых будут проявлены умения учащихся выражать интенцию, выполнять тактические действия для достижения цели высказывания, учитывать адресата высказывания, особенности ситуации общения и т. п.

Примеры ситуаций.

1. Вы были на выставке плакатов на природоохранную тему. Некоторые плакаты вам очень понравились, а некоторые не понравились. Расскажите о выставке другу. Опишите один или несколько понравившихся или непонравившихся вам плакатов. Скажите, что изображено на плакате, какова цель плаката и намерение автора, как художник реализовал своё намерение, почему этот плакат вам понравился/не понравился.

2. Представьте себе, что вы увидели, как дети бросили мусор / разожгли костёр в лесу / сломали дерево / сорвали редкие цветы, занесённые в Красную книгу, и т. п. рядом с плакатом, содержащим соответствующие запреты. Выразите сначала порицание и призыв не совершать подобных действий. Обратите внимание детей на содержание плаката. Объясните, что будет, если все люди будут так вести себя в лесу.

3. Представьте себе, что вы с русским другом гуляете по лесу. Вдруг вы видите плакат, содержащий, например, призыв не бросать в лесу мусор; при этом вокруг такого плаката лежат банки, бутылки, пакеты и т. п., то есть брошенный мусор. Выразите возмущение увиденным.

4. Представьте себе, что вы — преподаватель русского языка как иностранного в школе. Вам необходимо провести уроки по экологическому воспитанию для учеников 1-го класса и учеников 10-го класса. Выберите плакаты, которые вы можете использовать как средство наглядности, и составьте текст беседы с учениками разных возрастных групп.

5. Представьте себе, что вы — художник. Директор национального парка заказал вам

плакат / плакаты на тему охраны окружающей среды. Одна серия плакатов должна содержать запреты на те или иные антиприродные действия, а другая — призывы охранять природу. Опишите то, что будет написано и изображено на ваших плакатах.

6. Вообразите, что вам предстоит выступить с докладом в России на конференции по проблемам экологии, представляя свою страну или тот или иной регион мира. Вы должны подготовить презентацию выступления с привлечением в качестве средств наглядности плакатов на соответствующую тему. Подготовьте текст доклада и выступите с ним на импровизированной конференции.

7. Представьте себе, что вы — директор национального парка в России. Художник принёс вам несколько плакатов на тему охраны природы (*подберите плакаты в Интернете*). Дайте оценку плакатам с содержательной, языковой, художественной точек зрения. Выразите свои предпочтения. Выберите один плакат для использования его в работе. Обоснуйте свой выбор.

Шаг 12. Рефлексивный анализ произведённых учащимися текстов, оценка их с точки зрения соответствия основным текстовым категориям — интенциональности, цельности, связности, информативности, воспринимаемости, ситуативности, интертекстуальности. Исправление допущенных неточностей, выявление наиболее удачных компонентов текста.

Таким образом, плакаты природоохранной тематики обладают мощным обучающим потенциалом. Представляется целесообразным использовать их на занятиях по РКИ на разных этапах обучения и для достижения различных учебных целей.

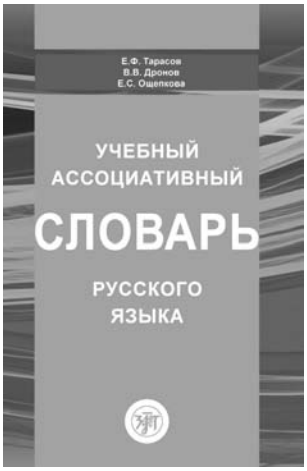
ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. *Валгина Н. С.* Теория текста: Учеб. пособие. М., 2003.
3. *Кашкин В. Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж, 2000.
4. Текст: теоретические основания и принципы анализа / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 2011.
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2016 г. № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400.
6. *Хорохордина О. В.* Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.
7. *Хорохордина О. В.* Поликодовые реализации инструктивных речевых единиц: типологический аспект // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 19–29.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (1986) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles]*. Moscow. (in Russian)
2. Valgina N. S. (2003) *Teoriia teksta: Uchebnoe posobie [The theory of the text: textbook]*. Moscow. (in Russian)
3. Kashkin V. B. (2000) *Vvedenie v teoriiu kommunikatsii: Uchebnoe posobie [Introduction to the theory of communication: textbook]*. Voronezh. (in Russian)
4. Rogova K. A., ed. (2011) *Tekst: teoreticheskie osnovaniia i printsipy analiza [Text: theoretical foundations and principles of analysis]* St. Petersburg. (in Russian)
5. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 05.01.2016 g. № 7 «O provedenii v Rossiiskoi Federatsii Goda ekologii» [The decree of the President of the Russian Federation from 05.01.2016, No. 7 "About carrying out in the Russian Federation the year of the ecology"]*. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400 (accessed 10.05.2017) (in Russian)
6. Khorokhordina O. V. (2013) Instruktsiia kak tip teksta [Instruction as a Type of Text]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 7–14. (in Russian)
7. Khorokhordina O. V. (2016) Polikodovye realizatsii instruktivnykh rechevykh edinits: tipologicheskii aspekt [The Polycode Implementations of Instructive Speech Units: a Typological Aspect]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 19–29. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]



***Тарасов Е. Ф., Дронов В. В., Ощепкова Е. С.* Учебный ассоциативный словарь русского языка.** — СПб.: Златоуст, 2017. — 356 с.

Учебный ассоциативный словарь адресован иностранцам, изучающим русский язык вне языковой среды. Предназначен для формирования и расширения ассоциативных связей слов в процессе изучения языка. Словник включает 155 наиболее частотных в употреблении слов-стимулов, сгруппированных по тематическому принципу, и более 2000 слов-реакций. В качестве иллюстративного материала приведены типичные образцы контекстного употребления слов-стимулов.

О. Н. Левушкина

РАБОТА СО СЛОВАРЯМИ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

OLGA N. LEVUSHKINA
WORK WITH DICTIONARIES AS A COGNITIVE STRATEGY OF MODERN EDUCATION

Цель данной статьи — описать процесс формирования умений учащихся работать со словарями как когнитивную стратегию, позволяющую развивать познавательные и творческие способности учащихся, владение языковыми нормами при последовательной реализации исследовательских, нормативных, творческих и популяризаторских тактик.

Ключевые слова: образовательные стратегии и тактики; обучение работе со словарями; когнитивная стратегия современного образования; общеучебные познавательные умения и навыки.

The purpose of the article is to describe the process of formation of students' abilities to work with dictionaries as a cognitive strategy, evolving their cognitive and creative abilities, knowledge of the language rules in the consistent implementation of research, legal, creative and promotional tactics.

Keywords: educational strategies and tactics; training to work with dictionaries; cognitive strategy of modern education; general learning cognitive skills.

Ольга Николаевна Левушкина
Доктор педагогических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия
► Levushkinaon@mail.ru

Olga N. Levushkina
Moscow State Pedagogical University
1/1, ul. M. Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russia

Роль словарей в жизни общества трудно переоценить. Так, по мнению профессора В. В. Колесова, расцвет русской литературы в XIX веке непосредственно связан с удачно составленным в XVIII веке нормативным словарем — первым большим академическим толковым словарем, у истоков которого стояли М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и др. — «Словарем Академии Российской, производным порядком расположенного».

Сегодня, в век информационного разрыва между поколениями, культурного разлома, разделяющего тех, кто родился и жил в СССР, и тех, кто застал только время перестройки, особенно актуальными в образовании становятся стратегии и тактики сохранения и трансляции разного рода информации. Умения читать, понимать, интерпретировать и оценивать тексты в образовательных стандартах выведены на уровень метапредметных, от всех учителей требуется наличие умения обучать школьников стратегиям смыслового чтения, формировать словарную компетенцию.

Тексты позволяют сохранять и передавать информацию от поколения к поколению. Виды текста определяются видом сохраняемой в них информации. Слово живет в тексте, а факты его биографии сохраняются в словарях.

Жизнь слова невозможно увидеть без работы с текстом и без работы с разнообразными словарями. Причем эти два вида учебной дея-

тельности должны быть неразрывно и органично взаимосвязаны. Невозможно проникнуть в смысловые глубины текста, если не понимаешь лексического значения каких-либо слов, вошедших в его состав, не воспринимаешь игры слов, значений слова, которые порой добавляют важные коннотации для понимания авторского замысла, авторской позиции. В то же время трудно представить толковые словари, в которых не приводились бы фрагменты текстов, предложения, иллюстрирующие жизнь слова.

Необходимость формировать умения работать со словарями сегодня осмысливается как общепедагогическая проблема. Осмысление системно-деятельностного подхода как основополагающего в современной системе образования, а процесса обучения прежде всего как деятельности, направленной на овладение инструментарием, позволяющим добывать знания, предполагает наличие умений формулировать цель учебной деятельности, знать и выбирать способы ее достижения. В деятельностной парадигме обучения основополагающим способом «приобретения, сохранения и использования информации, служащей достижению определенной цели» становится стратегия [1: 295]. Стратегиальность методического процесса организации современного урока означает осмысление учителем стратегии обучения и разработку тактик — «системы методических приемов, обусловливающих оптимальный путь реализации выбранной стратегии» [Там же: 301].

Понятие *учебная стратегия* трактуется сегодня как процесс, предполагающий опору на «мысли, действия, верования и эмоции, облегчающие приобретение, понимание, а затем — применение и передачу новых знаний и навыков в различных контекстах деятельности» [3: 76]. «Учебные стратегии помогают создавать для новой информации такой контекст, который помогает сохранять ее в памяти в форме, облегчающей интеграцию со знанием, содержательно с ней связанным (что увеличивает вероятность воспроизведения этой информации). Эти стратегии включают в себя ряд приемов — от активного повторения для запоминания слов до интегральных стратегий организации и разработки учебной темы с использованием объединения информации, а позже — произвольного ее воспроизведения и применения в содержательно различных областях» [Там же: 76]. Принято выделять *внешне ориентированные* учебные стратегии (создающие благоприятную окружающую среду обучения и обеспечивающие управление вниманием), *когнитивные* (повторение, организация, совершенствование) и *метакогнитивные* учебные стратегии (планирование, мониторинг, регулирование) [Там же: 76–77].

Когнитивные стратегии обучающей деятельности направлены на обучение способам «переработки информации в целях обучения, ориентированы на усвоение, хранение и извлечение информации из памяти» [1: 96], использованию этой информации в целях формирования и развития предметных, метапредметных и личностных компетенций обучающихся. Особенностями реализации когнитивного подхода при обучении языку является развитие мышления учащихся, вовлечение их в активный процесс познания сути изучаемых явлений, когда создаются условия для реализации личностных ориентиров, осуществляется учет индивидуальных интересов и особенностей учащихся, учащиеся и учителя вовлекаются в процесс взаимного познания и понимания друг друга и сотрудничества в период обучения [Там же: 97]. Таким образом, реализация когнитивных стратегий обучения позволяет сделать учебный процесс не только личностно, но социально ориентированным.

Одной из важнейших когнитивных стратегий обучения является работа со словарями. Умение добывать информацию из словарей и энциклопедий различного типа позволяет формировать общеучебные познавательные умения и навыки. Это основополагающее умение способствует личностному развитию учащихся и их социализации, поскольку формируется в процессе овладения учащимися всеми видами речевой деятельности.

Умение работать со словарями как источниками информации базовое для всех уровней развития языковой личности, но соотносится прежде всего с вербально-семантическим уровнем развития языковой личности (по Ю. Н. Караулову)

и с семантизирующим пониманием текста (по Г. И. Богину).По теории Ю. Н. Караулова, вербально-семантический уровень развития языковой личности — это базовый уровень, на основе которого развиваются более сложные уровни — тезаурусный и мотивационный. Для вербально-семантического уровня свойственны «готовность к номинациям (это по сути дела основа семиотической деятельности, опирающаяся на принципиальную возможность ассоциации слова, звукового комплекса с предметом); готовность к рецепции лексики; готовность осуществлять выбор слов; владение специальной терминологией определенной области знаний; готовность использовать инонациональную лексику» [4: 60–61]. По теории Г. И. Богина [2], разработавшего типологию понимания текста, базовым типом является «семантизирующее понимание». В психологии этот тип понимания называют «констатирующим» пониманием (В. И. Лейбсон), и характерной его чертой является усвоение «предметного содержания речи» (Н. Г. Морозова). Таким образом, умение работать со словарями — это инструмент формирования базовых качеств языковой личности и умений понимать текст.

Тактики, позволяющие реализовать обучение работе со словарями как когнитивной стратегии, определяются целью, достижение которой предполагается с помощью словарей. Разнообразие тактик, с помощью которых когнитивная стратегия работы со словарями реализуется в учебном процессе (как в урочной, так и во внеурочной деятельности), представлено на рис.

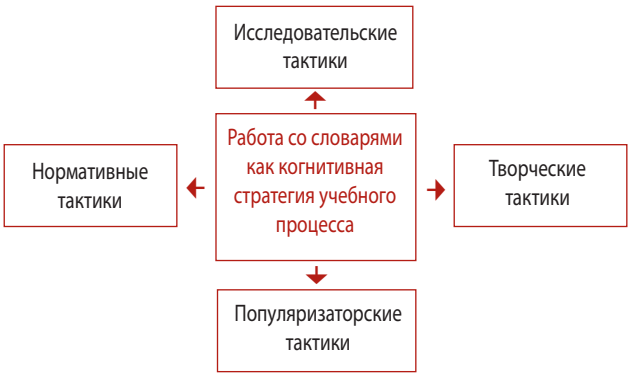


Рис. Работа со словарями как когнитивная стратегия и тактики ее реализации.

Исследовательские образовательные тактики реализуются, если работа со словарями осуществляется с целью найти информацию о слове в одном или нескольких лексикографических источниках, осмыслить в процессе обучения лексическое значение слов и фразеологизмов, выявить особенности использования языковых единиц в текстах разного типа. При этом учащиеся обращаются к толковым словарям разного типа, словарям синонимов, омонимов, антонимов, паронимов, словарям иностранных слов, словарям эпитетов, этимологическим, фразеологическим, морфемно-словообразовательным словарям и др.

При реализации исследовательских тактик познавательный интерес к слову коррелируется с коммуникативными задачами: например, необходимо уточнить значение слова, чтобы понять высказывание, более точно осознать авторский замысел произведения. Таким образом, исследовательские тактики являются связующим звеном, единой базой, на которой формируются как когнитивные, так и коммуникативные умения учащихся.

Основные виды исследовательских тактик следующие:

– использование словарей, составленных лексикографами, с целью получения определенной информации о слове, об особенностях языка (семантизация);
– составление словарей (когнитивная, творческая деятельность);
– использование собственных словарей (творческая и практикоориентированная деятельность).

Исследовательские тактики формируются в процессе обучения, впоследствии сворачиваясь в навыки, реализуются как на предметном, так и на метапредметном уровне.

В основном носители языка подразумевают под работой со словарями обращение к словарям, составленным лексикографами. Данная тактика используется носителями языка недостаточно. Но о других исследовательских тактиках носители языка вспоминают еще реже. В то время как умения использовать словари для получения определенной информации о слове, составлять словник (глоссарий), а впоследствии и словарь той области

знаний, которая стала интересной, той области творчества, которая захватила, и пользоваться ими — это умения, сворачиваемые впоследствии в навыки. Владение исследовательскими тактиками позволяет не только правильно понимать значение слова, но и осмысливать, структурировать собственную деятельность, осознавать ее мотивирующую сторону, овладевать областью знаний, областью собственных интересов на концептуальном уровне. Для овладения исследовательскими тактиками необходимы основные информационные умения, благодаря которым закладывается основа развития языковой личности.

Работа со словарями с целью овладения нормами русского литературного языка, устной и письменной речи, — это **нормативные образовательные тактики**, которые реализуются при обращении к орфоэпическим и орфографическим словарям, словарям трудностей русского языка, грамматическим справочникам и др.

Формированию культурноречевых умений в ФГОС ООО уделено большое внимание. Так, в Приказе Министерства образования и науки РФ от 31.12.2015 № 1577 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт» подчеркнута необходимость «овладения основными нормами литературного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными, стилистическими), нормами речевого этикета; приобретение опыта использования языковых норм в речевой практике при создании устных и письменных высказываний; стремление к речевому самосовершенствованию, овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии:

- поиск орфограммы и применение правил написания слов с орфограммами;
- освоение правил правописания служебных частей речи и умения применять их на письме; применение правильного переноса слов; применение правил постановки знаков препинания в конце предложения, в простом и в сложном предложениях, при прямой речи, цитировании, диалоге; соблюдение основных орфоэпических правил современного русского литературного языка, определение места ударения в слове в соответствии с акцентологическими нормами;
- выявление смыслового, стилистического различия синонимов, употребления их в речи с учетом значения, смыслового различия, стилистической окраски;
- нормативное изменение форм существительных, прилагательных, местоимений, числительных, глаголов;
- соблюдение грамматических норм, в том числе при согласовании и управлении, при употреблении несклоняемых имен существительных и аббревиатур, при употреблении предложений с деепричастным оборотом, употреблении местоимений для связи предложений и частей текста, конструировании предложений с союзами, соблюдение видовременной соотнесенности глаголов-сказуемых в связном тексте».

В процессе обучения русскому языку важно помнить, что словарь может быть не только справочником, но и основой различных упражнений, при выполнении которых необходимо размышлять над теми или иными аспектами языка. Такая деятельность способствует формированию культуры работы со словарями, расширяет кругозор не только лингвистический, лексикографический, но и общекультурный, способствует пробуждению у школьников творческой активности, мотивирует их к изучению предмета.

Если работа со словарями используется с целью создания собственного устного или письменного высказывания, направлена на активное обогащение словарного запаса учащихся, реализацию творческого потенциала школьников, их речевое, интеллектуальное и личностное развитие, такие **образовательные тактики можно назвать творческими**. Как правило, такие задания даются в качестве дополнительных на уроках изучения системы языка, активно используются на уроках развития речи, во внеурочной деятельности, на внеклассных занятиях или проектно-исследовательской работе. Творческие образовательные тактики работы со словарями могут быть реализованы как

- развернутые аргументированные ответы на вопрос о том, зачем нужны словари;
- написание синквейнов о роли словарей в жизни человека;

– написание сочинений разных жанров о пользе словарей;
– использование словарей для создания собственно высказывания.

Приведем интересные творческие работы о словарях, написанные учащимися в рамках проекта «Со словарями по жизни», прошедшего в 2014–2015 гг. и поддержанного грантом Президента РФ на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

Вот несколько высказываний о роли словарей в жизни человека из сочинений, представленных на конкурс сочинений «Грамотным быть модно!», проведенном в рамках проекта.

Словари — это солдаты русского языка. Они защищают его честь и богатство (из сказки Волкова Анатолия «Солдаты... русского языка», г. Петровск, Саратовской обл., 8 класс).

Если книги о других мирах приведут нас в новые земли, если романы затянут нас в гущу событий, если любовная литература поможет нам найти счастье, то словарь приведет нас в наш же мир, полный грамотных и счастливых людей (из рассказа Алены Бурукиной «Вечер открытий», г. Москва, 10 класс).

Словари раскрывают читателю тайны русского языка и обеспечивают победоносным оружием — знанием (из эссе Влады Солнцевой «О чем рассказал словарь?», г. Ульяновск, 9-й класс).

Словари актуальны сегодня. Куда без них! В них сохраняется истинная красота слова! Это хранилище наших богатств. В словарях слово вечно (из рассказа учителя Нины Ивановны Бусс «Что с нашим языком?», г. Выборг Ленинградской области).

Одно из возможных творческих заданий, связанных с работой со словарями, посвящено написанию сочинения о роли словарей в жизни человека. Это могут быть мини-сочинения, стихотворения или полноценные сочинения-рассуждения.

Важно связать в сознании учащихся идею о неразрывной связи функциональной грамотности человека и умения пользоваться словарями. Этому может способствовать написание сочинений на тему «Грамотным быть модно!». Одним из требований к конкурсной работе было наличие ярко представленной идеи о тесной взаимосвязи грамотности и умения работать со словарями, об их необходимости в современной жизни. Приведем одно из сочинений, вошедших в число лучших работ данного конкурса, его автор — пятиклассница Панова Мария (ГБОУ СОШ с углубленным изучением английского языка № 1224, 5 «Г», г. Москва).

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

В одном городе жил мальчик Дима с бабушкой. Учился он средненько, книжек не читал, больше в футбол играл, домашнее задание списывал, общался с такими же ребятами. Бабушке помогал, но прислушиваться к ней — не прислушивался. Библиотека в доме была огромная (от отца-профессора осталась), но не до неё Диме было. Когда мальчик подрос, он решил отправиться путешествовать, хотя бы до своей тетки в соседнем селе дойти самостоятельно. Бабушка его отговаривала, но мальчик всё равно пошёл. Перед уходом бабушка стала Диму наставлять, а он с детства по привычке слушал в пол-уха.

— Куда же ты пойдёшь без царя в голове, Аника-воин? Тебе зубы заговаривать будут, а ты поверишь! Ты всю прошлую жизнь баклуши бил! На седьмом небе сидел! Послушай меня, я ведь тёртый калач! Всё проверяй! Семь раз отмерь, один раз отрежь. Смотри, чтоб за нос не водили! И глухой тетерей не будь! Ну всё, кажется... Всё собрал? Ну, иди!

Поцеловала его бабушка и отпустила с пакетом пирожков для тети Маруси. Юноша шёл-шёл и дошёл до соседнего села. Думает:

— Чудесное место. Здесь и останусь жить. Как там мне бабушка говорила? Надо царя найти, баклуши побить, калач потереть... И что там ещё? А, резать всё по семь раз. И смотреть, чтоб до носа не дотрагивались.

Смотрит Дима и видит — кафе «Седьмое небо». Обрадовался мальчик: про седьмое небо бабушка как раз что-то и говорила. Зашёл он пообедать в кафе. Там мальчишка-официант столы начищает. Дима сел за столик и подозвал официанта.

— Мне калач и кофе, пожалуйста.

— Калачи в Продмаге. У нас нет.

— А что есть?

— Чизкейк.

— Давайте чизкейк.

Официант принес чизкейк. Дима измерил его семь раз чайной ложкой (правда, каждый раз получался разный периметр), отрезал ножом разок и стал есть. Зачем измерял и резал, сам не знал, но бабушка велела — значит, надо.

Вскоре официант опять подошел. Дима хотел подружиться с ним и решил договориться о встрече.

— Можно с тобой познакомиться? Я сюда к тетке в гости приехал — никого не знаю. Давай встретимся?

— Хм... А ты кто такой? Отставной козы барабанщик? После дождичка в четверг встретимся. Я работаю.

Дима обрадовался, хоть и не понял ничего про козу с барабанщиком, расплатился, оставив щедрые чаевые. Оставалось только дождаться дождливого четверга. Вышел из кафе и отправился искать дом своей тети, в котором он мог жить, когда хочет, по словам тети Маруси.

Наконец, он нашел дом тети и позвонил в дверь. Ему открыла сама хозяйка.

— О, наконец, ты приехал. Думала тебя до морковкина заговенья ждать! Проходи, здесь тебя ждет аркадская идиллия! Я уже всего наготовила как на маланьину свадьбу, но помогать мне тоже будешь! Душа ты моя! Ты мне как манна небесная! Ну, проходи, проходи!

Ничего Дима не понял из этой речи: морковки, аркадия, свадьба чья-то, манка небесная. Какая-то чепуха! Но зашел и увидел, что к его приходу тут явно готовились, правда, немножко переборщили!

— Да, знатная будет свадьба! Только манки я что-то не вижу... и морковки нет...

— У кого свадьба?

— У Маланьи. Вы же сами сказали. И про морковку и манку тоже...

— Вот бедняга! Да я совсем не о том. Ты как не русский! Устал, наверное, просто! Иди отдохни, потом поговорим!

Дима помыл руки, сел за стол.

— Тётя Маруся, а у вас тут дожди часто? Не знаете, в этот четверг будет дождь?

На тётин недоуменный взгляд Дима ответил:

— Мальчик из кафе мне встречу назначил после дождичка в четверг. Странный такой. Но мне бы очень хотелось встретиться.

— Милый ты мой, это ж значит, что он совсем с тобой встречаться не хочет.

Зашевелились у Димы странные мысли в голове: слишком много сегодня непонятных фраз он слышал.

— А ещё он меня отставной козы барабанщиком назвал...

— Это грубо, конечно. То есть он считает, что ты никакого внимания не заслуживаешь. Это фразеологизм такой.

— А вы... вы... тоже фразеологизмы... говорили, — Дима уже всхлипывал от обиды, что его так надули.

Тётя рассмеялась и объяснила ему всё: и про свадьбу, и про морковку, и многое другое.

— Как же так? Вроде все на русском языке говорят, а ты ничего не понимаешь. Так можно и в лужу сесть, и впросак попасть. Тебе пыли в глаза пустят, а ты всё за чистую монету примешь. Но я помогу тебе разрубить этот гордиев узел. Поверь, я на этом собаку съела — 20 лет в школе проработала.

С этими словами, глядя в удивлённые глаза племянника, тётя протянула ему вынутый из переполненного книгами шкафа Большой фразеологический словарь для детей. Он был с картинками, поэтому Дима с удовольствием читал его всю ночь и весь следующий день. С этого дня он значительно больше стал интересоваться русским языком и выучил почти все фразеологизмы назубок.

Популяризаторские тактики работы со словарями — это способы продвижения информации о словарях, о том, какие затруднения с помощью каких словарей можно разрешать. Популяризаторские тактики реализуются во множестве уроков, которые называются библиотечными (когда происходит знакомство с фондом библиотеки) или парадом словарей. Однако только рассказы о типах и видах словарей являются недостаточными. Предлагаем следующую типологию способов реализации популяризаторских тактик:

- знакомство с историей словарного дела;
- знакомство с многообразием словарей (парад словарей), с особенностями каждого словаря, его значимостью, особенностями использования;
- знакомство с одним словарем, его автором и историей существования, особенностями использования;
- «волонтерство» словарей (обучение пользованию словарями в форме наставничества).

Популяризация информации о словарях может происходить в игровых формах. Например, опыт проведения интеллектуального марафона «Знаешь ли ты, где хранят Вселенную?», посвященного автору Словаря русского языка С. И. Ожегову (учитель Тверской области Т. В. Булатова).

Одна из популяризаторских тактик работы со словарями — **волонтерство словарей** (наставничество в обучении пользоваться словарями). Впервые такая тактика была предложена А. А. Логаевой, учителем русского языка и литературы СОШ № 979 г. Москвы на Общероссийском конкурсе общешкольных словарных проектов «Словарная столица России» в 2016 году. Волонтерская деятельность в работе со словарями заключалась в том, что учащиеся старших классов вовлекали работу со словарями учащихся младших классов. Цель работы волонтеров — обучить младших школьников и ровесников навыкам эффективной работы с орфографическим словарем. В процессе волонтерства под руководством учителя старшеклассники разработали, использовали в своей деятельности и представили на конкурс современные формы визуализации в работе со словарями: инфографику и интерактивный плакат.

В заключение отметим, что реализация разнообразных тактик работы со словарями как когнитивной образовательной стратегии создает базу для разрешения актуальных сегодня проблем неумения читать, отсутствия интереса к чтению как виду речевой деятельности, как способу познания мира и общечеловеческой культуры, неумения вычленять из текста разные виды информации (фактуальная, концептуальная, подтекстовая), невладения способами информационной обработки текста, неумения понимать и интерпретировать текст.

С. Я. Маршак назвал словари «древней рассыпанной повестью». И действительно, каждое слово, помещенное в словарь, связано с жизнью народа-носителя и творца языка, отражает его историю, его систему ценностей, взгляд на мир. Словари являются неотъемлемой составляющей национальной культуры, а формирование умений работать со словарями — важной составляющей информационной и общей культуры человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

2. *Богин Г. И.* Типология понимания текста. Калинин, 1986.

3. *Ермакова И. В., Кондаков И. М.* Эффективные стратегии обучения // Вестн. практич. психологии образования. 2008. № 2. С. 76–81.

4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004.

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. (2009) *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam) [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language training)]*. Moscow. (in Russian)

2. Bogin G. I. (1986) *Tipologiia ponimaniia teksta [The typology of text comprehension]*. Kalinin. (in Russian)

3. Ermakova I. V., Kondakov I. M. (2008) Effektivnye strategii obucheniia [Effective teaching strategies]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia [Bulletin of practical psychology of education]*, no. 2, pp. 76–81. (in Russian)

4. Karaulov Iu. N. (2004) *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]*. Moscow. (in Russian)

[хроника]

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА...

(Начало на с. 86. Продолжение на с. 111, 114)

пространением словесно-риторических знаний среди разных слоев населения, организацией курсов риторики и культуры речи для учителей (идея речепрофессиональной подготовки педагогов), разработкой КИМов ГИА для учащихся 9–11-х классов по обязательному экзамену «Устная речь» (риторическая проблема!), подготовкой конкурсов ораторского искусства среди школьников и студентов, опыт которых уже приобретен Институтом и стал традиционным для МПГУ и т. д.

Отрадно, что деятельность Ассоциации поддерживается коллегами других объединений русистов. Так, в приветственном письме от Ассоциации учителей литературы и русского языка ее председатель Л. А. Дудова отмечала: «20 лет назад риторы России объединились, чтобы напомнить обществу о силе и правоте Слова, ответственности человека говорящего, важности сохранения и развития традиций отечественной риторической школы, соблюдения правил речевого поведения и культуры русской речи. Это было благородно и очень своевременно! На протяжении двух десятилетий вы говорили о важности и необходимости особого отношения к Слову, не уставая доносить до общества мысль о том, что сила Слова — в тонком и глубоком сочетании в нем Правды, Смысла, Красоты...»

Не менее значимые слова о результатах работы Ассоциации риторов России адресовал участникам Конференции председатель Координационного совета Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы Ю. Е. Прохоров: «Ваши многолетние усилия в области распространения риторики и культуры речи, стремление воспитать у подрастающего поколения России любовь к русскому слову находят постоянное одобрение у научно-педагогического сообщества. За истекшие десятилетия было отрадно наблюдать, как возрождается в стране классическая наука, пишутся докторские и кандидатские диссертации, организуются различные фестивали и конкурсы, проводятся мастер-классы, вызывающие большой интерес у их участников».

На Конференции шел заинтересованный разговор о проблемах развития риторики как науки, обсуждались содержание и формы педагогической работы по преподаванию риторики и речеведческих дисциплин в вузах и школах, коллеги делились опытом по распространению риторических знаний среди широких групп населения, организации работы в СМИ. На Пленарном заседании выступили:

проф. А. К. Михальская, обобщившая в докладе «Риторический метод формирования речевого поведения» 30-летний опыт преподавания практической риторики в вузах различной направленности и для разных специальностей (история, менеджмент, связи с общественностью, литературное творчество и др.). Исследовательница описала сложившийся в результате метод формирования речевого поведения, его теоретические основы (от классической риторики до современных исследований и тренингов речевого поведения) и остановилась на возможностях применения этого метода на занятиях тренингового типа;

проф. Н. А. Ипполитова (МПГУ) подняла проблему мировоззренческого смысла овладения риторикой, разграничивая эристику, диалектику и софистику на основе соблюдения требований этоса, пафоса и логоса. Докладчик показала

СКОВОРОДНИКОВ А. П. ЭКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА:
монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

KIRA A. ROGOVA

SKOVORODNIKOV A. P. EKOLOGIIA RUSSKOGO IAZYKA
[ECOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE]. KRASNOIARSK, 2016. 388 P.

А. П. Сковородников известен серией работ, посвящённых проблемам лингвоэкологии, определяемой им «как междисциплинарная область гуманитарных исследований тех факторов, которые, с одной стороны, угрожают ущербом или даже деградациией языку и языковому сознанию социума, а с другой стороны, — исследований факторов и средств, способствующих сбережению и развитию языка и национально-языкового сознания его носителей» (с. 351), что обусловливает связь лингвоэкологии с такими науками, как социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихология, психолингвистика, лингвокультурология, юрислингвистика, лингвоконфликтология, политическая лингвистика, а также с философией и политологией (с. 22).

Своё исследование автор предваряет обращением к философским основаниям понятия «лингвоэкология» и её предметной области. Это своего рода введение, которое обеспечивает как поступательный ход развития мысли автора, так и проясняет его для читателя. Важным признаётся положение И. А. Ильина о том, что базой исследования должно быть «многообразное созерцание», при этом «созерцать, — по мысли автора, — значит взирать интенционально, поэтому созерцание призвано вживаться в образы мира или в объективный состав каждого предмета — „ответственно и сосредоточенно“» (с. 12). Это качество следует отнести к характеру работы автора рецензируемой монографии, осуществляющего исследование на большом материале с учётом активно развивающихся коннотативных, часто прямо противоположных по оценке, значений, что позволяет сделать, убеждающие выводы и определяет её высокую оценку.

Добавим, что для понимания методов работы автора немаловажное значение имеют философские тезисы: о соотношении части и целого, на базе которого складывается представление о том, что «системные изменения в языке происходят под влиянием изменений в речи, когда последние приобретают массовый и долговременный характер, а состояние речи, в свою очередь, зависит от состояния творящего эту речь социума» (с. 29 и 2); о содержании понятия защиты и сохранения языка, которые дополняются представлениями о его совершенствовании и развитии (с. 17–18).

Первая исследовательская глава посвящена лексико-фразеологическим утратам в языковом сознании носителей современного русского языка. На большом материале «ушедших» слов автор фиксирует такой процесс, как выпадение церковнославянизмов из языкового сознания носителей русского языка, которые не только перестали употребляться, но стали непонятны, особенно молодому поколению. Проведённый эксперимент и приведённая таблица его результатов свидетельствуют о почти полном непонимании такой лексики и включающих её фразеологизмов. Так, студентам было дано задание «составить осмысленные высказывания с десятью словами и выражениями из романа Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“ (горние силы, пред престолом Божьим, в конце времён и т. п.). Правильных ответов было 26,9%. Результат позволил автору сделать вывод о том, что молодёжь не читает классическую литературу, потому что «язык этой литературы для нынешнего молодого поколения стал чужим и малопонятным, причём в области не только фразеологии, но и книжной лексики в целом» (с. 42) Особое беспокойство отмечено по отношению к лексике выражения эмоций и этических понятий. Преодолеть «тенденцию лексико-фразеологических утрат, по мнению автора, невозможно в короткие сроки и какими-либо ограниченными публичными акциями». Автор призывает к изменению государственной языковой политики «как в сфере массовых коммуникаций, так и (особенно) в области филологического образования» (с. 65).

Но наблюдения убеждают исследователя, что язык развивается, и одним из путей является использование слов и конструкций в результате заимствований и усвоения литературным языком единиц из областей, находящихся за его пределами. Следующие две главы монографии посвящены этим проблемам: внешних заимствований и жаргонизации языка и речи. Нет нужды говорить об их актуальности, как и о постоянном к ним внимании. Однако в монографии эти проблемы находят нетривиальное решение. Автор ранжирует материал, представляющий заимствования и языковые средства, выходящие за пределы литературного языка с точки зрения их мотивированности / немотивированности. По отношению к заимствованиям немотивированность обусловливается беспочвенностью, национальным нигилизмом, модой. Автор приводит высказывания философов, лингвистов, писателей, начиная с Ломоносова, содержащие отрицательные реакции на процесс неуёмного заимствования. И дополняет их примерами из газет и произведений современных писателей. Однако, и это исторически подтверждено, отмечается и выборочная приемлемость иноязычных заимствований. Позволим себе привести большую цитату из монографии, в которой автором представляются критерии мотивированного употребления «и

включения в систему русского языка: онтологическая необходимость (заполнение семантической лакуны); функциональная оправданность (обогащение стилистических ресурсов языка); отсутствие полной дублетности в отношении уже существующих слов; точность и одновременно сжатость выражения понятия; эстетическая приемлемость (благозвучность, удобство произношения, соответствие звуковой системе русского языка, отсутствие эстетически сомнительных ассоциаций); словообразовательная продуктивность; этичность (соответствие этико-речевым нормам); узуальность (высокая частотность употребления в речи культурно-образованной части общества). Для термина — ещё и соответствие одной формы лишь одному значению» (с. 91).

По отношению к жаргонизации речи отмечена сходная ситуация: наряду с отрицательной реакцией автор произносит «несколько слов в оправдание жаргонизмов». Он видит в них — при определённых условиях — средства «для достижения выразительного эффекта» (с. 98). Отмечается, что многие такие слова и выражения стали уже привычными в языке СМИ, часто в словарях они не имеют однозначных помет, носители языка не замечают их жаргонного происхождения (напр.: *ему* ***светит*** *суровое наказание, отмстить* ***по полной программе*** и др.). Автор прослеживает динамику их вхождения в русский литературный язык, выделяя несколько этапов этого процесса (с. 101), и предлагает критерии «экологичности / неэкологичности жаргонных заимствований» (с. 105). Он полагает, что этот процесс «можно считать своеобразным компенсаторным процессом, связанным с „угасанием“ территориальных диалектов как источников пополнения литературного языка вообще и его экспрессивного фонда в частности» (с. 111).

В следующих главах рассматривается ряд проблем, которые, кажется, не имели до сих пор системного представления. Речь идёт «о смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса», о «смысловых манипуляциях с нациеобразующими концептами», о «языковой русофобии». Таким образом, рассматриваются семантические процессы, приводящие к неоднозначности значений и коннотаций слов и выражений, обусловленные «употреблением в контекстах разных политических страт русского общества» (с. 128). Так, у ряда «ключевых слов современного политического дискурса России, традиционно употребляемых в позитивных контекстах, наметилась тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций» (с. 153). Отмечается, что эти коннотации носят речевой характер, но в то же время это и не индивидуальное употребление, что приводит автора к их определению как ограниченно-узуальных (с. 154).

Нациеобразующие концепты определены как «формирующие и поддерживающие национальное самосознание народа, его ментальность, его национальную идею» (с. 155). Из этого ряда рассмотрены *русские, русскоязычные, россияне; народ, население; национализм, национальная идея; империя*. Использован очень большой материал из современных СМИ, приводятся оценочные высказывания лингвистов и политологов, отмечено существование их «намеренно негативной трактовки», определяется по отношению к ним задача лингвоэкологии — «предупредить против поверхностной и однобокой трактовки таких сложных явлений, как нациеобразующие концептолингвемы, требующих многостороннего рассмотрения и трезвого анализа аргументов „за“ и „против“» (с. 187).

Отдельно рассматривается проблема языковой русофобии, как и в других частях, приводятся определения понятия, обращено внимание на внешнюю и внутрироссийскую русофобию. Внешняя наиболее чётко проявляется в запретах на использование русского языка в официальном и публичном общении, в закрытии русских школ в местах компактного проживания русских и т. п. Все эти проявления русофобии хорошо известны, но приведение их в обобщённом виде дает ясное представление о его опасности и вредном влиянии на внутрироссийскую лингворусофобию, которая проявляется, например, в предложениях перевести письменность с кириллицы на латиницу, в пренебрежении церковнославянским языком и др., снижающим уровень языковой культуры общества (с. 209).

Нельзя не согласиться с наблюдением автора в главе, посвящённой «Русскому языку и литературе в сфере образования», относительно существующего противоречия между «провозглашённой первостепенной важностью чтения для полноценного овладения языком и развития речи и фактическим падением культуры чтения» (с. 242). Однако эта глава в книге представляется менее удачной и убеждающей в силу введения с позиций последовательно проводимого в книге принципа pro et contra как позитивных, так и отрицательных характеристик самой русской литературы, в частности содержащегося в ней «дегероизированного образа России и русского народа» (с. 235). Представляется, что этот вопрос требует более глубокого рассмотрения с использованием не только характеристик, которые даются на страницах газет.

Следующие главы посвящены таким важным категориям, как мифы, символы, словесные ярлыки в контексте лингвоэкологии. Автор справедливо отмечает, что «эти понятия и стоящие за ними феномены, относясь к сфере мировоззрения и — **у**же — идеологии, репрезентируют и в то же время формируют картину мира как отдельного человека, так и того или иного социума», что имеет языковое выражение (с. 244). Здесь даётся разностороннее и глубокое толкование мифа (в отличие от мифологемы), демонстрируется обретение им эмоционально-оценочных коннотаций, которые требуют лингвоэкологического

анализа и интерпретаций. Автор обращается к актуальным событиям современности (напр., толкование образа Иоанна IV Грозного), указывая на их значимость для современного состояния общества, что требует активного взаимодействия лингвоэкологии с историей, политологией, культурологией для разоблачения мифов, основанных на лжи, позволяющих манипулировать сознанием людей (с. 256–257).

Практически завершающая часть исследования посвящена творческому потенциалу современного русского языка. Рассматривается вопрос о креативности и лингвокреативности, что связано с пониманием экологии не только как защиты, но и совершенствования языка. К критериям креативности речевого продукта автор в результате рассмотрения и осмысления различных точек зрения относит: новизну, онтологичность, целесообразность, оригинальность (нестандартность, «штучность») функциональную целостность, относительную самодостаточность, этичность» (с. 290). Удовлетворяющим этим критериям автор считает такие новые слова и их формы, как *беспредел, кошмарить, наехать, разработка, зачистка, откат* и т. п., «жизнеспособность которых проявляется в том, что они образуют формообразовательные парадигмы, участвуют в создании фразеологизмов, а также в языковой игре» (с. 291). Собственно это положение повторяется в книге (см. с. 111), ориентируя на признание «расширения» за счёт выхода за пределы литературного языка, активно усваивающего эти слова*.

В этом же разделе рассматриваются новые фразеологизмы, модели их трансформации, а также тропы и стилистические фигуры с «наполнением», не отмеченным в соответствующих словарях (напр., в «Словаре эпитетов», 2000). Отмечается особая роль метафоры, стилистический приём «буквализации метафоры», ориентированный на выражение иронического и сатирического, присущих современной публицистике (с. 307). Автор справедливо озабочен «рассогласованностью» этического и эстетического в художественных и публицистических текстах и обращает внимание на «многообразие жанров и способов создания комического эффекта и одновременно — ухода от прямого нарушения этико-речевой нормы» (с. 323).

Завершающая глава посвящена потенциальной терминологии в сфере лингвоэкологии, которая становится свидетельством широты охвата проблем, они могут составить содержание этой новой дисциплины и вызвать её многостороннее осмысление.

А. П. Сковородников предложил своё видение нашего языкового состояния, собрав очень большой материал из сферы публицистики и художественной литературы, которые обладают особой чувствительностью по отношению к социальной жизни, её проблемам, во многом порождённым трагическими событиями XX века. Его наблюдения и оценки направлены на осмысление не только языковых процессов как таковых, но и на организацию языковой деятельности общества с задачей сохранять и упрочивать национальный язык и нравственность.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Ср.: Слова, с которыми мы встречались: Словарь общего жаргона / Под ред. Р. И. Розиной, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской. М., 1999.

К. А. Рогова,
Санкт-Петербургский гос. ун-т

ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА» (2015. № 1)

V. I. SHAKHOVSKY, N. G. SOLODOVNIKOVA

LINGUISTICS OF EMOTIONS. OVERVIEW OF THE "RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS" (2015. N 1)

В данном обзоре рассматривается специальный выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика», посвященный лингвистике эмоций (2015. № 1). Журнал знакомит читателей с современным состоянием названной научной парадигмы, ее основными достижениями, спорными вопросами и перспективами.

Информацию о журнале можно найти на сайте http://journals.rudn.ru/linguistics. Все опубликованные статьи имеются в открытом доступе, что делает журнал доступным для читателя.

По данным сайта, общая цель журнала — «способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры и сознания, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества». Частная цель указанного выпуска сформулирована в предисловии, написанном главным редактором журнала, Т. В. Лариной, в соавторстве с С. В. Ионовой: готовя выпуск журнала, посвященный лингвистике эмоций, «редколлегия ставила перед собой цель объединить в одном издании публикации, отражающие разнообразные аспекты этой научной проблемы,

теоретические достижения и эмпирические наблюдения ученых, традиционные и новые вопросы лингвистики эмоций, возможные пути их применения для решения прикладных задач» [6]*.

В предисловии обозначена позиция издания в отношении лингвистики эмоций: она признается «актуальным направлением исследований, имеющим научную значимость и практическую ценность для многих сфер нашей жизни» [Там же]. Данная цитата демонстрирует, что, во-первых, журнал хорошо знаком с трудами ученых, работающих в данной научной парадигме, во-вторых, что научное направление *лингвистика эмоций*, сформировавшееся при кафедре языкознания ИИЯ ВГСПУ, представляет для журнала научный интерес, в-третьих, что данная парадигма считается актуальной как в научном, так и в практическом плане, в-четвертых, что журнал соглашается с тем, что эта область научного знания междисциплинарна по своей сути.

Журнал подтверждает интерес к научным изысканиям, получившим многолетнюю апробацию в трудах не одного десятка российских и зарубежных ученых, а также публикацией материалов по данной проблематике подтверждает свое согласие с ее основными положениями, признает важными разрабатываемые ею проблемы, вносит вклад в развитие парадигмы эмотиологии и способствует знакомству широкой научной общественности как с ее достижениями, проблемами и перспективами, так и с ее авторами — молодыми и опытными исследователями различных проблем эмоций в языке. Иными словами, совокупно все перечисленное выше углубляет научную апробацию лингвистики эмоций, расширяет ее отражение в смежных отраслях знания, т. е., выражаясь метафорически, продолжает ее научную жизнь и вводит в научный обиход многочисленные новые терминопонятия этой отрасли современного языкознания.

Действительно, журналу через публикацию тематического выпуска удается способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей, и освещать деятельность профессионального научного сообщества (в данном случае речь идет преимущественно о представителях волгоградской школы лингвистики эмоций).

Через знакомство с именами волгоградских ученых и содержанием их статей в журнале читатель получает общее представление о частных проблемах лингвистики эмоций, ее связи с другими научными парадигмами, ее традициях и перспективах, потенциале ее практического применения. В связи с направленностью журнала особенно ценным представляется его помощь лингвистике эмоций в отношении вынесения ее теоретических и практических вопросов на международное обсуждение.

Перейдем к обзору содержания журнала, чтобы показать, как он знакомит ученых, интересующихся новыми и актуальными проблемами современного языкознания, с основными достижениями эмотиологии, ее спорными вопросами и перспективами их решения.

Лингвистика эмоций как особое направление в данном выпуске считается уже не сугубо теоретическим, а начинает восприниматься как более практическое. В предисловии утверждается, что эта область научного знания неуклонно приобретает статус классической области лингвистики, воспринимается как фундаментальная и хорошо обоснованная теория, потому что в ее разработку внесли свой весомый вклад многие известные отечественные и зарубежные исследователи, что видно из цитированной в журнале литературы. Значительная роль при этом отводится волгоградской школе лингвистики эмоций. Вклад названной школы в становление и развитие эмотиологии, по мнению авторов предисловия, трудно переоценить по нескольким причинам: во-первых, потому что в 60-е гг. XX века удалось отстоять выбор табуированного в то время для языкознания объекта изучения — эмоционального аспекта языка, во-вторых, потому что каждая публикация представителей этой школы, разрабатывающих тему эмоций в языке, речи, тексте, каждое их выступление на конференциях разного уровня приближает научный мир к пониманию того, что без эмоций нет коммуникации людей друг с другом.

В данном выпуске журнала убедительно показан современный уровень разработанности лингвистики эмоций, ее значимость для теории языка в целом, ее выходы в смежные дисциплины (а именно отражение ее результатов в лексикографии и в методике обучения иностранным языкам), динамика ее идей, аспекты исследования эмоциональных явлений в современном коммуникативном пространстве, как внутри-, так и межкультурном.

Выпуск представляет имена ученых и разрабатываемые ими проблемы: эмоциональное / эмотивное содержание смешанных психологических состояний [19]; способы фиксации эмотивной семантики в разных языках [8; 2]; эмотивные компоненты в терминологии [11; 16], специальном дискурсе [1], грамматике языка [12]. Проблемы перевода, касающиеся сложности передачи различных эмоциональных состояний и их эмоционально-экспрессивных оттенков, подвергаются особенному вниманию в статье *Д. И. Ермоловича*, который акцентирует значимость прикладного аспекта изучения эмоций [3].

Эмоциональность как облигаторное свойство homo sentiens влияет на прагматику его высказываний в разных видах коммуникации и транслируемые им эмотивные смыслы. Осуществление эффективной (следовательно, и экологичной) коммуникации не может происходить без участия средств и стратегий коммуникации позитивной, которая в работе *О. А. Леонтович* понимается как взаимодействие, основанное на позитивных эмоциях, направленных на взаимопонимание, и приносящее удовлетворение всем участникам [10]. Ситуации романтической

коммуникации, исследуемые *Т. Г. Ренц*, выступают частной иллюстрацией позитивного общения [14].

В статье *Т. В. Лариной* показано, насколько необходима эмотивно-прагматическая компетенция общающимся в межкультурном контексте для преодоления ими взаимного непонимания из-за их различий в эмоциях и способах и средствах их эксплицикации [9]. В работе *А. В. Олянича* и *О. В. Храмовой* иллюстрируется, как знаки культурно-специфичного эмотивного общения маркируют историческую ретроспективу различных эпох [13].

В названном блоке работ демонстрируется актуальность тезиса о лингвокультурной специфике выражения универсальных человеческих эмоций. Необходимо отметить, что особенно ценной с точки зрения отношения к межпарадигмальным, новым и только обретающим свои очертания научным парадигмам, предлагаемым к международному обсуждению, представляется поддержка журналом дочернего направления эмотивной лингвистики — *эмотивной лингвоэкологии*. Данная отрасль знания является центральным разделом выпуска журнала и признается новым этапом процесса развития лингвистики эмоций сегодня.

Обоснование эмотивной лингвоэкологии как новой области исследований называется в журнале логично подготовленным всем ходом развития лингвистической теории эмоций в современной научной России. Редакция журнала разделяет и поддерживает мнение о том, что речевые действия, как и другие виды человеческой деятельности, имеют общественную значимость и тесно связаны с социальным здоровьем нации. Модус экологичности рассматривается в статье *В. И. Шаховского* [17] в качестве особого аспекта эмотивной коммуникации. Редакция журнала поддерживает основной тезис эмотивной лингвоэкологии о том, что воплощенные в слове эмоции приобретают витальную значимость для человека. Теперь уже мнение, что энергия слова через позитивные и негативные эмоции прямо отражается на физиологии человека, не считается просто околонаучной метафорой. Названный центральный раздел статей посвящен целому блоку «экологических» вопросов: коммуникативной (без)грамотности людей [4], запланированному эмоциональному воздействию [5], вариативности модуса экологичности эмоций, амбивалентному характеру ситуаций их реализации [18].

Этико-эстетический аспект текстов осознается в качестве важнейшей составляющей анализа с точки зрения их (не)экологичности, который теперь рекомендуется учитывать наряду с его лингвистическими аспектами. В блоке работ по эмотивной лингвоэкологии показано, что возникновение (не)экологичных коммуникативных эмоциональных ситуаций обусловлено, с одной стороны, превалированием языковых единиц с негативной семантикой; с другой стороны, отсутствием стремления homo sentiens создавать единый эмоциональный центр общения людей в конкретной ситуации и поддерживать экологичное коммуникативное пространство. В этой связи значимость приобретает изучение уже существующих коммуникативных эталонов экологичности. *Н. А. Красавский* в своей работе в качестве такого образца приводит тексты Германа Гессе, объясняя их экологичность как жизненной философией писателя, так и его литературным дарованием [7]. А в статье *О. Е. Филимоновой* на примере сонетов У. Шекспира выявлены языковые возможности дифференцированного выражения эмоциональных состояний человека чувствующего [15].

Из содержания публикаций, представленных в рассматриваемом выпуске журнала, можно заключить, что владение приемами «эмоционального балансирования на грани экологичных эмоций» должно непременно входить в эмотивную, экологическую и коммуникативную компетенцию каждого носителя языка. Это означает, что основы эмотивной лингвоэкологии позволяют сегодня ученым приблизиться к построению непротиворечивой «методики рационализации эмоций» как востребованной социумом теории и способа эффективного общения без рисков и коммуникативных помех.

Научная парадигма *лингвистика эмоций* (а теперь уже и *эмотивная лингвоэкология*) может по праву гордиться поддержкой авторитетного международного издания «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика», а знакомство других филологических и лингвистических журналов, как отечественных, так и зарубежных, с публикациями названного журнала является интересной перспективой научного сотрудничества.

Одной из таких перспектив представляется продолжение обсуждения темы эмоций в языке в специальном выпуске журнала «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика» (2018. № 1), который готовится совместно с зарубежными эмотиологами. Волгоградская школа эмотиологии принимает активное участие в его создании и надеется, что названная тема будет представлять несомненный интерес для читателей в России и за ее пределами.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее указываются статьи из № 1 «Вестника РУДН. Серия: Лингвистика» за 2015 год:

1. *Гавриленко Н. Н.* Переводческий анализ лингвистических особенностей французского специального дискурса. С. 201–211.

2. *Дмитриева Н. А.* Сопоставительный анализ семантической структуры лексических единиц, вербализующих концепт «эмоция» в лингвокультурах русского, английского, французского и итальянского языков. С. 81–93.

3. *Ермолович Д. И.* Пение без звука: об итогах одного переводческого конкурса. С. 212–229.

4. *Ерохина Л. В.* Эколого-когнитивная и эмоциональная асимметрия в научающей коммуникации. С. 61–71.

5. *Ионова С. В.* Эмоциональные эффекты позитивной формы общения. С. 20–30.

6. *Ионова С. В., Ларина Т. В.* Лингвистика эмоций: от теории к практике. С. 7–10.

7. *Красавский Н. А.* Экологичность текстов Германа Гессе. С. 42–51.

8. *Кургузенкова Ж. В.* Фразеологические единицы, номинирующие мужчину-ловеласа во французском и русском языках. С. 112–125.

9. *Ларина Т. В.* Прагматика эмоций в межкультурном контексте. С. 144–163.

10. *Леонтович О. А.* Позитивная коммуникация: постановка проблемы. С. 164–177.

11. *Маджаева С. И.* К проблеме эмоциогенности медицинского термина. С. 94–104.

12. *Озюменко В. И.* Выражение эмоций грамматическими средствами английского языка. С. 126–143.

13. *Олянич А. В., Храмова О. В.* Знаки и символы монархии в вакхическом пространстве британского утилитарного дискурса (лингвосемиотический и эмотивный аспекты). С. 190–200.

14. *Ренц Т. Г.* Репрезентация категории эмотивности в эмотивно-прагматических установках участников романтического общения. С. 178–189.

15. *Филимонова О. Е.* Репрезентация категории эмотивности в сонетах Шекспира. С. 52–60.

16. *Хлебутина В. Ю., Максименко О. И.* Проявление эмотивности в спортивном дискурсе (на примере танцевальной терминологии). С. 105–111.

17. *Шаховский В. И.* Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности. С. 2015, № 1. С. 11–19.

18. *Шаховский В. И., Волкова П. С.* Этико-эстетический аспект экологичности эмоций в произведениях искусства. С. 3–41.

19. *Штеба А. А.* Смешанная эмоция и ее функционально-семантический потенциал (на примере номинации «нелюбовь»). С. 72–80.

В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова,
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

[хроника]

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА...

(Начало на. 86, 105. Окончание на с. 114)

примеры реализации диалектического, эристического и софистского мировоззрения в различных областях ораторской практики, которые отражают ценностное отношение к речи и ее возможностям;

проф. И. А. Стернин (Воронежский ГУ) посвятил доклад исследованию мотивации в формировании речевой и коммуникативной культуры носителя языка. Проведение курсов повышения квалификации по русскому языку, культуре речи и эффективному общению для госслужащих Воронежской области в 2011–2016 гг. свидетельствует о постоянном повышении интереса и мотивации к совершенствованию языковых навыков;

проф. В. И. Аннушкин (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина) систематизировал в докладе методологию риторического образования, включающую опыт античной риторики, русской классической школы, зарубежных риторик и современных научно-риторических школ России. В современной России насчитывается более двадцати фундаментальных направлений в области риторики, самостоятельно разрабатывающих как научные проблемы, так и способы и приемы риторической педагогики.

В докладе *проф. Д. А. Щукиной* и *доц. Н. А. Егоренковой* рассматривалась идея преемственности изучения риторики в старейшем техническом вузе России — *Санкт-Петербургском Горном университете.* Учебник «Опыт риторики» И. С. Рижского (1796) был проанализирован как систематическое и оригинальное произведение учебно-научного жанра, обоснована необходимость переиздания этого классического труда для использования в научно-исследовательской и педагогической работе.

Опыт проведения конкурсов устного рассказа и особенности нарративных текстов были представлен в докладе *проф. Т. В. Матвеевой (УрГУ)* «Разговорный рассказ как духовная ценность и объект риторики повседневности». Публичное рассказывание оценивается автором как коммуникативная ценность современной городской культуры, а категориальная концепция текста предложена для риторической подготовки рассказчиков.

Большой интерес вызвал доклад китайской коллеги *проф. Линь Мэй (Сианьский институт иностранных языков)* «Риторический подход к изучению переводческой деятельности». Самостоятельность и оригинальность концепции автора доклада, глубокий анализ связей деятельности переводчика и ритора как создателя текста при отличном владении русским научным языком снискали искреннее одобрение у слушателей конференции.

В докладе *проф. О. И. Марченко (СПбГУ)* «Пафос как категория риторики: энергия живого слова» пафос назван «тем страстным воодушевлением, той внутренней силой, которая воспламеняет оратора». Как психоэнергетический источник речи, пафос ведет к слиянию внутреннего и внешнего, содержания и формы, идеального и реального, духовного и материального. В риторике пафос рассматривается как основной тон, идея, которую автор созерцает не разумом, а всей полнотой и целостностью своего духовного бытия.

Совместный доклад *проф. Е. В. Ерохиной и доц. О. Ю. Князевой (МПГУ)* был посвящен анализу дефиниций понятия *коммуникативная культура* в речеведческих исследованиях. Коммуникативная культура определяется как 1) совокупность личностных качеств человека, способствующих эффективному речевому взаимодействию; 2) совокупность знаний, умений и навыков эффективной коммуникации; 3) совокупность норм и ценностей, образцов поведе-

К 80-летию И. В. Фоменко

МИР ФОМЕНКО

FOMENKO'S WORLD: I. V. FOMENKO'S 80TH ANNIVERSARY

Жизнь по природе своей диалогична.
Жить — значит участвовать в диалоге:
Вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т. п.
В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью:
глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом,
поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово
входит в диалогическую ткань человеческой жизни,
в мировой симпозиум.
М. М. Бахтин

Мир Игоря Владимировича Фоменко — это мир диалога, мир, сотканный из диалогической ткани. Слова М. М. Бахтина как нельзя лучше характеризуют стиль, манеру и даже направление научных изысканий Игоря Владимировича. Диалог как стремление понять другого, самому познать новое, диалог как стиль жизни. Ни в коем случае не соглашательство, а согласие на существование другой точки зрения. При этом свое мнение, всегда. Любимый поэт — Б. Пастернак, поэтому, будучи студентом, заявил на собрании, что голосовать против Пастернака не будет, т. к. роман «Доктор Живаго» не читал. В 1971 году защитил диссертацию о поэзии Пастернака «Поэтическое творчество Бориса Пастернака 10–20-х годов», первую в СССР [5].

Диалог как манера поведения и стиль в общении со всеми: студентами и коллегами. Обычно каждую новую лекцию он предварял фразой: «Какие есть вопросы?» и терпеливо ждал, пока поднимется рука, за ней — другая и аудитория «заработает». Он знал, что монологические лекции (называл их «токованием») губительны опасностью превратить преподавателя в носителя истины. И семинары строились не как вопрос преподавателя и ответ студента для получения оценки за ответ, а диалог как путь к пониманию: он всегда ценил не знание, а понимание. Позже методические разработки Игоря Владимировича нашли отражение в пособии для семинарских занятий по спецкурсу «Принципы литературоведческого анализа» [2]. Названия параграфов составлены в виде вопросов: Зачем анализировать и как анализировать?; Словарь слов или словарь значений?; Какие задачи можно решать с помощью словаря слов?; Какие задачи можно решать с помощью словаря значений?

Именно в диалоге с Игорем Владимировичем приходило понимание того, о чем стихотворение А. А. Ахматовой «Он любил...» (1910): о нем или о ней?

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

В диалоге и на примерах, доступных и простых, мы осознавали «тесноту поэтического ряда» (Ю. Тынянов) и значимость каждого слова, каждой части речи, даже служебной. Оказалось, что именно противительный союз «а» многое добавляет к пониманию смысла стихотворения, в котором говорится совсем не о нем, а о ней. Игорь Владимирович называл союз «а» одним из наиболее «субъективных» союзов, с употреблением которого появляется смысловая вариативность, который привносит в стихотворение разные значения: «Прежде всего это значение присоединения, выражающее резкий, неожиданный переход от одной мысли к другой. Одновременно «а» передает оттенок присоединения по ассоциации, причем по ассоциации присоединяется не только предложение, но и персонаж. Возникает диалог двух мироощущений, и поэтому возрастает роль присоединительно-усилительного значения <...> Все это „обрекает“ союз на то, чтобы он стал не только агентом экспрессии, но одной из доминант смыслообразования, сигналом конфликта между двумя мироощущениями» [1: 79–80]. Игорь Владимирович в качестве эксперимента предлагал заменить союз «а» односложным союзом «и» или

«но». Ритмический рисунок сохраняется, но исчезает драма, и стихотворение становится либо рассказом о женщине, которая всегда рядом с *ним*, либо о том, что, несмотря ни на что, она остается *его* женой. Он не боялся экспериментировать (кто-то считал это ненаучным), не боялся говорить об интуиции ученого, основании для поиска аргументов, которые ее подтвердят или опровергнут.

Игорь Владимирович продолжил спор об «упаковочном материале» (Л. В. Щерба), который до него в поэтике не поддавался изучению и анализу, и предположил, что на уровне смыслообразования служебные слова играют принципиально важную роль. Его работы наполнены диалогом с самим собой — его размышлениями: он не дает сразу готовый вариант, он всегда рассматривает аргументы «за» и «против»: «С одной стороны, можно привести множество примеров, когда крайне затруднительно говорить о смыслообразующей роли служебных слов. <...> Задумаемся: какую такую роль играют в смыслообразовании предлоги *в*, *над*, союзы *и, как*? И вынуждены будем ответить: участия в смыслообразовании они, скорее всего, не принимают, а только оформляют авторское высказывание, выступая как грамматические категории <...> С другой стороны, если чеховская фраза начинается нейтральным („упаковочным“) предлогом *в* („В один прекрасный вечер...“), то заканчивается она отнюдь не нейтральным предлогом *на* („...глядел... *на* «Корневильские колокола“)» [Там же: 70–71].

Игорь Владимирович не шел за интуицией, не стремился доказать свою концепцию, он всегда шел от материала и не боялся его противодействия, ведь он интерпретировал не для того, чтобы доказать, что он прав, а чтобы понять, «дойти до самой сути». Вот так, задавая себе вопросы и отвечая на них, доказал, что служебные слова составляют основу смысловой вариативности, основу структурообразования, являются агентами экспрессии, смысловой доминантой.

Игорь Владимирович не любил априорных построений, предпочитая трудоемкий, но доказательный путь. Был чуток к методологии, но не абсолютизировал ее. Полагал, что любая методология нужна, чтобы понять текст — главный объект поэтики. В своей последней книге «Практическая поэтика» [6] сумел преодолеть разрыв между филологической наукой и вузовским курсом, призванным знакомить студентов с незыблемыми научными истинами: «Универсальной поэтики не может быть по определению. Как любая наука, она живет, потому что развивается в постоянном диалоге» [1: 176].

Диалог как взаимосвязь слов, высказываний, текстов стал в его научной концепции определяющим, и понятно, почему он заговорил о цикле одним из первых. О цикле как взаимодействии текстов. Он показал, что смысл целого больше суммы частей. И. В. Фоменко отмечал, что «определенное слово или группа слов, объединенных каким-либо общим значением, повторяясь в отдельных стихотворениях цикла, не только устанавливает между ними прочную и гибкую связь, но и влияет на идейно-художественное своеобразие целого» [3: 56]. Обладая мощным классифицирующим умом, он стремился определить, где типология, а где своеобразие. Это особенно проявилось в его докторской диссертации «Поэтика лирического цикла» (1990) [4] — одной из лучших работ по циклизации [3: 56].

Диалог как забота о Другом, о читателе, который рождал простоту стиля: поэтому чтение его работ как диалог с ним, который просто и доступно, без менторства и самолюбования, объяснит сложные понятия. Например, вот как Игорь Владимирович объяснял сложные понятия *текст — произведение — художественный мир*: «Письменный литературный текст не содержит в себе ничего, кроме типографских значков. Когда книгу открывают и начинают читать, текст превращается в произведение: в читательском воображении возникает целый художественный мир. Этот мир — ментальное образование: он существует только в читательском воображении, а не в тексте» [1: 8].

Или при помощи простого, но наглядного примера Игорь Владимирович объяснял, что объем понятий, представленных в заголовке, несоизмеримо шире словарного значения слов, из которых он состоит: «Апокриф о том, как два человека, увидевшие книгу А. Солженицына „Архипелаг

ГУЛАГ“, не могли составить представления о том, что скрывается за обложкой. Один из них хорошо знал, что такое „ГУЛАГ“, но в его языковой картине не было слова „архипелаг“. А второй знал, что такое „архипелаг“, но, к счастью или несчастью, слово „ГУЛАГ“ было ему неизвестно. Однако и в том случае, когда читатель знает, что значат оба слова, ему нужно, не ограничиваясь их словарными значениями, увидеть в их сочетании метафору. И только после этого откроется зловещий смысл заглавия» [Там же: 51].

Диалог с Учителем продолжается: мы обращается к его работам и как будто разговариваем с ним. Жаль только, уже не получишь ответа.

Краткая биографическая справка

Игорь Владимирович Фоменко (26.05.1937–29.09.2016) — доктор филологических наук, профессор. С 1969 года Игорь Владимирович Фоменко преподавал в Калининском педагогическом институте, который был переименован в Тверской государственный университет. В 1995 году возглавил кафедру теории литературы, до последнего времени оставался её профессором. Специалист в области теории литературы, теории лирики, поэтики текста. Автор более 50 научных работ. В 2014 году вошёл в Топ-100 российских филологов согласно Российскому индексу научного цитирования, заняв 53 место.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фоменко И. В.* Введение в практическую поэтику: учебн. пособие. Тверь, 2003.

2. *Фоменко И. В.* Об анализе лирики: пособие для семинар. занятий на филол. фак. по спецкурсу «Принципы литературоведческого анализа». Калинин, 1977.

3. *Фоменко И. В.* О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984.

4. *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

5. *Фоменко И. В.* Поэтическое творчество Бориса Пастернака 10–20-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

6. *Фоменко И. В.* Практическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2006.

Л. В. Селезнева, А. Г. Степанов

[хроника]

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА...

(Начало на с. 86, 105, 111)

ния, принятых и используемых для эффективного общения; 4) »культура общения».

Немаловажным для успеха всякой конференции является обстановка и стиль общения участников собрания. Поскольку риторов — ученых и педагогов — связывает богатый опыт прошлых дискуссий, интерес и озабоченность общими проблемами совершенствования русской речи, на риторических форумах развертывается искренняя и заинтересованная дискуссия. На этот раз она прошла в рамках Круглого стола «***Мой мастер-класс***», на котором участники показывали и обменивались опытом проведения различных форм практических занятий.

Секционные заседания конференции свидетельствовали о широком диапазоне вопросов, которые поднимаются современной риторикой: 1. Теория риторики и практика общения в политической, социальной и культурной жизни общества. 2. Культура речи и профессиональная риторика для специалистов. 3. Методика и инновационные формы преподавания риторики. 4. Преподавание риторики и культуры речи в вузах. 5. Риторика и культура общения в школе. 6. Риторическая классика и современность. 7. Культура речи и риторика в преподавании русского языка как иностранного.

На Круглом столе «***Книги, по которым мы учим***» коллеги-риторы представили учебную литературу по риторике и культуре речи, используемую на занятиях в вузах и школах. Традиционным для конференции риторов России бывает небольшой литературно-музыкальный вечер (на этот раз он назывался словами О. Э. Мандельштама «И, слово, в музыку вернись!») — своеобразный обмен поэтико-музыкальными вкусами и опытом как словесного, так и песенного творчества.

XXI Международная конференция по риторике приняла фундаментальное решение, в котором записаны результаты деятельности в области научных публикаций, издания учебников и пособий по риторике и культуре речи, перечислены мероприятия международной и общественно-просветительской деятельности — более подробно с Решением юбилейной конференции русистов-риторов России можно познакомиться на сайте www.pushkin.institute. Очередную XXII конференцию Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики решено провести в Санкт-Петербургском Горном университете на кафедре русского языка и литературы 29–31 января 2018 года по теме «Актуальные проблемы риторики и культуры речи в современном обществе и новом образовательном пространстве».

В. И. Аннушкин,
Инст. русского языка им. А. С. Пушкина

ГОД ЭКОЛОГИИ

2017 год в России объявлен годом экологии с целью привлечь внимание общества к вопросам экологического состояния страны. Понятие экологии сегодня размывается и ассоциируется у носителей языка прежде всего с вопросами охраны среды обитания биологического человека, окружающей среды.

На принципах экологии формируется и новое направление в лингвистике — эколингвистика, изучающая иную сферу обитания человека — языковую (работы, в той или иной степени относящиеся к данному направлению, регулярно публикует наш журнал).

В этом номере мы хотим познакомить читателей с научным взглядом на одну из проблем промышленной экологии: уверены, что знания в этой области будут полезны и в лингвистических исследованиях, и при обучении русскому языку как родному и иностранному.

А. С. Данилов, В. А. Матвеева, М. А. Пашкевич

ОЦЕНКА ТЕХНОГЕННЫХ МАССИВОВ КАК ИСТОЧНИКОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ

ALEKSANDR S. DANILOV, VERA A. MATVEEVA, MARIA A. PASHKEVICH

THE ASSESSMENT OF TECHNOGENIC MASSIFS AS THE SOURCES OF ECOLOGICAL DANGER

Александр Сергеевич Данилов
Аспирант кафедры геоэкологии
▸ danilov@spmi.ru

Вера Анатольевна Матвеева
Кандидат технических наук, ассистент кафедры геоэкологии
▸ matveeva_va@spmi.ru

Мария Анатольевна Пашкевич
Доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой геоэкологии
▸ mpash@spmi.ru

Санкт-Петербургский горный университет
21-я лин. В. О., 2, Санкт-Петербург, 199106, Россия

Aleksandr S. Danilov, Vera A. Matveeva, Maria A. Pashkevich
Saint-Petersburg Mining University
2, 21st Line, St. Petersburg, 199106, Russia

В работе производится оценка антропогенной нагрузки предприятий горно-добывающей и перерабатывающей отраслей промышленности на компоненты окружающей среды на примере эксплуатации техногенных массивов, вызывающих загрязнение и нарушение земельных и водных ресурсов, атмосферного воздуха и, как следствие этого, снижение уровня качества жизни населения.

Ключевые слова: техногенный массив; ореолы загрязнений; потоки загрязнений.

The article assesses the anthropogenic load of enterprises of the mining and processing industries on the components of the environment, as exemplified in exploitation of man-made massif causing pollution and disturbance of land and water resources, atmospheric air and, as a consequence, a decrease in the quality of life of the population.

Keywords: technogenic massif; pollution areas; pollution streams.

Экология — это «наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой» [2]. На современном этапе развития цивилизации экология представляет собой сложную комплексную дисциплину, основанную на различных областях человеческого знания: биологии, химии, физики, социологии, природоохранной деятельности, различных видов технологии.

Впервые в науку понятие «экология» ввел немецкий биолог Э. Геккель (1886). Это понятие первоначально являлось чисто биологическим. В дословном переводе «экология» означает «наука о жилище»

и подразумевала изучение взаимоотношений между различными организмами в природных условиях. В настоящее время это понятие очень усложнилось, и разные ученые вкладывают в это понятие различный смысл.

Промышленная экология — раздел экологии, изучающий воздействие промышленности — от отдельных предприятий до техносферы — на окружающую природную среду; влияние условий природной среды на функционирование предприятий и их комплексов.

Основным направлением промышленной экологии является создание таких систем производства и утилизации отходов производственной деятельности, которые не влияют на биосферу и среду обитания человека.

К настоящему времени появилось понимание того, что человек обречен на вымирание по мере накопления продуктов его созидательной деятельности. В связи с этим резко возрастает значение промышленной экологии.

Сегодня промышленная экология охватывает очень широкий круг проблем, причем проблем весьма различных и уже совсем не биологического плана. Тут уместнее говорить о целом ряде инженерных экологических дисциплин: экология горнодобывающей промышленности, экология энергетики, экология химических производств и прочее. Может показаться, что использование слова «экология» в сочетании с этими дисциплинами не вполне правомочно, однако это не так. Подобные дисциплины очень разные по своему конкретному содержанию, но они объединяются общей методологией и общей целью: предельно сократить влияние промышленной деятельности на процессы кругооборота веществ в природе и загрязнение окружающей среды.

На сегодняшний день горная промышленность является одним из ключевых секторов российской экономики, а предприятия минерально-сырьевого комплекса обеспечивают, по разным оценкам, от 50 до 60% валового внутреннего продукта (ВВП) нашей страны, а предприятия отрасли представляют значительную угрозу здоровью и благополучию населения. Особенно остро эта проблема стоит при формировании техногенных массивов, объем которых на сегодняшний день достигает миллиардов тонн.

Согласно Государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году» общая величина накопленных и учтенных отходов производства и потребления в России на конец 2015 года составила примерно 31,5 млрд т, из которых более 90% образовались в результате добычи и переработки полезных ископаемых. Несмотря на значительное количество отходов и их высокую экологическую опасность, наиболее распространенным способом утилизации является размещение на поверхности Земли в виде техногенных массивов. В настоящее время общая площадь земель, занимаемая техногенными массивами, составляет около 1 млн га, а площадь земель, изъятых из продуктивного оборота под складирование отходов добычи и переработки минерального сырья, — более 5 млн га. Результатом интенсивной техногенной нагрузки, оказываемой хранилищами отходов горной промышленности на компоненты природной среды, становится ухудшение санитарно-гигиенических характеристик в райо-

Рис. 1. Последствия прорыва дамбы на хвостохранилищах.

нах их расположения, и, как следствие, повышается заболеваемость и смертность населения, особенно в раннем возрасте.

Техногенный массив — это геологические структуры, сложенные породами или антропогенными наносами, отличающиеся по своему составу от фоновых пород [5].

Кроме этого территории расположения техногенных массивов, особенно большой вместительности, подвержены повышенному риску возникновения на них техногенных аварий и катастроф. За последние 50 лет в мире на техногенных массивах произошло более 150 серьезных аварий, сопровождающихся человеческими жертвами и причинивших колоссальный социальный, экологический и экономический ущерб государству. Примерами могут служить: прорыв дамбы на Карамкенском хвостохранилище* цианидов (Магаданская обл., 2009 г.), авария на накопителе отходов ОАО «Аммофос» (Волгоградская обл., 2010 г.), прорыв плотины хвостохранилища завода «MAL Hungarian Aluminum» (Венгрия, 2010 г.), авария на хвостохранилище кампании «Samarco» (Бразилия, 2015 г., рис. 1).

Проблема повышенного риска возникновения аварий и катастроф на техногенных массивах, расположенных в непосредственной близости к территориям городов, вызывает особое опасение. На европейской территории России можно привести множество таких примеров: техногенные массивы ОАО «Апатит» (Мурманская обл., г. Кировск); ОАО «Ковдорский ГОК» (Мурманская обл., г. Ковдор); ОАО «Михайловский ГОК» (Курская обл., г. Железногорск); ОАО «Новоросцемент» (Краснодарский край, г. Новороссийск).

Кроме того, все городские территории, расположенные в зоне формирования техногенных массивов, подвержены устойчивой и долговременной антропогенной нагрузке. К числу негативных последствий формирования техногенных массивов следует отнести: ухудшение состояния атмосферы; сокращение площадей земель, пригодных для сельскохозяйственного пользования; изменение природного ландшафта и загрязнение почвенного покрова; развитие эрозионных процессов; изменение состояния и свойств горных пород, слагающих основания техногенных массивов, а также гидрологического и гидрогеологического режима района; возникновение горно-геологических процессов и явлений (рис. 2) [3].

В настоящее время решением проблемы снижения негативного воздействия техногенных массивов на компоненты окружающей природной среды активно занимается коллектив кафедры геоэкологии Санкт-Петербургского горного университета под руководством профессора М. А. Пашкевич.

История кафедры геоэкологии Горного университета насчитывает 37 лет и за это время она стала ведущей экологической кафедрой России. Кафедра оснащена самым современным научным оборудованием и программным обеспечением, которое позволяет проводить научные исследования в соответствии с международными стандартами и подготавливать высококвалифицированных специалистов в области экологии.

Экологическая подготовка инженерных кадров всех специальностей была начата Горным университетом одним из первых среди вузов Российской Федерации в 1978 году. В этом же году

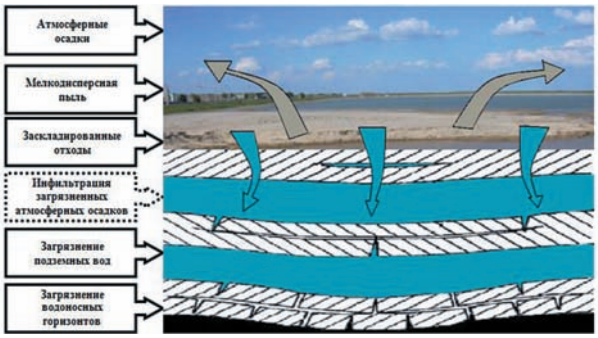


Рис. 2. Воздействие техногенного массива на окружающую среду.

Рис. 3. Передвижная лаборатория экологического мониторинга.

была создана кафедра Инженерной экологии, которая явилась прообразом кафедры Геоэкологии.

К 2004 году был накоплен значительный опыт в подготовке инженеров-экологов, создана научная база и квалифицированный кадровый состав, расширена область экологической подготовки, в связи с чем создается кафедра Геоэкологии как самостоятельная кафедра. В 2006 году в рамках инновационной образовательной программы закуплена передвижная экологическая лаборатория на базе автомобиля высокой проходимости Мерседес-Бенц (рис. 3).

В ходе полевых исследований (рис. 4), проведенных сотрудниками Центра коллективного пользования Горного университета, на территориях расположения горнопромышленных объектов, было выявлено следующее:

- заскладированные отходы разнообразны по своему составу и свойствам, содержат загрязняющие компоненты различной степени токсичности;
- функционирование хранилищ отходов определяет собой потенциальный, высокий и продолжительный риск загрязнения подземных и поверхностных вод, которые используются для питьевого водоснабжения, хозяйственно-бытовых и рыбохозяйственных нужд, ирригации;
- техногенные массивы представляют опасность загрязнения воздуха пылью и газообразными продуктами биохимического разложения отходов;
- помимо токсичности, ряд техногенных массивов отличается взрыво- и пожароопасностью;
- техногенные массивы могут представлять опасность загрязнения приповерхностного слоя, культивированных на нем растений, интоксикации людей и животных;
- техногенные массивы провоцируют негативные ландшафтные преобразования.

Процессы добычи и переработки минерального сырья, характерные для современного развития горного производства, связаны со значительным загрязнением атмосферного воздуха. Загрязнение атмосферного воздуха происходит в основном в результате пылевыделения с поверхностей техногенных массивов. Техногенные массивы характеризуются большими площадями и нарушенной поверхностью, на которой под воздействием атмосферных условий происходят процессы пылеобразования (в сутки с 1 га выносится от 2 до 5 т пыли), способствующие формированию атмохимических ореолов загрязнения.

Усредненные показатели удельного сдувания пыли с пылящих поверхностей при открытых горных работах приведены в таблице.

Существующие способы предотвращения пыления основаны либо на закреплении пылящих поверхностей с помощью экологически вредных химических веществ, либо на проведении посадки травянистых растений. Тем не менее, несмотря на большой объем и достигнутые успехи исследований, до настоящего времени комплексного экологически безопасного и биологически продуктивного метода обеспыливания не разработано.

Техногенные массивы представляют собой сложный набор химических элементов, которые при определенном соотношении природных и антропогенных факторов способны мигрировать в поверхностные и подземные воды. К основным источникам загрязнения гидросферы относятся жидкая фаза хвостов и временные водные потоки, выносящие загрязняющие компоненты с поверхности и тела техногенных массивов. Процесс загрязнения вод, протекающих под техногенными массивами, происходит в три стадии. Первая стадия соответствует инфильтра-

Рис 4. Полевые работы. Отбор проб.

Таблица. **Показатели сдувания пыли с пылящих поверхностей (по П. И. Томакову)**

Место пыления	Условия работы и характеристика объекта	Удельное сдувание пыли при скоростях ветра		
		До 4	6–8	10
Поверхностные открытые склады	Умеренно пыльные	0,4	18	100
	Пыльные	0,6	25	200
	Весьма пыльные	1,0	50	350
Поверхность породных отвалов	Свеженасыпанный	1,0	9	15
	Через 3 мес. после отсыпки	0,6	5	8
Поверхность хвостохранилищ	Хвосты влажностью 2–4%	2,8	1300	400
	То же, 4–6%	1,8	35	60
	То же, 8–10%	1,2	12	25

ции атмосферных осадков, природных поверхностных и сточных вод через толщу отложений, слагающих техногенный массив и породы зоны аэрации. Степень изменения инфильтрующихся вод определяется их изначальным химическим составом, содержанием легко- и труднорастворимых соединений в породах, составом поглощающих катионов, сорбционной способностью пород в отношении загрязняющих компонентов. Первая стадия длится с начала инфильтрации вод через породы техногенного массива и зоны насыщения кислородом до установления равновесия между инфильтратом и породами.

Вторая стадия связана со смешением преобразованных инфильтрационных вод с фоновыми подземными водами. Отличительной чертой второй стадии процесса загрязнения подземных вод является формирование стабильного концентрационного поля.

Третья стадия характеризуется процессом переноса загрязняющих ингредиентов в водоносном пласте. На этой стадии происходит формирование и распространение гидрогеохимических ореолов загрязнения по площади и по вертикали водоносного пласта.

Как было отмечено выше, на территории функционирования техногенных массивов происходит полная трансформация подстилающих подземных вод, которые, разгружаясь в поверхностные водоемы и водотоки, приводят к их загрязнению.

В настоящее время при проектировании и строительстве техногенных объектов предпринимаются различные меры по предотвращению загрязнения подземных вод. В частности, в основание техногенных массивов укладываются специальные изоляционные экраны из слоя водоупорных пород или пленки полимерного материала. Однако полного и достаточно длительного эффекта гидроизоляции хвостов в большинстве случаев не достигается [1]. Прослойка водоупорных пород, зачастую представленная глинами и суглинками, с годами теряет свою эффективность под влиянием естественных гидрогеологических процессов и сейсмичности, полимерные материалы рвутся под тяжестью складируемых на них отходов и под воздействием растений. При накоплении в хвостохранилище избыточного объема твердо-жидких отходов (пульпы) токсичные воды проникают под пленку гидроизолирующего материала. В подобных ситуациях происходят инфильтрационные потери жидкой фазы хвостов, которые приводят к загрязнению грунтов и пород, а затем и подземных вод.

Значительное количество пыли, выносимой с поверхности техногенных массивов, вызывает трансформацию химического состава прилегающих агроландшафтов. В зонах влияния техногенных массивов массовая концентрация загрязняющих веществ в почвах в сотни тысяч раз превышает значение фоновых концентраций, вызывая повреждения и гибель растений. Значительное накопление вредных веществ в почвенном покрове ведет к снижению продуктивности, к нарушению нормальных процессов роста и развития сельскохозяйственных культур, ухудшению гигиенического качества среды обитания, необратимым изменениям в живых организмах.

Техногенная пыль, попадающая в атмосферный воздух, содержит повышенное количество тяжелых металлов, таких, как железо, цинк, никель, хром, медь, свинец, марганец и др. В процессе техногенеза пыль, оседая на земную поверхность, постепенно накапливается в агроландшаф-

тах региона и приводит к формированию в почвенном слое техногенных аномалий.

К наибольшему экономическому ущербу приводит воздействие техногенных массивов на сельскохозяйственные угодья. Так, с каждого гектара техногенного массива, сложенного из пород легкого механического состава, ежегодно выносится от 1000 до 1200 т пыли, при отложении которой на поверхность почвенного слоя толщиной 4–5 см наступает полная гибель всходов зерновых культур. Экономический ущерб от ухудшения качества почв и земель под воздействием антропогенных нагрузок выражается главным образом в снижении плодородности почв, загрязнении земель химическими веществами, снижении продуктивности (урожайности) запыленных земель.

Согласно проведенным исследованиям, превышение предельно допустимой концентрации пыли в воздухе в 2–5 раз приводит к потерям выращиваемой продукции на 6,5%, тогда как в районах воздействия техногенных массивов допустимые концентрации пыли в атмосферном воздухе превышены в сотни раз [4]. Опасность пыли, при воздействии на растения, в районах расположения техногенных массивов связана с ее химическим составом и размером частиц. Повышение концентрации химических элементов в сельскохозяйственных растениях в зоне влияния техногенных массивов указывает на необходимость разработки приемов, способствующих снижению поступления тяжелых металлов в растения и получению экологически чистой продукции растениеводства. Следует отметить, что токсическое действие загрязняющих веществ распространяются на почвенные организмы и приводит к уменьшению их численности и дальнейшему разрушению почвенного слоя в результате ветровой и водной эрозии.

Экологическая напряженность природной среды в зоне воздействия техногенных массивов непрерывно растет и территориально не ограничивается районом складирования отходов. Миграция загрязняющих компонентов с территории хранилищ отходов вследствие водной и ветровой эрозии провоцирует формирование атмо-, лито- и гидрогеохимических ореолов и потоков загрязнения. На сегодняшний день уровень развития науки и техники в большинстве случаев позволяет снизить экологическую нагрузку, создаваемую техногенными массивами на компоненты окружающей природной среды, однако данная проблема до сих пор остается нерешенной из-за несовершенной системы экологической ответственности в Российской Федерации. Таким образом, проблема безопасного складирования отходов добычи и переработки минерального сырья остается одной из наиболее актуальных проблем современности.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Хвостохранилище* — комплекс специальных сооружений и оборудования, предназначенный для хранения или захоронения отвальных отходов обогащения полезных ископаемых, именуемых хвостами. (Лингвистический анализ данного термина см. в статье Л. П. Тарнаевой, с. 22–23. — *Ред.*)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бекболотова А. К., Токтогулов А. Ж.* Воздействие хвостохранилищ на подземные воды горных районов // Изв. КГТУ им. И. Раззакова. Геология и экология. 2014. № 31. С. 415–417.

2. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Jekologija-69276.html

3. *Гальперин Ф. М., Ферстер В., Шеф Х. Ю.* Техногенные массивы и охрана природных ресурсов: Учеб. пособие для вузов: В 2 т. Т. 1: Насыпные и намывные массивы. М., 2006.

4. *Пашкевич М. А., Понурова И. К.* Геоэкологические особенности техногенного загрязнения природных экосистем зоны воздействия хвостохранилищ Михайловского ГОКа // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2006. № 5. С. 349–356.

5. *Пашкевич М. А.* Техногенные массивы и их воздействие на окружающую среду. СПб., 2000.

REFERENCES

1. Bekbolotova A. K., Toktogulov A. Zh. (2014) Vozdeistvie khvostokhranilishch na podzemnye vody gornykh raionov [The impact of tailings on groundwater in mountain areas]. *Izvestiia Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universitet im. I. Razzakova. Geologiia i ekologiia [Izvestiya of the I. Razzakov Kyrgyz state technical University. Geology and ecology]*, no. 31, pp. 415–417. (in Russian)

2. Kuznetsov S. A. (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]*. St. Petersburg. Available at: http://enc-dic.com/kuzhecov/Jekologija-69276.html (accessed 10.05.2017) (in Russian)

3. Gal'perin F. M., Ferster V., Shef Kh. Iu. (2006) *Tekhnogennye massivy i okhrana prirodnykh resursov: Uchebnoe posobie dlia vuzov [Technogenic massifs and protection of natural resources: a textbook for universities]*, in 2 vols., vol. 1: Nasypnye i namyvnye massivy [Bulk and alluvial areas.]. Moscow. (in Russian)

4. Pashkevich M. A., Ponurova I. K. (2006) Geoekologicheskie osobennosti tekhnogennogo zagriazneniia prirodnykh ekosistem zony vozdeistviia khvostokhranilishch Mikhailovskogo gorno-obogatitel'nogo kombinata [Geoecological features of technogenic pollution of natural ecosystems, the impact of the tailings Mikhailovsky ore-dressing plant]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten' [Mining information-analytical Bulletin]*, no. 5, pp. 349–356. (in Russian)

5. Pashkevich M. A. (2000) *Tekhnogennye massivy i ikh vozdeistvie na okruzhaiushchuiu sredu [Technogenic arrays and their impact on the environment]*. St. Petersburg. (in Russian)